

Пермь как текст

Владимир Киршин

Светлана Федотова

Идея проекта Алексея Иванова

Светлана Федотова

Молотовский коктейль

Владимир Киршин

Частная жизнь

Светлана Федотова

Молотовский коктейль

Владимир Киршин

Частная жизнь

Пермь 2009

УДК 882-1
ББК 84 (2Рос-Рус)6-5
Ф34

Главный герой этой книги – время. Серия очерков журналиста Светланы Федотовой – гремучая смесь общественных устремлений и личных судеб обитателей города Молотова (так называлась Пермь с 1940 по 1957 год) в эпоху расцвета «партийного государства». Тогда для людей было очевидно: прежде всего – общее дело. Писатель Владимир Киришин показал, как с 1955 по 2000 год в Перми отвоевывала свои права частная жизнь – вечно живые ценности, неподвластные тоталитаризму. Подробности городского быта год за годом складываются в мозаичное полотно, раскрывая подлинные желания и стремления человека.

ISBN 978-5-88187-384-4

Издание осуществлено при поддержке
министерства культуры и массовых
коммуникаций Пермского края

© С. Федотова, текст, 2009

© В. Киришин, текст, 2009

© В. Раков, предисловия, 2009

© О. Давыдычева, оформление, 2009

Светлана Федотова

МОЛОТОВСКИЙ КОКТЕЙЛЬ

Вкус «Молотовского коктейля»

У советской эпохи, как и у любой иной, были свой миф и свой эпос. Миф, конечно же, идет первым. В нем – картина мира, ценности и энергетика эпохи. Когда миф выдыхается, выветривается, тогда эпоха вступает в пору декаданса: все дрябнет, слабеет, смеркается, бежит от усилия. Вера сменяется неверием, общее – частным, героизм – гедонизмом и жизненной вялостью. Советский миф выдохся в застольные 70-е, когда наша не слишком завидная сытость похоронила наш голодный, а затем полуголодный энтузиазм.

Что до эпоса, то он разворачивает миф в человеческие судьбы и роли, но не в любые, а основные

в театре эпохи. Эпический герой в существенном смысле не принадлежит себе. Он чувствует себя рупором космических, социальных или иных сверхличностных сил и добровольно возлагает на себя бремя судьбы. В высших проявлениях amor fati (любви к судьбе) он становится еще и трагическим героем, в известном смысле поднимающимся над собой, а то и над эпохой. Вот только идут ли трагические одеяния тем, кого история гонит грохочущим молотовским поприщем 40 – 50-х годов прошлого века? Честно говоря, сомневаюсь: слишком брутальной была реальность тех лет, чтобы позволить человеку подняться над собой и над ней. Хотя вру: такие люди были. Но их надо искать не в кабинетах сталинских наркомов и изможденных бессонницей заводских генералов (при всем уважении к этим героям долга). Их нужно искать в ГУЛАГе: там свершалась подлинная трагедия, и там писалась самая глубокая история XX века – история духа и «тайной» свободы, история, которая, хочется верить, когда-нибудь будет дописана и которая потрясет нас. Без нее мы не поймем ни себя, ни наш XX век. Быть может, это чаемое мною потрясение в конце концов заставит нас принести покаяние, без которого ни человек, ни нация не пойдут на поправку. Пока же мы – народ без покаяния.

И тем не менее люди, с которыми нас знакомит Светлана Федотова, эпически красивы. В них присутствует эстетика жизненного стиля того времени. Они – ядро этой эстетики. Индустриальные пейзажи и генеральские френчи с наградами, трогательные женские платья и шапочки – всего лишь обрамление того «человеческого материала», которым держалась не посаженная в лагеря, воевавшая и строящая Россия. У меня чувство, что передо мной не хороший авторский текст на хорошей бумаге, а скульптурный фриз: высеченные в твердой породе времени судьбы, жесты, тела и лица. Все это тянется к архетипам советской эпохи, пытается перерастить себя, замереть в маске государственного, затвержденного, как таблица умножения, оптимизма. Неподдельный энтузиазм в крови, разбавленный еще более неподдельным, не всегда осознаваемым, глубинным страхом. Молотовский коктейль. Для тех, кто не знает: «Молотовский коктейль» – это взрывная горючая смесь, разлитая в бутылки, которые в начальную пору Отечественной войны вместо гранат раздавали красноармейцам, для того чтобы они

поджигали немецкие танки. О «действенности» этого оружия могут рассказать только ветераны.

В людях, о которых пишет Светлана Федотова, были героизм и аскетичность, утраченные нами. Аскеза не только этически красива, она – основной двигатель истории, и ее оправдание, в частности оправдание истории советского времени, – неполное (невозможно оправдать то, что возведено на костях миллионов людей), выведено преимущественно черными чернилами человеческих судеб: Николай Гусаров, Борис Изгагин, Вера Балкова, Борис Коноплев...

Когда я читаю о том, что пенсионерка Вера Балкова двадцать лет по доброй воле бесплатно работала в комитете народного контроля, живя лишь на пенсию, часть которой она, опять же добровольно, перечисляла в Фонд мира, я думаю, что если бы сейчас у нас были такие люди, с нами все было бы в порядке. Пока же у меня нет оснований для подобного оптимизма. Я также думаю, что фанатизм – не всегда плохо. При условии, что это не ты принадлежишь ему, а он тебе. Ты включаешь его, когда в нем возникает нужда, и выключаешь, когда она отпадает. Я думаю, что без героев нам не на что рассчитывать. У советской эпохи они были. У нее была собственная культура усилия. Есть ли она у нас? Сомневаюсь – речь может идти разве что об усилиях выживания.

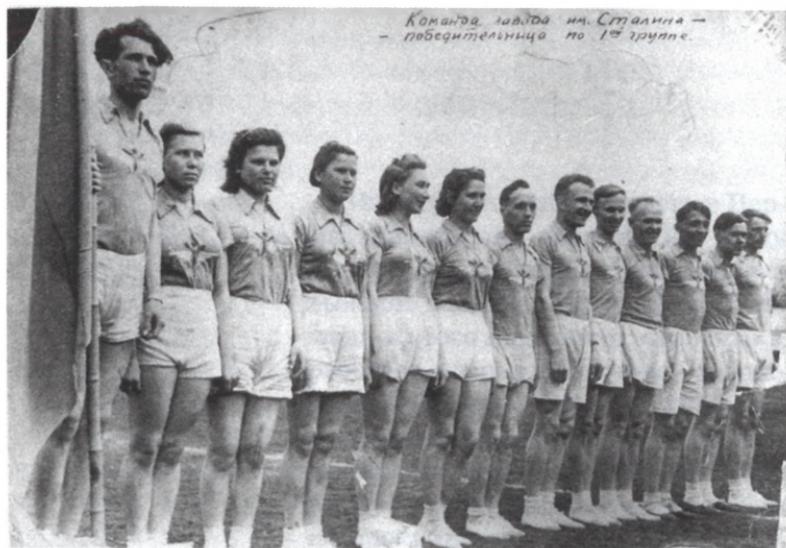
Еще меня пронзает ностальгия по молотовским баракам, тонущим в грязи улицам и бестолковому человечьему теплу тех лет. Потому что сам я родом из Молотова, из этой темной временной утробы, вытолкнувшей меня на белый свет. Молотов в моем восприятии – что-то вроде инициатической могильной ямы и вместе с тем инициатического же рождающего лона: прежняя Пермь умирает в Молотове, чтобы затем родиться заново.

Молотов – конденсат советской эпохи. Промышленная зона, металлургическая черная дыра, откуда не выбирают. Наряду с Нырблагом и Усольягом – Молотовлаг. С той лишь разницей, что в нем не было вечерних проверок, общих параш и собак охраны. Молотов – это нечто метафизическое, один из дантовских адских кругов. *Пермь ушиблена Молотовом*, и ей все еще больно. Сняк еще не сошел. В то же

время именно Молотов одним страшным ударом втолкнул, вбил Пермь, прозябавшую в историческом небытии 1920 – 30-х годов, в течение современности. Понимаю, что я не очень последователен, но я к этому и не стремлюсь. И потом, это тот случай, когда последовательным быть невозможно.

Очерки Светланы Федотовой – о настоящей Перми. Не о той, над которой растянута равнодушно-риторический лозунг последних лет «Я люблю тебя, Пермь!». Любить можно только с открытыми глазами. Может быть, когда-нибудь мы это поймем.

Вячеслав Раков

Их все еще можно увидеть в Перми: иногда они выходят на улицу в старомодных ветхих шушунах и с лыжной палкой вместо трости. Это люди из того поколения, что жило и работало в городе Молотове – так называлась Пермь с 1940 по 1957 год. У них железные зубы и упрямый взгляд индейцев великих равнин: им выпало жестокое время, которое, как и сорокаградусный мороз, выкашивало беспечных и ранимых.

Некоторые из них продолжают завязывать пенсию в носовой платок, верить в чудодейственную силу «Тройного» одеколona, который считался средством от всех болезней. Другие верят в коммунистическую партию, носят пыхиковые шапки и красные банты в день 7 ноября, предпринимателей называют купцами и говорят, что раньше было лучше.

Их осталось немного – почти все из тех людей, что поворачивали ворот,

который изменяет время, присоединились к большинству. Но то, что они сделали, никуда не исчезло. Дух города Молотова тоже остался. Он – в названиях улиц, в отношении к цветам и людям, в длинных заборах вокруг огромных промплощадок, в деревянных колоннах дворцов культуры, в брошенных узкоколейках на севере края, в памятниках Ленину, покрашенных масляной краской, в пожелтевших фотографиях фотоальбомов в дерматиновых переплетах, в бараках, где до сих пор живут люди, и в густой грязи, которая их окружает.

Дух Молотова живет. Он – в свежей мемориальной доске «Органы НКВД были образованы в 1938 году». Доску под давлением общественности сняли, но след остался. Он – в признаниях бывшего первого секретаря обкома партии Бориса Коноплева, руководившего областью шестнадцать лет, включая годы перестройки. В своих мемуарах, вышедших в XXI веке, он написал, что Сталин – великий человек, который все делал правильно.

Дух Молотова возвращается, когда органы внутренних дел начинают помогать кому-либо в решении экономических и прочих вопросов. Дух Молотова будет продолжать жить в крови тех, кто стремится вернуть миропорядок, который держался на крестьянах, попавших в город, доверчивых, как дети, на пенитенциарной системе и отсутствии информации.

О том времени многое неизвестно до сих пор. А когда начинаешь разбираться, то все оказывается не таким, как кажется.

1. Враги

Кажется, что раньше все было простым, как вода. Репрессировали только кристально честных и порядочных людей. Все «энкавэдэшники» были мерзавцами, а Сталин – параноиком. Непонятно, как они, жившие в то время, этого не замечали.

Но для людей того времени репрессированные были разными, люди из органов считались элитой, Сталин казался Богом во плоти, а жизнь была сложной, многоплановой и неоднозначной. Так сразу и не поймешь, кто плохой, где хороший.

Константин Алексеевич Морзо считался хорошим. Иосиф Израилевич Побережский – тоже. Первый был начальником отдела кадров завода № 19, второй был его директором и, фактически, строителем. Оба верные ленинцы. В 1937 году, когда «нашла коса на камень», им обоим исполнилось по сорок лет. Самый что ни на есть лучший для мужчины возраст, когда есть и силы, и опыт, и знания, чтобы вершить Большие Дела.

Иосиф Побережский был, по сути, Петром Первым завода № 19, вплоть до того, что он тоже боролся с бородами. На заводе появился приказ за № 22 от 27 октября 1934 года: «...всем рабочим на работу являться в бритом виде. Начальнику секретариата Гольдбергу запрещено на доклад к директору пускать небритых». В столовую им тоже вход был воспрещен. Так шла борьба за культуру и опрятность.

Вскоре завод станет одним из лучших в Союзе. Побережский будет говорить: «Я создал завод, и этого у меня не отнять», – а его оппоненты в письмах к Сталину назовут эти слова пустым бахвальством: «Завод создан советской властью, пришедшим к власти рабочим классом». Роль менеджмента в то время не считалась ни высокой, ни важной. Хотя в такой высокотехнологичной отрасли, как моторостроение, управление значило почти все.

Иосиф Побережский, принявший новый пермский завод в 1934 году, был уже опытным управленцем: в 1929-м он возглавлял Рыбинский завод, в 1930-м – завод № 24 имени

Фрунзе (сейчас – московский «Салют»), был одним из организаторов Центрального института авиационного моторостроения (ЦИАМ) и его директором в 1932 – 1933 годах. Почти год он провел в США, на одном из лучших моторостроительных заводов Америки Кертисс – Райт в Питтсбурге.

На пермский завод он прибыл со своей командой и рьяно принялся за работу.

«Троцкист!» – «Сам троцкист!»

Когда в ноябре 1935 года в должности помощника директора на заводе появился чекист Морзо, это было воспринято как должное: не булочки ведь делали – авиамоторы выпускали. Когда Морзо стал проявлять высокую активность, это тоже никого не удивило. Энтузиазм был яркой приметой времени. Ошеломило другое: вскоре разоблачили и репрессировали главного металлурга завода Радица, организатора центральной лаборатории Баранова, начальника снабжения Виноградова, главного механика Гасельникова, заместителя главного инженера Краскина, начальника транспортного цеха Лобынцева, начальника планового отдела Лютикова, главного бухгалтера Морозова...

Стало ясно: на заводе «свила свое гнездо» контрреволюция. Оказалось, предприятие, которое и правительством, и наркомом Орджоникидзе было признано лучшим в советском авиационном машиностроении, дышит на ладан. «Все развитие завода строилось из расчета возможности быстрой и внезапной парализации завода при относительно внешнем его благополучии», – такие письма тогда писали товарищу Сталину верные ленинцы из Перми. И ведь они искренне болели за общее дело. Ничего личного, только интересы партии.

Морзо вызывал людей на беседу в комнату № 2, которая быстро стала притчей во языцех. Через нее прошло около 400 человек.

Позднее, в январе 1938 года, Побережский будет говорить, что, узнав об этой комнате, он тут же вызвал Морзо и предложил закрыть ее. Морзо парировал: «Разговор об этой комнате начался только тогда, когда я выразил недоверие Орлову и Татко в беседе с Озеровым» (Орлов –

заместитель директора; Татко – начальник цехов № 6, 7, 8; Озеров – парторг завода. – С. Ф.).

Поначалу отношение к комнате № 2 было несерьезным: ну, анкетируют людей, ну, расспрашивают... Результаты же оказались ошеломляющими: на заводе было выявлено 500 кулаков, белогвардейцев, попов, торговцев, харбинцев, троцкистов, правых, лиц немецкого, польского, латвийского происхождения и, выражаясь словами Морзо, «имеющих заслуживающие внимание связи с границей, явно подозрительных на шпионаж». Если конкретно, то белых офицеров выявлено 220, остальных «беляков» – 180, попов – 4. Все они были уволены.

А пока идет относительно спокойный 1936 год. В Перми очереди за хлебом. Уже три с лишним месяца нет сливочного масла и молока. Совсем нет мяса, колбасы и консервов. Сложности с промтоварами.

В самом разгаре борьба с «троцкистами». Все их ненавидят, потому что они – «отребье рода человеческого». Побережский поддерживает эту непримиримую войну. Он неоднократно выступает на митингах, говоря, что «все полны кипучего гнева против трижды проклятых врагов троцкистов-зиновьевцев».

Но вот уже и самого Побережского называют троцкистом, и не кто-нибудь, а первый секретарь Пермского горкома товарищ Гольшев и второй секретарь товарищ Дьячков. И не в частной беседе, в пылу спора, а неоднократно заявляют об этом на совещаниях городского актива и на пленумах горкома. Мол, центром, вокруг которого на заводе группируются троцкисты, являются директор Побережский, его заместитель Орлов и начальник цеха Татко. На бюро Сталинского райкома Гольшев прямо заявил: «Пришло время, когда вы должны полным голосом ответить, почему вокруг вас группируются троцкисты».

Признать себя троцкистом означало смерть. Побережский начал бороться. Он был не один. С ним были и Татко, и Орлов, и Озеров, и все заводоуправление, включая Морзо. Они не раз сидели до двух – трех часов ночи, обсуждая сложившуюся ситуацию и меры, которые необходимо принять. Побережскому казалось, что Морзо поддерживает его. Так и было. У них был общий враг – троцкист Гольшев.

Побережский и Морзо стали называть действия Гольшева борьбой с заводом. Они писали в ЦК ВКП(б), что Гольшев выдал новые партбилеты троцкистам, работающим на водном транспорте. Что рядом с ним сидел троцкист Матвеев. И уж вообще вопиющий факт: троцкистке Ольховской, которая в 1932 году, редактируя брошюру о комсомоле, включила в ее текст контрреволюционные лозунги, представив Троцкого вождем народов, Гольшев записал эту работу в учетную карточку как научный труд. Они писали, что Гольшев замазывает свои ошибки и отводит весь огонь на завод № 19. Что Дьячков сначала воспитывался в монастыре, а потом в семье раскулаченного. Газета «Правда» корреспонденции о Пермском горкоме озаглавливает «Болтливое заседание», «Недоступный секретарь», «Горком, растерявший своих членов».

В мае 1936 года Гольшев в последний раз «крепко выставил завод имени Сталина». Летом Гольшева и Дьяčkова арестовали. «С Гольшевым будет делов, – говорил тогда начальник горотдела НКВД Лосос, – это только цветочки».

Возможно, на такую развязку повлияло и то, что УНКВД Свердловской области возглавил Дмитрий Дмитриев, земляк и давний знакомый Побережского, сменив на этом посту Решетова, оказавшегося, естественно, «врагом народа».

Любопытно, что секретарей горкома обвинили еще и в том, что массовые очереди за хлебом (до 2000 человек) выстраивались в дни проведения районных и заводских партийных собраний, а в торговой сети засела шайка троцкистов. Это из-за них нет в продаже сливочного масла, молока, мяса, колбасы, консервов и т. д.

И Гольшева, и Дьяčkова расстреляли. В «Правде» появилась разгромная статья о порочных методах Пермского горкома. В числе прочего там говорилось, что город очень отстал «в отношении строительства», что это мусорная яма.

И новый бой

Покой в ту пору мог только сниться. В октябре 1936 года бывший союзник Побережского чекист Морзо написал докладную записку в НКВД. «В результате изучения троцкистов и правых у меня сложилось полное впечатление группи-

ровки на заводе троцкистско-правых враждебных элементов <...>. В записке, на основании данных в личных делах, в результате уточнения анкет, я дал анализ расстановки этих сил и характеристики группирования».

Побережский знал, что такая записка существует. Ему рассказал об этом Лосос, возглавлявший органы НКВД в Перми. Морзо на заседании бюро Сталинского райкома докладывал: «Побережский зашел ко мне взволнованный, нервничал, читал мне нотацию по пропускному режиму и, убедившись, что я записку не закончил, ушел на банкет». Морзо передал записку Лососу перед его отъездом в Свердловск.

Когда Лосос вернулся из Свердловска, Побережский вызвал Морзо и предложил рассказать ему содержание записки. Морзо, согласовав это с Лососом, рассказал. Морзо: «Записка с первых же строк вызвала сильнейшую реакцию у Побережского. Он нервничал, придирался к каждой букве, возмущался тем, что я написал в НКВД, ругал меня и т. д. Что же я, чурка или враг, чтобы не реагировать на такую реакцию директора <...>? В чем дело? Вместо того чтобы быть довольным и помочь мне разобраться еще больше, он возмущался. Это не могло во мне не возбудить настороженность и недоверие».

Побережский, в свою очередь, тоже сел за письменный стол. Он назвал документ своего заместителя «частным делом Морзо» и «плодом больного воображения». Лосос незамедлительно известил об этом Морзо. Отношения Морзо и Побережского резко обострились.

Начальник пермского НКВД Лосос вскоре застрелится. Морзо об этом периоде напишет так: «Я ко всему присматривался и проверял действия всех, тем более что Лосос вел непонятную линию, внушающую подозрения».

Морзо все внушало подозрения. Через два дня после обострения ситуации он получил предложение ехать на курорт. Были выделены и путевка, и деньги. Морзо писал: «Этот курорт я расцениваю как «высылку». Зачем же высылать в столь ответственный момент в стране (ноябрь 1936 года. – С.Ф.). Неизбежно возникли мысли, укрепляющие сознание неблагополучия у Побережского, но решил ехать».

Он оставил вместо себя заместителя – Пепеляева – и сориентировал его быть особо внимательным к Побережскому,

Орлову, Озерову и Татко. Пепеляев проинформировал об этом Побережского.

Ситуация накалилась до предела.

Под новый, 1937 год Побережский вернулся из Москвы. Он был окрылен: ему вручили орден Ленина. И еще: он привез телеграмму Сталина, в которой тот указывал ГК ВКП(б) прекратить травлю руководства завода № 19, создать обстановку полного доверия и все условия для выполнения правительственного задания.

От Морзо все отшатнулись. На заводском новогоднем банкете Побережский заставлял его снова и снова читать телеграмму Сталина. А когда они остались одни, Побережский начал ругать Морзо: «Если еще будут записки в НКВД без моей санкции, выгоню с завода». Он был на коне. Он чувствовал за собой силу.

Побережский спрашивал Морзо: «Орлову не доверяешь?» – «Да, не доверял». – «Татко не доверяешь? А мне доверишь?» Морзо молчал.

Побережский был так уверен в своей безопасности, что спокойно и без упреков рассказал Морзо, как тот ошибся в Пепеляеве, который докладывал директору завода обо всех действиях своего шефа.

В начале февраля на завод приехал всеобщий кумир – летчик Валерий Чкалов. Ему был устроен королевский прием. Сохранилась фотография, на которой Побережский, местный, заводской бог, беседует с небесным богом – Чкаловым. Казалось, все плохое позади.

Но где-то там, в глубоких недрах людского океана-организма, уже вызрела и разрасталась опухоль.

В середине февраля застрелился Серго Орджоникидзе, курировавший пермский завод. Он не раз бывал на предприятии и очень благожелательно относился к его руководству.

В августе 1937 года в Перми начался разгром «массовых контрреволюционных организаций».

Побережский делает еще одну попытку избавиться от Морзо. Его уговаривают уйти в отпуск, съездить в командировку в Москву, перейти на другой завод. Но в то время «была опасность проникновения врагов народа на завод», – так писал Морзо. Как же в такой ситуации уходить верному ленинцу?

Тем более что Побережский начал принимать на завод новых людей: катастрофически не хватало рабочих и инженеров, в том числе и благодаря успешной разоблачительной деятельности Морзо.

Перевес все еще был на стороне Побережского: в вышестоящие партийные органы шли заявления о том, что Морзо ругается матом и травит Побережского и что программа завода не выполняется именно из-за него – отдел кадров, которым руководил Морзо, фактически стал отделом увольнения.

Морзо теоретически обосновывал свои подозрения: «Город Пермь имеет целый ряд особенностей, историческую базу для шпионажа, для вредительства. <...> Нет ни одной крупной капиталистической страны, шпионы разведки которой не пролезли бы на наш завод. Нет ни одного такого разбитого класса в СССР, осколки которого бы не пытались пролезть и не образовали бы на заводе белогвардейское повстанческое гнездо. <...> По своему удельному весу контрреволюция, образованная на нашем заводе, заняла первое место и по количеству, и по качеству». И продолжал разоблачать врагов: у Чазова брат в Харбине, Логунов – чужак, Соколов был в плену в Германии, Аросева – дочь латыша...

Побережский нервничал. Морзо писал: «Последнее полугодие Побережский систематически, под разными предлогами, пытается узнать от меня компрометирующие данные о лицах, к нему приближенных...»

К осени ситуация поменялась. В сентябре – октябре 1937 года на заводе были распространены слухи об аресте Побережского. Морзо в частных беседах заявлял, что руководство завода рано или поздно будет арестовано.

1938 год

В 1938 году завод № 19 должен был произвести 5000 моторов, что в значительной степени решало судьбу боевого воздушного флота СССР. Пермский завод успешно работал, в то время как Рыбинский был доведен до такого состояния, что работа остановилась: из 4000 человек была «вычищена» ровно половина.

Несмотря на ритмичную работу, моральная обстановка на заводе № 19 была чрезвычайно нервной, любое собрание превращалось в бойню: «...Старый состав в лице Озерова никакой борьбы не вел с врагами народа, главным образом не вел борьбы по разоблачениям...»; «Надо с корнем выдрать эту сволочь, которая была в заводоуправлении нашего завода...»; «Свое волчье лицо они не показывали даже своим лучшим друзьям...»

Заседание бюро Сталинского райкома партии, которое состоялось в январе 1938 года, было выдержано в том же стиле.

Побережский сражался. Он называл Морзо Гольшевым, а Гольшев к тому времени был уже признан «врагом народа». Говорил, что Морзо его травит. Побережский: «Морзо директиву тов. Сталина берет под сомнение, и я ставлю перед бюро вопрос о том, что дальше так работать нельзя. Морзо не может работать на заводе. Завод идет к развалу. Бюро должно решить: или я остаюсь на заводе и снять Морзо, или я должен уйти».

Морзо был неуязвим: из тех 500 человек, что он в 1936 году уволил с завода, 175 уже были арестованы и признаны «врагами народа», а Побережский представлял к правительственным наградам и премировал легковыми машинами репрессированных людей. Более того, он же и пригласил их работать на завод.

Члены бюро говорили, что на заводе не развита самокритика, что директора боятся критиковать только из-за телеграммы Сталина. Бюро постановило: факт травли директора завода не установлен. Побережскому указали, что он ведет себя не по-большевистски, говоря, что завод разваливается, и предложили установить нормальные отношения с представителем НКВД, то есть с Морзо. Морзо выразил политическое недоверие Побережскому. А тот вновь поставил перед бюро вопрос о невозможности совместной работы с Морзо.

На следующий день на заводе было закрытое партийное собрание со стандартной повесткой дня: отчет о работе завода за 1937 год и о задачах на 1938 год. Первый день прошел спокойно, но второй... Народ говорил: «Такого собрания, после перевыборов парторганов, у нас не было еще». Начали с того, что на заводе неправильная премиальная

система, «которая превратилась в ширму, за которой прячутся чуждые люди рабочему классу, враги народа, предатели социалистической родины», а закончили доносами отдельных членов партии в ЦК ВКП(б). И опять говорили, что телеграмма Сталина способствовала зажиму критики.

Многие были недовольны Побережским: он и позер, и артист, и своего рода диктатор.

Особо следует выделить письмо в промышленный отдел ЦК ВКП(б) с грифом «Сов. секретно» за подписью парторга завода Дубова. «Побережский <...> скрывал наличие брата-банкира, бежавшего в 1923 году из СССР в Англию, имел связь с Америкой через сестру и брата». И дальше про всех: про Орлова, которого арестовывали в 1930 – 1931 годах за шпионаж в пользу Германии, про начальника литейного цеха Базилева, сына попа и бывшего офицера, про Татко, служившего у Махно, и про конструктора Швецова, который «был приглашен на завод Побережским и Орловым, арестовывался в 1930 году по делу промпартии и по личному ходатайству Побережского освобожден».

Прошли новые аресты на заводах № 24 и № 26, в ЦАГИ и на пермском заводе. Многих из тех, кто на этот раз оказался «врагом народа», Побережский знал очень хорошо: с кем-то работал, с кем-то воевал в Гражданскую, с кем-то был в командировке в Америке.

В конце января 1938 года Побережский скажет: «Проводится поголовное шельмование честных работников, районные собрания готовятся, как Варфоломеевская ночь для меня и моих работников. Меня травят теперь уже внутри завода».

В конце февраля Побережскому досрочно и вне очереди присвоили звание бригадного инженера, а Дубова вызвали в Москву, в ЦК. Он 13 дней ожидал приема у Сталина. Наконец его приняли. Сталин интересовался, как идут дела, продолжают ли дымить моторы (была такая беда у пермских двигателей), а потом встал, подал ему руку и сказал: «Желаю успехов, товарищ директор». Дубов ответил: «Товарищ Сталин, я ведь парторг ЦК завода, а не директор». – «Нет, вы директор. Поезжайте и работайте».

Дубов поехал в представительство пермского завода в Москве и там узнал, что Побережский арестован.

Побережские и другие

Побережского вызвали в Москву, в наркомат. В приемной к нему подошел начальник заводского снабжения и попросил помочь решить вопрос о поставках материалов. Побережский обещал это сделать после того, как узнает, зачем его вызвали. Через несколько минут снабженец увидел, что директор в сопровождении двух человек спускается по лестнице. Он хотел броситься к нему, но что-то странное в лице директора удержало его. Они прошли мимо и скрылись в ожидавшей у подъезда машине. Было 4 марта 1938 года.

На следующий день в квартире Побережских прошел обыск, а в центральной фотолаборатории заводской фотограф в присутствии сотрудников НКВД разбивал стеклянные пластины с изображением бывшего директора.

Ночью в квартиры начальников цехов и работников заводууправления стали стучать. Приказывали одеваться и выходить. Посадили в автобус. Все сидели настороженные и испуганные. Сквозь замерзшее стекло увидели, что их везут на завод. В зале выставили репродукторы. Было два часа ночи, когда Дубов объявил, что Побережский арестован и что приказом наркома он, Дубов, назначен новым директором завода.

7 марта собрали бюро райкома и вывели Побережского из состава членов пленума и бюро РК ВКП(б) «как репрессированного органами НКВД». То же самое было решено в отношении заместителя директора Владимира Орлова.

Жену Побережского Елизавету арестовали 8 марта.

В апреле арестовали Леонида Татко, о котором Побережский говорил: «За Татко выступал и выступать буду». Арестовали еще многих. В том числе двоих за то, что в авиакатастрофе погиб Валерий Чкалов, хотя мотор его самолета был произведен в Запорожье.

Летом на завод приехали нарком Каганович и главком ВВС Лактионов. Их интересовало, почему дымят моторы. Они привезли с собой документ с собственноручными показаниями Побережского. По ночам в вагон, где они жили, приходили директор Дубов и парторг Ларионов – читать эти признания. Побережский оказался «немецким шпионом» с 1923 года

и «американским» с 1933 года. Ларионов запомнил два момента. Первый: по указанию Побережского на американском заводе инженеры намазали руки маслом и пытались снять отпечаток с детали, чертеж которой американцы не хотели давать представителям советской стороны. В конце концов деталь была украдена: один советский инженер просто вынес ее в кармане. И второй момент: в маленьком парижском ресторане голая актриса, танцуя, села на колени к конструктору Швецову, а потом ударила его по лицу, говоря, что он ее ущипнул. Это была провокация, устроенная Побережским.

Прочитав показания Побережского, Ларионов поверил всему и долгие годы был полностью убежден в том, что Побережский – враг народа. И был изумлен, когда спустя десятилетия бывшего директора реабилитировали.

По меркам 30-х годов улики против Побережского было более чем достаточно. Его отец был, выражаясь современным языком, трейдером по зерну и имел дом в Елизаветграде (Кировограде). Братья и сестры Побережского стали эмигрантами: один из братьев и сестра эмигрировали в США еще до революции, а другой брат оказался в Европе в 1921 году. С 1916 по 1920 год Побережский состоял членом организации «Поалей Цион», сочетавшей идеи социализма и сионизма. Но самым страшным было то, что в 1921 году Побережский разделял платформу рабочей оппозиции о профсоюзах, а в 1923-м – платформу Троцкого во время дискуссии с ним. Но после смерти Ленина «бесповоротно и до конца порвал с этой сволочью», – так в 1936 году он докладывал Сталинскому районному комитету партии о своих ошибках. «Я сознаю это тяжкое преступление и обязуюсь всегда и всюду помнить об этом преступлении, которое совершил», – каялся он.

Суд над Побережским и его расстрел произошли в один день – 29 июля 1938 года. Его расстреляли на 24-м километре Калужского шоссе, близ совхоза «Коммунарка» (в те времена – подсобного хозяйства НКВД. – С.Ф.), рядом была дача арестованного в марте 1937 года бывшего наркома внутренних дел Генриха Ягоды.

29 июля, в один день с Иосифом Побережским и в том же месте, были расстреляны еще 62 человека, среди них директор авиазавода № 24 Израиль Марьямов, заместитель наркома

внешней торговли Давид Канделаки, начальник ВВС РККА Яков Алкснис, заместитель председателя СНК Николай Антипов, министр юстиции СССР Николай Крыленко, начальник штаба ВВС РККА Василий Лавров, заместитель прокурора СССР Григорий Леплевский, председатель Госплана СССР Валерий Межлаук, нарком оборонной промышленности Моисей Рухимович, глава военной разведки Павел Берзин, заместитель председателя Госбанка СССР Николай Березин, командующий Ленинградским военным округом Павел Дыбенко, заместитель председателя Совнаркома СССР Ян Рудзук... А еще комендант Кремля, председатель Горьковского облисполкома, начальник Томской железной дороги, командующий войсками Белорусского военного округа, профессор академии Генштаба...

«Да здравствует товарищ Сталин!» – крикнул кто-то из них перед смертью.

Елизавета Побережская была под следствием 19 месяцев. Как жене «врага народа» ей дали три года. В 1943 году освободили. Люди вспоминают, что это была уже сломленная старуха, совсем не похожая на ту плясунью и заводилу, которой была пять лет назад в Перми. Она жила в Подмосковье, шила солдатское обмундирование. Умерла Елизавета Побережская в 1975 году в интернате для ветеранов партии, иначе говоря – в доме престарелых.

Виктор, единственный сын Побережских, в 1938 году учился в 7-м классе школы № 9. После ареста родителей его забрала бабушка, жившая в Москве. Он рвался в Красную Армию. Погиб Виктор в 1942 году в первом же бою.

Василий Дубов директорствовал недолго: его назначили начальником главка в Минавиапром. В начале лета 1945 года Дубов вместе с делегацией отправился в Вену к Ворошилову. На киевском аэродроме они садились при сильном тумане. Самолет врезался в дерево. Все погибли.

Морзо. Жизнь после смерти Побережского

Весна 1938 года – звездное время Морзо. На III партийной конференции Сталинского района города Перми на выборах в президиум он наберет больше всех голосов – 73.

Человек, «свернувший голову гидре, свившей гнездо в директорском кресле», пользовался авторитетом. На этой конференции Морзо доложил свою биографию. Родился в 1897 году в семье рабочего. В 1917-м вступил в партию. На три месяца переходил к анархистам, потом одумался и вернулся в ряды большевиков. Воевал в годы Гражданской войны. В 1921-м направлен в ВЧК, где работал до 1927 года. Наиболее отличился разгромом троцкистов в Красноярском крае в 1923 году. Дальше был перерыв по болезни, в результате которой – инвалидность. С 1933 года снова в НКВД. В 1933 году он был арестован Ягодой, как говорит Морзо, «по оперативным соображениям».

Еще в 1935 году он писал начальнику управления НКВД по Челябинской области о том, что состояние его здоровья ухудшилось: «Ко всему тому, что было, прибавилась болезнь позвоночника и усилилась до мучительности мнительность». Требуется серьезное лечение. «Прошу о направлении на врачебную комиссию с предоставлением длительного отпуска с лечением или увольнении на пенсию». А его послали в Пермь. Но Морзо не стал докладывать участникам конференции о своей болезни. Зачем?

Весной 1938 года он уволился с завода, перед этим еще раз отличившись. В один из холодных апрельских дней рабочие, как обычно, ушли на обед в столовую, находящуюся за пределами завода, оставив пальто и головные уборы в цехах. Когда они вернулись, 150 человек не пустили на завод, объясняя, что они уволены. На следующий день все повторилось: на улице остались еще 169 рабочих. Разбирались с ситуацией на уровне Свердловского обкома партии. В конце концов всех рабочих восстановили, а Морзо ничего за это не было: все знали, что у него есть «черная книга» в сейфе, доступ к которой закрыт для всех, включая директора и парторга. В этой книге были компрометирующие сведения.

Год Морзо пробыл на пенсии. В 1940 году он поступил помощником директора на завод № 338 в Уфе.

Морзо прожил долгую жизнь. Свою фамилию стал писать так: «Морзо-Морозов». В 1963 году в учетной карточке члена профсоюза в графе «основная профессия» он укажет: «товаровед». В графе «занимаемая должность» – «экскурсовод».

Он получил персональную республиканскую пенсию и комнату в квартире на Комсомольском проспекте, 84. Активно писал клеюзы на соседа, который якобы называл его вором и обижал его жену. Морзо добивался отдельной квартиры. Мотивировал это тем, что у него «преклонный возраст (55 лет!), неврастения, частые головные боли и истерики». В 1965 году умерла его единственная дочь Маргарита, а жена начала быстро слепнуть.

Страстью Морзо-Морозова стало краеведение. В областном архиве хранится его многостраничное исследование об истории пионерского движения в Пермской области. Он водил экскурсии по местам боев Гражданской войны. Сохранились такие фотографии: благообразный старичок с бородкой указывает на избу. Подпись: «Здесь пытали красноармейцев». Этот же старичок указывает на колодец: «Сюда сбрасывали тела зверски замученных красноармейцев». Групповая фотография: старичок в окружении пионеров...

Никогда и не догадаешься, какую кровавую роль этот дедушка сыграл в истории Перми.

2. ОТЦЫ И ДЕТИ

Николай Гусаров собирался написать о своей жизни книгу. И название придумал: «Воспоминания и размышления партийного работника». В общей тетради бледно-розового цвета стоимостью 72 копейки красивым круглым почерком на первой странице выведен и дважды подчеркнут заголовок. А дальше идет то, что раньше называлось конспектом. Гусаров переписывал статьи из газет и главы из идейно выдержанных книг, телеграммы Сталина, адресованные Мотовилихинскому заводу. Читать их так же утомительно, как тексты XVIII века: словно идешь по колена в воде. Слишком сильна в них стилистика того времени, слишком много морально-политического единства (Гусаров писал: «марально») и руководящей роли партии. До воспоминаний или размышлений самого Гусарова дело так и не дошло.

Зато его сын Владимир Гусаров книгу написал. Она вышла в 1970 году в издательстве «Посев» во Франкфурте. Называлась эта скандальная книга «Мой папа убил Михоэлса». В первых же главах автор пишет, что подробности убийства ему неизвестны. «Вполне возможно, что его убил не папа, а министр МГБ Цанава, племянник Берии, а может, и еще кто, но дело не меняется от этого. Сам я в Белоруссии никогда не бывал, мы уже не жили с отцом, но и я причастен». Наивно и неубедительно. С таким же успехом его папу можно считать убийцей миллионов людей: Молотовская область, которую он возглавлял в годы Великой Отечественной войны, была крупнейшим производителем порохов, снарядов, мин и торпед в СССР. Именно Гусаров так выстроил здесь военное производство, что оно работало, как турбина: мощно, ритмично и без сбоев.

О Михоэлсе в тексте книги есть лишь одно упоминание.

Ноябрь или декабрь 1941 года. Город Молотов. Шестнадцатилетнего Владимира Гусарова «по блату» проводят к ясновидцу Вольфу Мессингу, который жил в самом фешенебельном

помещении города того времени – семиэтажке, гостинице «Центральная». Там был расселен весь эвакуированный в Молотов из Москвы и Ленинграда «бомонд»: от композитора Хачатуряна до художника Иогансона. Мессинг выступал в расположенном рядом с гостиницей театре оперы и балета с так называемыми опытами: ему писали записки о том, что нужно сделать, а он, не разворачивая послания, исполнял это. Мессинг угадывал задуманные числа и находил спрятанные предметы. Многие знали, что он может предсказывать судьбу. Но на концертах он этого никогда не демонстрировал. Исключения делались в очень редких случаях. Единственному сыну главного человека в области Мессинг отказать не мог. Тем более что за него просила секретарь начальника комитета госбезопасности – сестра жены самого Гусарова.

«Я пришел и обомлел, – пишет Владимир Гусаров, – на втором этаже гостиницы меня ждал загадочный человек с высоченным лбом и ликом дьявола. Я смотрел на него, как за гипнотизированный. <...> Дьявол повел меня наверх и втолкнул в небольшую комнатку, где сидели два обыкновенных еврея. Один из них, маленький, суетливый, с бегающими глазами, и был Мессинг (“дьявол” был его администратором), другой был дирижер Кировской оперы Шерман. Шерман был явно подавлен только что состоявшимся разговором. Мессинг утешал его и говорил, что предсказывать одно хорошее неинтересно. <...> Мне он протянул кусок бумаги. “Напишите четыре двузначных числа”. Я написал. Он велел зачеркнуть любые три. Я зачеркнул, ни секунды не задумываясь, в полной уверенности, что и пишу, и зачеркиваю что хочу. Одно число, скажем 76, осталось. Мессинг предложил мне перевернуть листок, я перевернул, там его рукой было написано 76. Я глянул недоуменно и испуганно, глаза Мессинга мгновенно расширились, меня как током дернуло. Я мысленно приказал ему снять с вешалки зимнюю шапку, положить на кровать и накрыть всеми пятью подушками с двух кроватей, что он и сделал, слегка, правда, замешкавшись у вешалки. <...> По линиям моих рук он определил, что я склонен к недоверию, независимости, причем выражал это так образно и подробно, что я был потрясен. “Вот вы смотрите на педагога, а про себя говорите: ну чему ты можешь меня

научить при своей тупости?” Затем он предсказал мое будущее: “Вы станете трагическим актером с богатой внутренней жизнью, как Михоэлс”».

Актером Владимир Гусаров действительно стал. Роли играл разноплановые. Трагедии случались и в жизни. Наверное, названием книги он хотел сказать, что отец убил именно его.

Место действия

В 1938 году козырем Николая Гусарова была молодость. В 1917-м ему было всего двенадцать лет. Следовательно, все дразги революции и Гражданской войны, а также уклоны, за которые расстреливали, прошли мимо него. К двадцати годам у Гусарова была семья – жена и новорожденный сын Владимир, и был партийный билет. Всю свою дальнейшую жизнь он колебался только вместе с линией партии. Работал спецкором газеты «Молодой ленинец» в городе Урюпинске, служил в погранвойсках НКВД, участвовал в коллективизации, учился в Московском авиационном институте в числе парттысячи, служил политработником в Казахстане.

Весной 1938 года рядовой тридцатитрехлетний партийный работник Гусаров вошел в элиту: стал третьим секретарем Свердловского обкома партии. Вакансий было полно: прежние руководители стремительно «изымались органами НКВД» (был тогда такой термин).

В 1937 году по требованию Молотова был арестован «хозяин» Свердловской области Иван Кабаков, руководивший регионом фактически с 1929 года. Комиссия НКВД, работавшая в области, донесла Сталину, что Кабаков все уральское кулачье и зажиточных свел в отделения, взводы, роты и батальоны и в любое время готов выступить против Москвы. Тут же городу Надеждинску, переименованному в честь Кабакова в 1934 году, вернули прежнее имя.

А через год после ареста, в 1938 году, о Кабакове напоминала только заброшенная, пустовавшая дача – роскошный двухэтажный особняк с бильярдной залой и множеством подсобных помещений, расположенный на острове посреди озера. Черного кота Кабакова, как утверждает легенда, подобрал Абрам Столяр, ставший первым секретарем Свердловского

обкома партии. Абрама Столяра вскоре тоже арестовали и расстреляли на день раньше, чем Иосифа Побережского, в той же «Коммунарке».

Следующий первый секретарь Свердловского обкома Константин Валухин от кота отказался, и того приютил второй секретарь – Медведев. Судьба Медведева неизвестна, а вот энкавэдэшник Валухин руководил областью недолго – около восьми месяцев, затем его перевели управлять Калининским свиноводческим трестом. Вскоре, однако, последовал арест и расстрел.

Вот в такой обстановке взошла звезда Николая Гусарова. Партия послала его руководить огромной Пермской областью, которую выделили из состава Свердловской в октябре 1938 года.

Когда-то Свердловск был уездным городом Пермской губернии. Туда ссылали тех, кому в губернском городе проживать было нельзя, – революционеров, смутьянов и прочих неблагонадежных. После революции, а особенно после того, как Колчак был встречен в Перми хлебом-солью, город на Каме попал в немилость и превратился в районный центр. Пожалуй, это был единственный в СССР райцентр со своим университетом.

Свердловские коммунисты называли Пермь не иначе как «старая саботажница Пермь». «Все партийные и советские учреждения единогласно констатируют “сплошную контрреволюционность” населения Пермской и Вятской губерний» – такие сведения содержатся в отчете товарищу Ленину комиссии ЦК партии и Совета обороны «О причинах падения Перми в декабре 1918 года. Общая картина катастрофы». Комиссию возглавляли И. Сталин и Ф. Дзержинский. В Гражданскую войну это был один из самых сокрушительных провалов Красной Армии. Отступая, белые взорвали все что могли. Горела даже Кама: белогвардейцы, отступая, подожгли горючее из нефтяных складов Нобеля.

Свердловск быстро отстраивали. Свидетели, бывавшие там в 30-х, писали, что Свердловск – это город столетних изб из лиственницы и новых зданий, построенных в стиле конструктивизма. В Перми же почти нет построек того времени – «саботажнице» не давали финансирования.

Похоже, статус областного города Перми вернули только потому, что построенный здесь моторный завод быстро стал лидером отечественного авиастроения. Кроме того, в области нашли месторождения калийных солей и нефти.

Когда Гусаров получил свое назначение, Пермь еще не была Молотовым. Город переименуют в 1940 году: стало понятно, насколько продукция его заводов важна для страны. Чтобы лишний раз не напоминать вождю народов о «пермской катастрофе», было решено поощрить его соратника таким подарком к 50-летию. Вячеслав Молотов к Перми имеет очень опосредованное отношение: он здесь не родился, не женился и никогда не жил. Правда, посещал. В архиве сохранились фотографии Молотова, заносащего ногу в автомобиль. Следующий кадр – кавалькада одинаковых машин несется куда-то, меся богатую пермскую грязь.

Когда Гусаров прибыл в Пермь, его тоже встретила осенняя распутица, серые дома, низкое небо и огромное количество работы. Следом за ним прибыла семья. Владимир Гусаров пишет: «Под новый, 39-й год мы выехали в Пермь – в отдельном вагоне, везя с собой фикус, пальму, три чемодана и бабушку Машу».

Гусаровых поселили не в гостинице, а в одном из самых шикарных домов Перми, который неофициально до сих пор называется «Дом чекистов».

У Гусарова, в его пятикомнатной квартире на пятом этаже, часто столовались, обсуждая текущие дела, члены бюро обкома – пять секретарей, председатель облисполкома и начальник НКВД.

Последняя должность была словно заколдованная: руководитель менялся каждые полгода. Валентина Ковалева, занявшего этот пост одновременно с назначением Гусарова, сменил Петр Вайнштейн, который вскоре был арестован и получил 15 лет. Дмитрия Шахова сняли с должности за несоответствие, а потом вообще расстреляли. Николай Сазыкин ушел на повышение, был назначен наркомом внутренних дел Молдавии. И лишь Матвей Поташник задержался в должности года на четыре.

Поташник известен тем, что, будучи следователем Лефортовской тюрьмы, сделал головокружительную карьеру на процессах 1937 – 1938 годов. Был одним из следователей евразийцев. В частности, допрашивал Сергея Эфрона, мужа Марины Цветаевой. В 1955 году Поташника исключают из партии за «нарушения соцзаконности» при расследовании дел ответственных работников треста «Кизелуголь» в 1941 году и увольт за то, что использовал служебное положение в личных целях (получил четырехкомнатную квартиру и отстроил в 1942 году особняк в Молотове).

В годы войны к Гусарову иногда приглашались на обед директор завода имени Сталина Анатолий Солдатов и директор Мотовилихинского завода Абрам Быховский. «В нашем доме, – пишет Владимир Гусаров, – останавливался Ворошилов с адъютантами и телохранителем майором Сахаровым, Шверник, вице-президент Академии наук СССР Бардин, обедали у нас Ширшов, Вахрушев, Шахурин – да разве всех упомянешь! Одно могу сказать точно: интеллигентов, если не считать Бардина, не бывало».

Гусаров придерживался общего стиля: жене предпочитал общество соратников, ходил в полувоенном костюме и фуражке-сталинке. Похоже, в Молотове шляпу носил только главный инженер завода имени Сталина.

Из книги Владимира Гусарова: «В Перми я получил возможность чаще видеть своего могущественного папу, и медленно-медленно в душу мою стало закрадываться сомнение: чем же он так замечателен, отчего подчиненные так восторгаются им? Дома восторгаться было вроде бы нечем: отец часто пил, в нетрезвом виде подолгу гонялся за кошкой, требуя, чтобы ее положили ему в постель, что бесило маму...»

Были вещи, о которых шестнадцатилетний сын Николая Гусарова не только не знал, но даже спустя три десятилетия не догадывался: его отец был тем человеком, который, как атлант, удержал на каменных плечах что-то гораздо большее, чем пермский завод имени Сталина в мае 1941 года, и сделал нечто более значительное, чем перевод экономики региона на военные рельсы в течение нескольких месяцев.

Иосиф Побережский. 1929 год

В.М. Молотов на пермском заводе «М». 1932 год

УСТАНОВИЛИ : 1/ РК партии, обсудив заявления Пепеляев
к Греч хина, считает неустановленным нали-
чия травли Щоберетского со стороны тов. Мороз.

2. Постылить на вид тов. Мороз за безтактное
поведение в беседе с бывшим секретарем РК ВКП/б/ тов.
Садоряным.

3. Указывать тов. Щоберетскому на неправильность
его заявления, что "завод разваливается".

4. Предложить тов. Щоберетскому и Мороз уста-
новить нормальные взаимоотношения в их работе, взять
курс на решительное очищение завода от классово-
враждебных элементов на заводе и быструю ликвида-
цию последствий вредительства.

5/ Давление тов. Мороз.

Тов. Мороз выразил политическое недоверие к
тов. Щоберетскому.

6/ Заявление тов. Щоберетского.

Тов. Щоберетский в связи с заявлением т. Мороз
поставил перед бюро о невозможности дальнейшей со-
вместной работы с тов. Мороз.

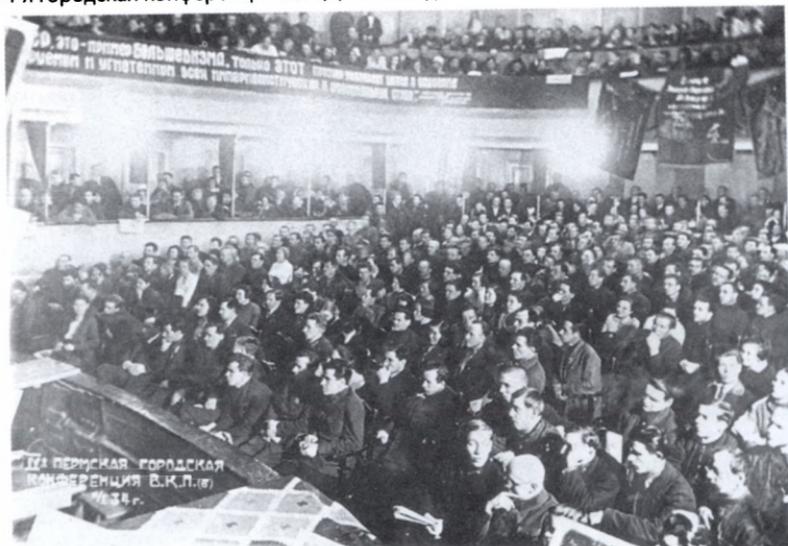
СЕКРЕТАРЬ СТАЛИНСКОГО
РК ВКП (б) гор. Пермь -

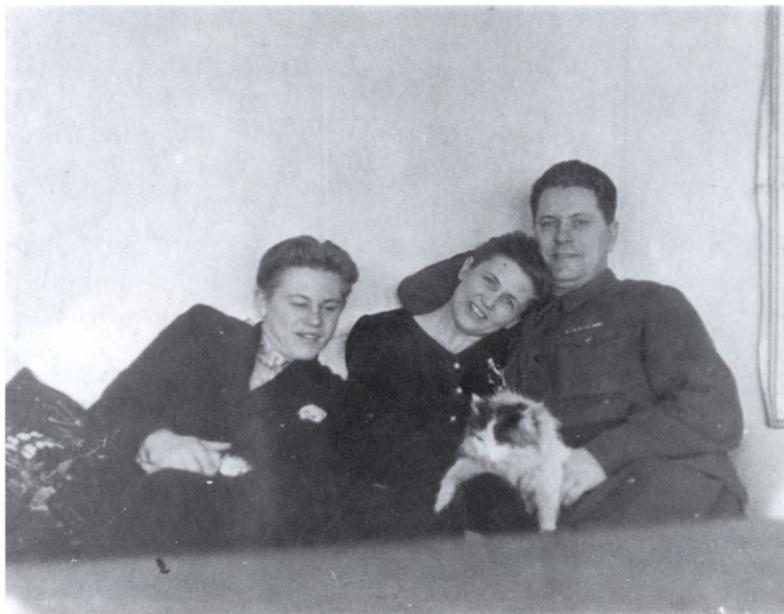
/ Дубов/

.....1938г.
гор. Пермь .

Постановление Сталинского райкома ВКП(б) г. Перми. 1938 год

4-я городская конференция ВКП(б). 1938 год

Семья Гусаровых. Г. Молотов. 1940-е годы

Николай Гусаров (в центре). Г. Москва. 1950-е годы

Из фотоочерка «Железная дорога». Г. Молотов. 1942 год.
Фото Александра Родченко

Вера Балкова (во втором ряду третья слева). 1930-е годы

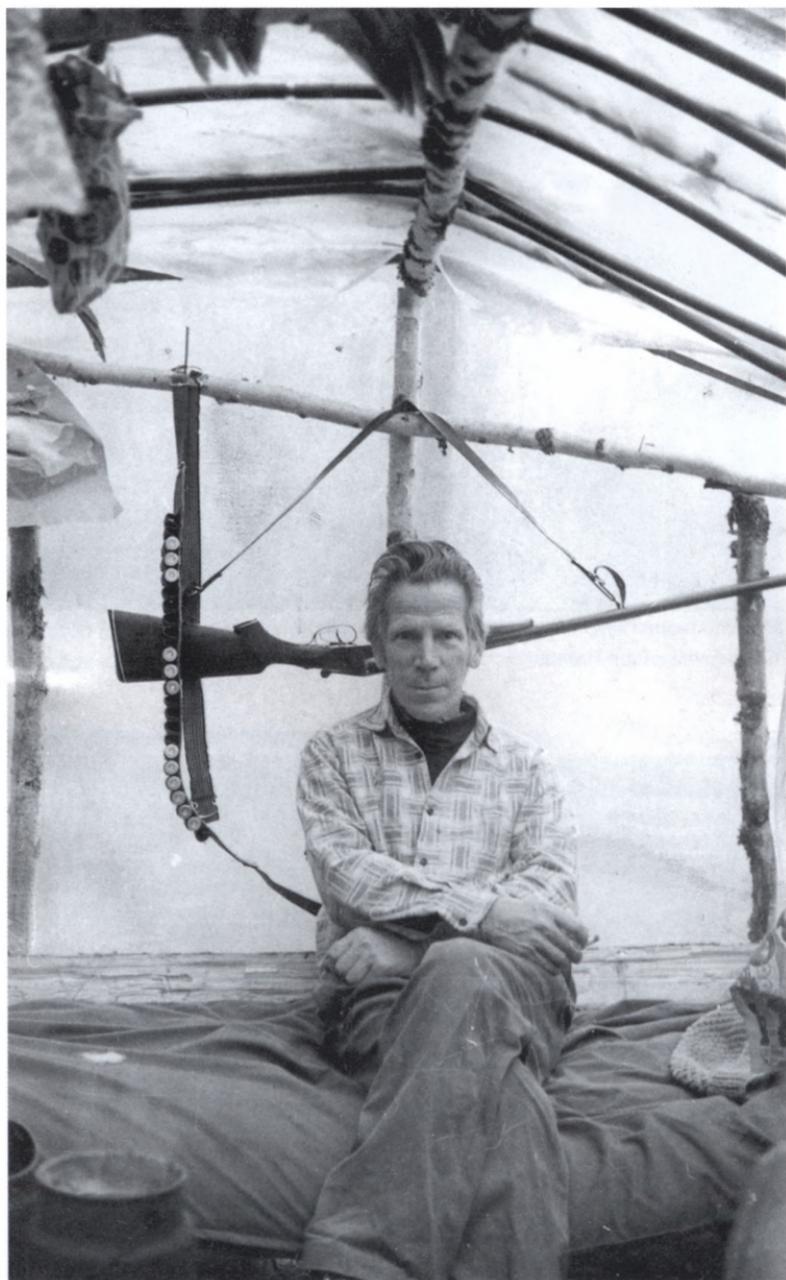

Из фотоочерка «Железная дорога». Г. Молотов. 1942 год.
Фото Александра Родченко

Митинг на пороховом заводе им. Кирова. 1945 год

Пётр Чудинов

Очёр. Экспедиция. 1958 год

Василий Парин
с сыном Василием

Василий Парин с сыновьями
Борисом (слева) и Василием

Клавдий Циренщиков

Летчики. Второй справа Сергей Сафронов

Сергей Сафронов

Анна Сафронова

Анатолий Солдатов. 1940-е годы

Давид Кацнельсон

Михаил Субботин

Давид Кацнельсон, Борис Изгагин, Михаил Субботин на демонстрации

Собрание трудящихся завода им. Сталина
в честь 30-летия образования СССР. 1952 год

Космонавты Алексей Леонов
и Павел Беляев в Перми. 1965 год

Алексей Леонов, Павел Беляев и Борис Коноплев. 1965 год

Борис Коноплёв на трибуне 7-го ноября. 1970-е годы

Борис Коноплёв

К победе коммунизма

Война и мир

О том, что будет война, в Пермской области точно знали. Серьезно к ней стали готовиться с мая 1941 года: провели мобилизацию, работники органов НКВД перешли на двенадцатичасовой рабочий день, а на заводских собраниях ораторы говорили: «Международная обстановка настолько напряженная, что мы не можем разбрасываться днями и даже часами».

На заводе имени Сталина думали, куда принять самолеты «Дугласы» и «Юнкерсы» – летающие лаборатории, которые должны были поступить из фашистской Германии в ближайшее время. Об этом была договоренность на правительственном уровне – так осуществлялась программа технической поддержки, заключенная между СССР и Германией. В рамках этой программы в апреле 1941 года большая делегация немецких специалистов посетила завод имени Сталина. Их принимали с помпой, организовали банкет, на котором в числе прочих провозглашался тост и за Гитлера. Это был ответный визит: год назад немецкие авиастроительные заводы посетила группа советских специалистов, в составе которой был и конструктор Аркадий Швецов.

Швецов переживал самое тяжелое время в своей жизни: Иосифа Побережского, который был его другом и заступником, поглотила трагедия. Через год, в 1939-м, в железнодорожной катастрофе поезда «Пермь – Москва» погибла жена Нина, с которой он прожил 26 лет. В моторе его конструкции обнаружился дефект. «Швецов был подавлен. Никогда в последующие годы я не видела его в таком тяжелом душевном состоянии», – напишет впоследствии его вторая жена. Вопрос стоял очень серьезно, вплоть до того, что готовились переоборудовать завод на производство двигателей другого конструктора – об этом уже вышло постановление ЦК. У Швецова был готов проект нового мотора-82. Но новый директор завода имени Сталина, совсем молодой Кожевников, говорил: «Не только толкать мотор-82, но я не буду о нем и говорить!»

Мотор, как, впрочем, и любое другое техническое новшество, в те времена надо было, выражаясь современным

языком, продвигать. Говорить же следовало с Лаврентием Берия, который курировал авиастроение, с членами ЦК, определявшими направления работ и объем финансирования, и, разумеется, с самим Сталиным, который считал авиастроение приоритетной областью промышленности.

В мае 1941 года «толкать» мотор поехали в Москву Аркадий Швецов и Николай Гусаров. Нет достоверной информации, какими аргументами им удалось убедить Сталина изменить решение ЦК в пользу швецовского мотора: в своих воспоминаниях Гусаров этой темы даже не касается. Но известно, что он на всю жизнь остался сталинистом, говоря: «Со Сталиным можно было спорить!»

В полной мере принятое решение оценили несколько раз. В начале войны, когда эшелоны ползли месяцами (а ведь в случае отказа от М-82 на заводе начался бы демонтаж оборудования – новые станки должны были поступить из разных концов страны). В середине войны, когда М-82, установленные на истребители Ла-5 и Ла-7, решили исход Сталинградского сражения. В конце войны, когда эти истребители были признаны лучшими в небе Второй мировой войны.

Двигатель еще более 30 лет находился в массовом производстве.

Только название у него стало другое: АШ-82. АШ – значит Аркадий Швецов. Это личное клеймо конструктора.

Война изменила всю жизнь города Молотова.

В первый же день возле военкоматов выстроились очереди добровольцев. Это потом будет деление на более и менее нужных, а тогда брали всех: война-то скоро кончится нашей победой!

В город начали прибывать эшелоны с оборудованием и людьми. Шла эвакуация предприятий из тех областей страны, которым грозила оккупация. Люди, пережившие это, вспоминают, что уполномоченные ходили по квартирам местных жителей и спрашивали, можно ли разместить у них эвакуированных. Никто не отказывал. Стали прибывать первые раненые. От Перми II их развозили по госпиталям на трамваях.

Была и паника. Особенно осенью 1941 года. Были слухи о фашистских самолетах над Соликамском, о подготовке во-

оруженного восстания в Усольяге бывшими офицерами эстонской армии, которые находились в заключении и считали, что помочь им может только Гитлер. Был черный рынок, на котором буханка хлеба продавалась по цене месячной зарплаты. Клумбы отдали под посадку картошки. Однажды под высоким забором особняка Гусарова умер от голода работающий – об этом вспоминает Владимир Гусаров.

В середине войны первый секретарь обкома партии переехал из Дома чекистов в особняк, расположенный в районе улицы Красноармейской. Рядом с ним был дом председателя облисполкома. К тому времени генералы-директора крупных заводов тоже обзавелись новым жильем, которое очень напоминало помещичьи усадьбы: лепнина, паркет, огромные окна, колонны... Сейчас в особняках директора и главного инженера завода имени Сталина расположен Горный институт УрО РАН, в особняках директора завода имени Кирова и руководства комбината «Молотовуголь» – детские дома творчества. Особняк Гусарова снесен в начале 70-х, после выхода во Франкфурте книги его сына. На этом месте сейчас детский сад.

Генеральские особняки красноречиво говорят о том времени: тогда были люди, которым можно было все, и те, которым – ничего. Последние прикреплялись к работе, как лошади к телеге, и для них не существовало иного выхода, кроме победы. У генералов выхода тоже не было: победа нужна была «одна на всех...» Цена значения не имела.

Конечно, люди, работавшие в войну, – герои. Они вынесли двойной пресс: войны и мироустройства, близкого к рабовладельческому. У каждого из них была своя жизнь, свои мечты и желания. От всего этого пришлось отказаться, чтобы работать по двенадцать-четырнадцать часов в сутки без выходных и праздников.

В советское время было принято писать, что вся область в едином порыве работала на фронт. На самом деле, было всякое.

Неопровержимый факт: на заводах работали дети. О банках варенья, которые однажды были вручены подросткам-передовикам производства, с умилением писали не раз. Менее известно, что ребята часто пускались в бега. «Они убежали,

мы их ловили» – рефрен неофициальных воспоминаний о том времени.

Отдельная тема – мобилизованные из Средней Азии. Их стали отправлять в Молотов в середине войны, когда потребность в рабочей силе встала очень остро. Они ходили в своих ватных халатах и зимой и летом, а жили в каких-то подобиях нор. Очевидцы вспоминают, как зимой по Березникам ходили подводы, подбирающие покойников в ватных халатах. Очень часто в подкладке халатов обнаруживались деньги: люди голодали, экономя на всем, чтобы послать деньги своей семье.

А еще были заключенные, спецпереселенцы, мобилизованные женщины, эвакуированные...

Их всех нужно было не только заставить работать, но и воодушевить, чтобы они работали с энтузиазмом, качественно и почти бесплатно.

Огромная заслуга Гусарова как главного менеджера региона в том, что он сумел это сделать. В результате уже спустя несколько месяцев после начала войны Молотовская область стала выпускать военную продукцию в огромных количествах.

Методы у Гусарова были разными. «На всю жизнь запомнилось, – писал Гусарову Александр Сергейченко, заместитель председателя областного комитета по ТВ и радио, – как выстегали Вы однажды меня утром по телефону из Кунгура за то, что вся область уже знала о пожаре в Березниках, а мой помощник все еще остается в неведении».

Ни одна воинская часть не уезжала на фронт без напутственного слова Гусарова. На всю жизнь запомнилось его выступление одной девушке, отправляющейся на фронт. «Вы женщины, – сказал он им по-отечески, – никогда не пейте и не курите». Эти слова она вспоминала со слезами благодарности через 60 лет.

Гусаров был на особом счету у Сталина. Владимир Гусаров пишет об этом так: «При мне отец удостоился разговора с вождем только один раз. Это было осенью, очевидно, Иосифу Виссарионовичу не спалось. Он сказал: “В ваших руках судьба Москвы”. Остаток ночи отец не мог успокоиться – ходил до утра по квартире в подштанниках и повторял услышанное».

Вера Балкова, одна из секретарей обкома партии того времени, уже в 80-х пришлет Николаю Гусарову любительскую фотографию, сделанную 9 мая 1945 года, и подпишет ее: «Счастливейший день нашей жизни». Так оно и оказалось, хотя тогда они, наверное, думали, что лучшее, конечно, впереди.

Другая жизнь

Из Молотова Гусаров уезжал победителем. Во-первых, под его руководством с блеском прошла научно-практическая конференция, на которой виднейшие ученые СССР обсуждали проблемы, как мы бы сейчас сказали, конверсии – перевода экономики Молотовской области с военных рельсов на мирную продукцию. Во-вторых, он ехал на повышение в Москву. Ему дали шикарную квартиру в Староконюшенном переулке. В-третьих, и возможно в-главных, он уезжал с молодой женой Ниной, которая была всего на год старше его сына Владимира. Она была балериной Молотовского театра оперы и балета.

В 1949 году у Гусарова родился второй сын Александр, а в 1955-м – третий, Виктор. Между их рождением прошла целая эпоха: в 1949 году их отец был могущественным первым секретарем ЦК Компартии Белоруссии, а в 1955-м – разжалованным инструктором.

В 1950 году, не проработав и трех лет, Гусаров был снят с поста первого секретаря ЦК Компартии Белоруссии. Официальная версия – за промахи и просчеты в работе. В материалах V Пленума ЦК КП(б) Белоруссии написано по этому поводу: «Игнорировал коллегиальность руководства <...>, самолично изменял решения Бюро ЦК <...>, неправильно относился к критике недостатков <...>, не работал с партийным активом <...>, не информировал правдиво ЦК ВКП (б) о состоянии дел в республике». В Молотове Гусаров мог быть диктатором, но в Белоруссии это не удалось.

Вскоре новый удар. Владимир учинил дебош в ресторане «Савой». Спев «Интернационал» по-немецки, он подошел к столику, где сидели люди, которым его пение не понравилось, и сказал им: «Не вам, сталинским выбл...кам, учить

меня, как петь «Интернационал». Потом дрался с милицией, нецензурно ругался, обращался к портрету Ворошилова со словами: «Стыдно бояться, Климент Ефремович! Или ты не видишь, что все держится на страхе и рабстве?» – «Замолчи! – говорили ему друзья, – ты в тюрьму попадешь! Понимаешь? В тюрьму!» – «Вся Дания – тюрьма, тюрьма народов...» – так, судя по книге, он ответил.

Владимир думал, что все обойдется и на этот раз. Он и раньше позволял себе многое. Однажды, например, написал на открытке: «Я ненавижу сталинский режим» – и послал по почте жене. Открытка дошла. Санкций не последовало.

Когда все вставали при имени Сталина, Владимир Гусаров сидел: «Надоела эта комедия...» Напившись, крестил прохожих. Как-то раз назвал патруль жандармами. За это его посадили, но благодаря отцу выпустили. Тюрьма и ссылка казались ему уютной избушкой, «где можно будет спокойно посидеть над шахматной доской».

На этот раз не обошлось. В декабре 1952 года Николай Гусаров написал секретарю ЦК ВКП(б) такое письмо: «Несмотря на то что сын значительное время живет самостоятельно, я глубоко переживаю и осознаю всю свою моральную ответственность перед партией за его воспитание и любое решение партии о себе приму как должное».

Через три месяца Гусаров-старший напишет Маленкову: «Считаю необходимым дополнительно сообщить, что сын признан психически больным». Владимира Гусарова вместо тюрьмы поместили в психушку.

Судьба вроде бы снова начала улыбаться Николаю Гусарову, правда, уже не так широко: в 1953 году его назначили первым секретарем Тульского обкома КПСС. Это было понижение, но, в принципе, терпимое.

В 1955 году Никита Хрущев, проезжая через Тулу и увидев на перроне встречающего его Гусарова, картинно изумился: «А ты что здесь делаешь?» И не успел Хрущев доехать до Киева, как Гусарова сняли.

Конфликт с Хрущевым начался еще в 1946 году. Гусаров был тогда инспектором ЦК КПСС. Когда его просили пояснить, что это за должность, он гордо отвечал: «Личный представитель Сталина». В тот год, как пишет Владимир Гусаров,

«папа ущемил своим докладом Хрущева. Они сцепились на совещании, Никита спросил отца, для чего у него голова, но отец недаром занимал свой высокий пост, он не растерялся и тут же ответил: “Не для шляпы!” Хрущев обозвал папу тыловой крысой, но после совещания цекисты потихоньку подходили к отцу, жали руку и говорили, что лет пятнадцать такого не было».

Хрущев был очень мстителен. Гусаров надолго остался без работы и даже, рассказывают, ходил на Курский вокзал «подносить чемоданы» – нужно было кормить маленьких детей. В Москве все равно никто не знал его в лицо.

Месть Гусарову была не очень значительной, если сравнить его судьбу с судьбой Филиппа Прасса, первого секретаря Молотовского обкома партии с 1947 по 1954 год. Рассказывают, что у его отца был в свое время конфликт с Хрущевым. Поэтому, как только Никита Сергеевич пришел к власти, Прасса сняли с должности, направив в Узбекистан. Вскоре там его исключили из партии, и свою карьеру он закончил горным мастером в шахте.

Карьера Николая Гусарова закончилась в аппарате Совета министров РСФСР, где он работал до 1984 года простым инструктором. Получал «паек», персональную пенсию 250 рублей, был прикреплен к поликлинике, но это было совсем, совсем не то, на что он рассчитывал.

Продолжались проблемы с сыном. В хрущевское время Владимира выпустили из психушки. О том, как он жил, можно составить представление по письму журналистки Ландышевой, написанному Николаю Гусарову в 1956 году: «Вы превращаете в общественную “плесень” вашего сына... Он ругает нецензурными словами свою мать... деньги, которые вы ему высылаете, пропивает... вместо денег вы должны воспитывать его...» Владимиру Гусарову было за тридцать.

Через полтора десятка лет Сергей Довлатов скажет, что по стилистике ему ближе всего книга Владимира Гусарова, спившегося грузчика одного из московских гастрономов.

В 1971 году, через год после выхода книги Владимира, умерла Нина, вторая жена Николая Гусарова.

Николая Гусарова очень поддерживали бывшие жители города Молотова. Впрямую об антисоветской книжке

Владимира упоминать было не принято. Вот что писал Николаю Гусарову житель Перми: «О Вас многие пермяки помнят и до сих пор хорошо отзываются. О Вашей нескладной жизни в старости мы тоже знаем и сочувствуем, что Вам так не повезло».

Помнили его и молотовские «генералы» – директора заводов военных лет, осевшие в Москве. Абрам Быховский, директор Мотовилихинского завода, и Анатолий Солдатов, возглавлявший Пермский моторостроительный завод, поздравляли Гусарова со всеми праздниками. Солдатов, например, писал ему: «Желаем Вам по возможности не иметь сильных переживаний от личностей детей, как это было в прошлом».

В Молотове – Перми Гусарова продолжали принимать по высшему разряду, чествовать и приглашать на все важные праздники. Сохранились фотографии, на которых персональный пенсионер Гусаров сидит с прямой спиной в президиумах разных пермских мероприятий. У него жесткий подбородок и колючий взгляд человека, многое испытавшего.

В конце жизни он тяжело болел: у него был рак. Он умер за месяц до апрельского пленума 1985 года. Преданного коммуниста похоронили на кладбище Донского монастыря.

Именем Гусарова в Перми названа улица. Она расположена вдали от центра, на Крохалевке, рядом с троллейбусным депо. В этом районе улицы обрываются оврагами и гаражами, с тем чтобы продолжиться в абсолютно внезапном месте.

3. Судьба авангардиста в Очёре

Ведь был же тот, кто первым нарисовал серп и молот именно так – крест-накрест. Был тот, кто придумал шрифт, которым потом десятилетиями на просторах одной шестой части Земли будут писать самые важные на тот момент слова – почти заклинания. Был тот, по чьим фотографиям мы представляем советскую эпоху. Он проложил такую мощную эстетическую колею, что последователи даже не задумывались, заимствуя: это казалось таким естественным, чуть ли не единственно возможным...

У этого человека есть не только имя – Александр Родченко, у него судьба, достойная романа. Впрочем, как и у многих людей его поколения.

Одна из глав этого романа называлась бы «Молотовская область» и имела бы эпиграф: «Нужно выбиратьяся отсюда во что бы то ни стало». Эти слова Родченко написал своей жене Варваре Степановой в январе 1942 года. Он жил в Очёре, она – в Молотове. К этому моменту они уже полгода были в эвакуации.

Пермский край – не место для поэтов, музыкантов и художников. Здесь живут суровые люди, для которых «крепко» и «надежно» значит гораздо больше, чем «красиво». Да и понятия красоты здесь свои. Другие.

И вот сюда, в мир людей конкретных, целесообразных, попали «странные и интересные люди», которые еще двадцать лет назад были в первых рядах эры беспредметности, творили новое искусство. Родченко уже тогда считался мэтром. У него было европейское имя, его работы знали в Англии, Германии и Франции, ему присваивали медали международных выставок, а фотографии с «ракурсом Родченко» уже стали мировым событием. Художница Варвара Степанова была не так известна. Но именно она стала «вьючной лошадью» при осуществлении его замыслов.

Уже были сделаны лучшие фотопортреты Маяковского и Лили Брик, которые потом войдут во все хрестоматии и окажутся основанием для бесконечных римейков. Уже открылись

и закрылись «Окна РОСТА». Уже была написана (конечно, Маяковским) и оформлена (конечно, Родченко) первая советская реклама: «Все, что остается от старого мира, – сигареты “Ира”». Уже закончилась целая эпоха, когда они были молоды и полны сил: они выкорчевывали остатки отжившего мира и не чувствовали усталости.

Эпоха закончилась навсегда. Маяковский застрелился. Бурлюк эмигрировал. Каменский сделал нечто среднее – вернулся в Пермь.

Родченко... Родченко в новой культурной парадигме оказался чернорабочим. К XVII съезду партии он оформил альбом «Сталин и Ленин». Как художник-оформитель работал в журнале «СССР на стройке». Это было непросто. Стройки-то все были с применением рабского труда. Когда Родченко фотографировал на Беломорканале, то все негативы сдавал в НКВД, откуда ему возвращали только те, что прошли цензуру. Он оформлял альбомы «10 лет Узбекистана», «Первая Конная», «Красная Армия», «Советская авиация»... Просто другой работы тогда не было.

В эвакуации Родченко с женой и дочерью оказался в Очере, «в 25 километрах от железной дороги (в кавычках даны выдержки из дневника А. Родченко. – С. Ф.), в ста километрах от г. Молотова (Пермь), где непролазная грязь, а сам автор сидит в избе и тоскует обо всем, особенно о табаке. Нет фотопринадлежностей. Неизвестно, придет ли фотоувеличитель для фотографии или его придется, как Робинзону Крузо, делать самому из ничего и ничем».

Родченко писал вывески для очерского, как он его называет, «кино-сарая-театра», оформлял к 7 Ноября поселковый совет и «Красную площадь», а Варвара с десяти утра до десяти вечера делала трафареты агитплакатов.

Он ходил по Очере в кожаном грязно-желтом пальто, в серых шерстяных чулках и лыжных ботинках. В Москве это была обычная одежда. В Очере на его наряд смотрели как на одежду индийского раджи.

В первые месяцы эвакуации Родченко описывает Очер как путешественник-этнограф: «В Очере, как и в других сельских местах СССР, люди трудятся очень много и по хозяйству, и по огороду, и всё почти делают сами. <...> Здесь

курят самосад. Пьют брагу... Из современной Европы есть три вещи: кино, радио и газета. Кино-сарай показывает картины, затрепанные двадцатью годами <...> Радиотрансляция у каждого имеется, как вечно говорящая машина, радио не выключают ни днем ни ночью: «деньги плачены». Принято не открывать форточки и окна: «дерево дышит». Жара, духота – топят: «пар костей не ломит». Окна открывать – мухи налетят и пыль. А мухи в таком количестве, что стоит шум в воздухе... Здесь все проблема...»

Постепенно интонации писем Родченко меняются. В ноябре 1941 года из магазинов Очера исчезло все, даже спички. В аптеках тоже не было ничего, даже валериановых капель. Родченко крепился: сам пек хлеб и писал: «...в конце концов, что грустить, кончится война – и везде можно будет жить. Разве плохо и здесь иметь свою избу и хозяйство. А потом можно писать чудные вещи. Не так уж плохо будет к старости, и даже лучше, чем сидеть в душной Москве».

Обменяли 1,5 метра материи, 4 метра сатина и фуфайку дочери на пуд картошки, кило масла, кило мяса, два стакана меда и два стакана махорки. На этом вещи, которые можно было обменять, закончились. Впереди была зима. Родченко так всю зиму и проходил в осеннем пальто.

«Все ушло в неизвестное прошлое. Москва, квартира, книги, рисунки, лаборатория... Все стало как сон. Было ли это? Или сейчас сон. Где же сон?»

Новый, 1942 год встречали у секретаря очерской газеты «Сталинский ударник» Дмитрия Окулова. На столе «была картошка вареная с огурцами без масла, кофе без молока, но с сахаром, и пирожки с капустой». Были и подарки: Родченко со Степановой подарили хозяевам абажур, сделанный собственноручно, и карты, тоже самодельные. Найти бы эти подарки сейчас, цены бы им не было!

Под Рождество пришел приказ из Верещагино: Родченко должен стать билетером в кинотеатре. «Я отказался, – пишет Родченко, – не знаю, чем все это кончится. Им все равно: что художник, что швейцар. Окулов ушел в армию, это был единственный человек, с которым можно было поговорить». И дальше: «В комнате мокро и сыро. На улице падают хлопья

мокрого снега. Хочется бежать отсюда. Надоели очерские бабы, которые пялят глаза, как на чучело».

Родченко рвался в Молотов: «Пусть будет плохо в Молотове, чем хорошо в Очере». В Молотове был эвакуированный Литературный музей, там можно было устроить выставку Маяковского.

В Молотов было сложно попасть: необходим вызов на работу, необходимо найти жилье. «Варвара ищет комнату и не может найти. Она в дикий мороз бродит по улицам Молотова почти уже месяц». Наконец все решилось. В морозный солнечный день Родченко с дочерью погрузили свои вещи в сани и отправились в неблизкий путь. Сначала до дороги, потом на гусеничном тракторе с прицепом до Верещагино. Там их встречала Варвара, которую они с трудом нашли, ночью сели в поезд. «Ночью же приехали в Молотов. Вещи сдали на хранение и двинулись куда-то в темень. Шли, шли, пришли в проходную комнату и легли на пол спать. Утром выяснилось, что это 7 км от города, проходная комната без окна, грязь и много народу. Хозяин Степан Прокопич, его жена Елизавета Алексеевна и сын 5 лет Борис, непрерывно бегающий через нашу комнату на кухню».

Адрес их нового жилья – Казанский тракт, 94. В сегодняшней Перми это место находится на шоссе Космонавтов, где-то в районе остановки Блюхера.

«Ничего нельзя распаковать, ибо у нас проходной двор, и едим крадучись. Свет – коптилка. <...> Баня в очереди 3 км. <...> Лежу... Теперь все больше приходится лежать. Окна нет... Стола нет... Днем темно и вечером темно... Вот лежи и думай, что же делать дальше. Два месяца совсем ничего нельзя делать. Даже рисовать и читать... Обменяли мой костюм на муку и 5 кг мяса. Ищем комнату. Мороз свирепый. Туалет во дворе...».

В Литературном музее Родченко с Варварой оформили выставку «Слово о полку Игореве».

К весне стало лучше. Знакомые уехали и оставили Родченко со Степановой комнату в самом центре – на Советской, 32.

«Стол и стулья дали в редакции. Столовая улучшена без выреза талонов. Баня рядом. Выдали табак 100 гр. Лед идет

по Каме. Солнце. Тает. Горячую воду берем крадучись, в гостинице напротив».

«Гостиница напротив» – это, конечно же, знаменитая семизатка, ныне «Центральная», в которой жили эвакуированные «1-й категории».

Александра Родченко взяли внештатным корреспондентом многотиражки железной дороги «Сталинская путевка». В ней стали появляться фотографии за подписью Родченко с такими названиями: «Ф.М. Утемов, стахановец пермского паровозного депо, выполняющий задание по заливке подшипников на 175%»; «И.А. Завьялов, токарь-двухсотник и профорг ремонтно-механического завода» и т. п. Одна фотография Родченко вышла даже в газете «Звезда»: «В день 1 мая составитель станции Пермь II А.В. Усольцев сформировал и расформировал 8 поездов при норме 5».

К этому же времени относится фотоочерк «Пермская железная дорога».

Тогда же, по всей видимости, был сделан портрет директора Молотовского книжного издательства Л.С. Римской, которая вошла в местные легенды как «Мама Римская».

Она занимала очень важный пост. Будучи ответственным секретарем Молотовского горисполкома, Римская ведала судьбами эвакуированных творческих работников: пайки, командировки, работа, жилье – все шло через нее. Последнее было очень важно. Молотов, состоящий из бараков, изб и редких двухэтажных и четырехэтажных зданий, был переполнен. На одного жителя приходилось 1,5 метра жилой площади. Например, писательнице Вере Пановой комнату в гостинице дали только после того, как Николаю Гусарову написал Вс. Вишневский, редактор журнала «Знамя». До этого она ютилась в комнате, которую ей сдавала редакционная уборщица.

В архиве Римской масса благодарностей от писателей. В том числе от Корнея Чуковского: «Страшно подумать, что было бы с Мариной (невестка К.И. Чуковского. – С.Ф.) и детьми, если бы не Ваша великодушная помощь». О том, как жили в Молотове эвакуированные писатели и как много сделала для них Людмила Римская, много писали. Даже краевед Морзо-Морозов отметил на этой теме («И пермская заря глядела им в окно». «Молодая гвардия». 1968. 12 июня).

Однажды в кабинете Людмилы Римской умер от инфаркта ленинградский профессор. А рядом в это время театраль- ный деятель требовал, чтобы мороженое эвакуированным отпускалось без очереди. Потом этот эпизод вошел в один из рассказов Веры Пановой. Людмила Римская была выведена в нем под именем Дорофея Куприянова. «И положительным героем Вы в книгах быть обречены», – писали ей.

Муж Римской был инженером и книгочеем, а дочь Светлана – школьницей. Она училась в одном классе с Владимиром Гусаровым. «Увы, в Перми я тоже не увидел таких девочек, как на Соколе, за исключением одной Светланы Римской, – пишет Гусаров-младший в книге. – Я втайне уважал ее и ее соседа по парте за то, что они сидят рядом не по распоряжению классной руководительницы. Почему-то никто не решался сказать про них: “Тили-тили-тесто, жених и невеста”».

Сохранилась интересная фотография Родченко: Людмила Римская и Вера Панова идут в гору по улочке с узкими тротуарами, о чем-то оживленно беседуя. Обе яркие и необычайно красивые. Панова вскоре напишет роман «Кружилиха», который будет удостоен Сталинской премии. В нем жители Молотова без труда узнают один из районов города – Мотовилиху. Более того, люди говорят, что и персонажи романа списаны с молотовских жителей. В частности, там описан реальный генеральный конструктор одного из пермских заводов, который, как гласит молва, «во время войны не доедал пирожное, в то время как его секретарша падала в обморок от голода».

Хотел Родченко сделать и портрет авиатора и поэта Василия Каменского, но тот, встретив его на улице, даже не пригласил в свою Каменку. Описывая эту встречу спустя несколько месяцев, уже в Москве, Родченко был очень обижен и тем, что никогда теперь не увидит Каменку, и тем, что Каменский так отнесся к нему.

Осталось неизвестным, встречался ли Родченко в Молотове со своими московскими знакомыми – Лилей и Осипом Брик. В эвакуации они снимали избу с резными наличниками в Нижней Курье и писали книжки. Лиля Брик опубликовала книгу «Щен» – о Владимире Маяковском. Она вышла в издательстве «Молотовгиз» в 1942 году тиражом 15 тысяч экземпляров. Был скандал союзного значения. В марте 1943 го-

да даже вышло постановление ЦК ВКП(б) о Молотовском областном издательстве. В докладе «О работе с интеллигенцией» с грифом «Секретно» приводятся слова Николая Гусарова о том, что издательство выпустило ряд книг, содержащих серьезные ошибки. В частности: «В антихудожественной пьесе Брика грубо искажается образ Ивана Грозного». Кроме того, «издательством была выпущена также пошлая антихудожественная книжка Л. Брик «Щен», клеветнически рисующая образ пролетарского поэта Маяковского».

В общем, Брики немедленно уехали из Молотова, а директора «Молотовгиза» сняли. Возглавила издательство Людмила Римская. Любопытно, что постановление о недостатках Молотовского книжного издательства вышло 19 марта – в этот день Людмиле Сергеевне исполнился 51 год. Такое совпадение выглядит как подарок. В то время особый символический смысл имело все, особенно дата.

Родченко и Степанова делали эскизы. Показали их в Молотовском отделении Союза художников. «Ну конечно, напали на меня и Варвару Серебренников Н.Н. (директор Пермской художественной галереи. – С.Ф.), председатель МОСХа и его свора. Иогансон (художник, наиболее значительная картина «Допрос коммунистов», 1933 год. – С.Ф.) говорил ни за ни против и быстро ушел, но тут меня взяли под защиту Оболенский, ленинградский профессор живописи, и Орешников, доцент Ленинградского отделения <...> и решили, так как я «бог фотомонтажа», то это с меня и требовать. Но я заявил, что для этого нужны фотопринадлежности, фотобумага и аппаратура. Постановили содействовать, вплоть до командировки в Москву. <...> Надеюсь вырваться в Москву, а уж, конечно, не вернуться».

В сентябре Родченко с радостью «по липовой командировке» уехал в Москву. «Год пропал из жизни» – так он оценивает год в Молотове. И еще: «Иногда мой корабль, не очень часто, сидит на мели, вроде Молотова. Но иногда куда-то и движется. <...> Плыдем к новым островам. На одном из островов оставили нашу юнгу Мулю и ввиду ледяных заторов и ледяных гор не можем к ней пробиться». Так он говорит о дочери, оставшейся в Молотове. Следующий год ушел на то, чтобы ее оттуда выволить.

Родченко писал ей оптимистичные письма в расписных конвертах, на которых большими буквами было написано: «Муле». А в дневнике сокрушался: настанет ли когда-нибудь время, когда его работы оценят и дочь будет гордиться отцом? Время сжималось все сильнее. Он писал, что напрасно Маяковский наступал на горло собственной песне, воспевая Интернационал. Его все равно не оценили. И что поэт вовремя застрелился. И что мы все похожи на китайские бумажные фонарики на улице: каждый может смять и уничтожить.

В 1951 году Родченко исключили из Союза художников. От нервного потрясения он слег. Благодаря ходатайству Варвары Степановой через год его восстановили, но ему уже было все равно. Он умер.

Слава, как солнце, вошла над Александром Родченко и Варварой Степановой, осветив их работы и сделав важным всё: фотографии, рисунки, наброски, записки, даже обложки блокнотов. Всё, к чему они прикасались, теперь оказалось очень ценным. Их работы признаны ярким образцом нового и оригинального видения мира. Выставки фотографий и других работ Александра Родченко и Варвары Степановой ежегодно проходят в самых известных выставочных залах мира. Издаются каталоги, фотоальбомы и открытки. О них пишут исследователи. Александр Родченко, единственный из СССР и России, вошел в сотню крупнейших фотомастеров мира.

4. Советская амазонка

Эта женщина – легенда. Вера Балкова. Слышали о такой? Она была так засекречена, что Николай Гусаров, будучи первым секретарем Молотовского обкома ВКП(б), говорил ей: «Не вздумай сказать, кто ты такая. Не то агенты Германии сразу схватят тебя и увезут».

Шла война. В Молотове только Гусарову было известно, что Вера Балкова досконально знает технологию производства пороха для «катюш». В Молотовском обкоме ВКП(б) она возглавляла отдел промышленности боеприпасов.

Это была единственная в СССР женщина на такой должности и с таким уровнем ответственности: почти 90% боеприпасов Советского Союза давала Молотовская область. Поначалу Веру Балкову все принимали за секретаршу Гусарова. Она была молода и красива особой красотой состоявшейся женщины. Но характер у нее был... «Как я внутренне радовался, – писал ей Гусаров в 80-е годы, – когда на Вас мне жаловались именитые генералы и полковники, возглавлявшие заводы, за “чрезмерную” требовательность и настойчивость в деле выполнения планов и заданий ГКО. Был бы я поэтом и композитором, написал бы новую песню, посвященную Вам. Беда в том, что ни мать, ни отец не дали мне таланта, довольствуюсь тем, что вместе с другими иногда пою “Катюшу”!»

Однажды Балкова отказалась принять генерала Бидинского, возглавлявшего в годы войны пороховой завод имени Кирова, за то, что он был небрит, да и верхняя пуговица кителя расстегнута. Тот был в ярости. На прием к Балковой он попал только после парикмахерской, в которую она же и позвонила, попросив побрить его без очереди.

А ведь когда-то она носила легкомысленную девичью фамилию Пуховикова и длинные косы. Она была крестьянской девочкой из бедной семьи и батрачила более пяти лет. Известно, как сложилась бы ее жизнь, если бы не власть Советов. Жизнь Веры Балковой – это осуществленная мечта жителя государства победившего пролетариата. «Тверже стали,

нежнее цветка» – такие цветистые заголовки были у статей, написанных о ней в период социализма.

«Я счастлива, что точно нашла свое место в жизни, – говорила эта женщина, когда ей было далеко за восемьдесят, – что все делала честно, не кое-как. С полной отдачей своих сил Родине, партии, людям».

Сейчас бы такую женщину назвали self-made woman. Такие люди рождаются во все времена. Вернее, так: каждое время вызывает к жизни своих героев. Они поднимаются из самых низов, чтобы продемонстрировать, чего можно достичь в рамках действующего строя, благодаря настойчивости, уму, воле, адекватному поведению в заданных обстоятельствах и здравому смыслу.

Карьера Веры Балковой началась с курсов пионервожатых, красной косынки и обрезанных кос. Вскоре девушка получила первую настоящую должность в пирамиде нового, строящегося мира, став председателем комитета бедноты в своей деревне, потому что «шибко грамотная, читает хорошо и бойкая». А ее мама говорила: «Поперечная ты, Верка, какая-то, все делаешь поперек тому, что тебе говорят». Дальше – рабфак и, в качестве общественной нагрузки, работа воспитательницы в колонии для беспризорников.

Жизнь Веры Балковой очень кинематографична: настоящий блокбастер и по содержанию, и по изобразительному ряду. Например, колония располагалась в бывшем графском поместье. «Я сильно с ребятами подружилась», – рассказывала потом Балкова. Когда ее направят по путевке на учебу в Ленинградский химико-технологический институт, бывшие беспризорники будут посылать ей ежемесячно по 32 рубля: столько полагалось на содержание одного колониста.

Вера Балкова вспоминала: «Весной 1930 года я съездила к ним и уговорила ребят больше не посылать свой паек. У меня была стипендия, к тому же я подрабатывала, перебирая картошку в овощехранилищах и расчищая железнодорожные пути от снега».

Дальше – пунктиром: спецфакультет, защита диплома «при закрытых дверях», по окончании университета – звание капитана спецвойск и распределение на пороховой

комбинат в Шлиссельбурге. Там велись разработки технологии производства нового пороха.

«Ситуация при производстве крупнокалиберных порохов была от начала до конца остроконфликтная, – напишет потом Вера Балкова. – Я стеснялась хоть где-то обмолвиться об этом периоде моей жизни...» В пороховом производстве на ответственные работы женщин не ставили. То ли считали, что не их ума дело, то ли жалели, так как производство было вредное и опасное.

Вере Балковой пришлось бороться не только с химической природой вещества, чтобы оно приобрело нужные характеристики, но и с окружающими людьми, доказывая им свою состоятельность. Она победила. На это потребовалось семь месяцев. Благодаря Балковой размеры пороховых шашек увеличились в 3 – 5 раз, а значит, возросла и их сила.

1937 год. Москва. Главное артиллерийское управление. Закрытое совещание. В зале только военные высоких рангов, руководители и инженеры пороховых заводов. Первое слово предоставляется разработчику новых сверхмощных крупнокалиберных порохов к реактивным снарядам. Выходит молодая элегантная женщина и начинает доставать из лакированного чемоданчика образцы изделий, расставлять их на столе президиума. В зале раздались аплодисменты. Перед началом совещания многие приняли эту девушку за чью-то жену и удивлялись: «Что она делает на закрытом совещании?» «Аплодисменты меня приободрили, – вспоминает Вера Балкова, – я ведь чувствовала себя мулявкой среди них. А тут успокоилась и доложила эту технологию со всеми перипетиями». Потом, через пятьдесят лет после этих событий, в своих воспоминаниях она, описывая технологический процесс и этапы поиска, приведшего к созданию легендарного оружия Второй мировой войны, дважды употребит слово «поплакала».

Доклад прошел триумфально. Когда был объявлен перерыв на обед, многие приглашали тридцатидвухлетнюю красавицу за свой стол, в свою компанию, но солидный военный с ромбами в петлицах взял ее, как ребенка, за руку и увел с собой. «Я была на седьмом небе, – вспоминает Вера Балкова, – и не заметила, как разлила горячий кофе на блюдечко,

чтобы пить, как раньше дома, в деревне: там пили чай с блюдечка. Мой сосед улыбнулся по-доброму и сказал: “Вера Марковна, кофе пить надо из чашечки, а не из блюдца”».

Награду за разработку новой технологии получили все, кроме нее: в январе 1938 года Вера Балкова по доносу была арестована. Полгода она провела в «Крестах». Следователь спрашивал, кто поручил ей взорвать завод. Она же заявила, что следователь ненормальный: завод взорвать нельзя, потому что он состоит из десятков цехов, расположенных в нескольких километрах друг от друга.

Балковой дали пять лет.

О том, что она досрочно освобождена, ей сообщили в два часа ночи. «Я разрыдалась. <...> В шесть утра я была уже в объятиях семьи», – так будет потом рассказывать об этом Вера Балкова.

Даже когда ей было 97 лет, Вера Балкова не верила, что ее арестовали всерьез. «Они меня прятали», – говорила она, оправдывая действия властей. И продолжала: «Только почему мне-то об этом не сказали?» И в голосе ее было столько недоумения...

Потом началась война. Была эвакуация вместе с заводом. Уже перед отправлением эшелона Балкова забежала домой, взяла за руку дочь и схватила чемодан. В поезде открыла его, чтобы переодеть дочь, а там – тюль. Чемоданы перепутала! Так рассердилась, что чуть чемодан в окно не выкинула.

На первой же станции она заменила на посту начальника эшелона, ушедшего на фронт. Были авианалеты и бомбежки. До Молотова поезд шел два месяца.

В Молотове у нее началась совсем другая жизнь. Пришлось иметь дело с другим «порохом» – с человеческими жизнями.

Однажды мальчики и девочки, делающие взрыватели по десять часов ежедневно, в мороз, в помещении без крыши, стали просить Веру Балкову помочь им уговорить директора завода сократить время работы. «Села с ними, рассказала о делах на фронте, о зверствах фашистов над мирными жителями, вместе поплакали, и изнуренные работой и скудным питанием подростки сами предложили работать по двенадцать часов», – вспоминает Балкова.

Руководители отделов обкома в войну тоже работали с девяти утра до двух – трех часов ночи с небольшим перерывом на обед. Балкова часто бывала в Москве, где для нее всегда был забронирован номер в гостинице «Москва» и выделялся автомобиль с шофером. Не было случая, чтобы нарком боеприпасов Ванников не принял ее по первой же просьбе. Но и тогда все было непросто. Необходимо было в короткие сроки построить новый пороховой завод в Боровске (сейчас – ГП «Урал». – С. Ф.), а людей не хватало. Балкова приехала в Москву просить строителей. Ванников тревожно и зло посмотрел на нее: «Если бы вы не были женщиной, то я, наверное, выругался бы матом». И долго нервно ходил по кабинету. Наконец сказал: «Этот вопрос может решить только Берия».

Трое суток через каждые 10 – 15 минут Балкова звонила в приемную Берии. «Его нет, занят, уехал». Позвонив в очередной раз и услышав, что на том конце взяли трубку, она закричала: «Сколько можно ждать! Я уже трое суток тут сижу. Не сплю, не ем!» На том конце незнакомый голос спросил: «А вы, собственно, кто?» Такая-то, по такому-то вопросу. «Подъезжайте». Это оказался Берия.

На вопрос, не страшно ли было с Берией встречаться, она ответила: «А чего страшного-то? Мы же тогда ничего не знали. К тому же я его считала заместителем Сталина...»

Людей нашли. Рассказывают, для этого сняли с фронта бойцов. Когда Ванников узнал о положительном решении вопроса, то, вызвав Балкову, встретил ее посередине кабинета, хлопнул по плечу и сказал: «Молодчина».

У Гусарова реакция была примерно такая же.

Как-то на прием к Балковой записался старик: его сын пришел на побывку с фронта, а угостить нечем. Балкова купила бутылку водки у буфетчицы обкома и отдала старику. Через какое-то время вызывает Гусаров: «С каких это пор ты начала водку пить?» Рассказала Балкова о старике, вышел Гусаров из-за стола да как хлопнет по плечу: «Молодец!»

После войны Балкова курировала в обкоме партии легкую и пищевую промышленность. Три новых мукомольных завода с элеватором, маргариновый и макаронный заводы, трикотажная фабрика были построены тогда в городе.

В 1957 году Вера Балкова заболела: отнялись ноги и случился второй инфаркт. Через три года она снова стала ходить и в третий раз вышла замуж. Ее пригласили работать в комитет народного контроля. Так как зарплата там составляла 80 рублей, а ее пенсия – 120 рублей, то она приняла решение остаться на пенсии, а работать бесплатно. 20 лет (двадцать!) она ходила на работу и не получала за это ни копейки. Только пенсию, которая и так была ею заслужена.

Часть своей пенсии она перечисляла в Фонд мира. Только за 80-е годы набралось 2413 рублей. Две тысячи четыреста тринадцать полновесных советских рублей. А ведь была еще и беличья шуба, сданная в Фонд обороны («Пусть медсестры носят!»), и 5000 рублей на эскадрилью, и библиотека в дар училищу...

Вера Балкова не забывала Николая Гусарова. Писала ему письма. В 1975 году, например, аж на 12 страницах. И о чем, вы думаете? О порохах.

К 2002 году у Веры Балковой были дочь, внучка, две правнучки и один праправнук. Ей было 97 лет, она выписывала четыре газеты и не разрешала помогать разливать чай: «Я что, старая что ли?»

Она очень хотела стать почетным гражданином области или хотя бы города. Это, говорила, дает льготы по оплате электричества. Но людям, которые за нее ходатайствовали, отказали: «Если мы ей сейчас дадим почетного жителя, то нам скажут – а где вы раньше были?»

А и впрямь, где раньше-то были? Все это время Вера Балкова жила в квартире на улице с очень симптоматичным названием – «Николая Островского». Как въехала туда, будучи секретарем обкома, так и жила около шестидесяти лет. Ремонт сделали после того как о Балковой написала газета «Новый компаньон». Вере Балковой дали грамоту от мэрии. Частные лица помогли деньгами. С маргаринового завода «Сдобри» привезли продукцию. «Даже шоколадное масло было!» – сказала Вера Балкова, подняв указательный палец вверх.

Она бы еще жила. У нее была мечта дожить до 105 лет, как одна из ее родственниц. Но – несчастный случай. Вот после этого-то и открыли на доме по улице Николая Островского мемориальную доску.

5. Пермь – родина «катюш»

Что мы знаем про Пермский пороховой завод, кроме того что вплоть до 2006 года он был имени Кирова и что общественность выступает против утилизации на нем ракет? Практически ничего. Даже неизвестно, так ли вредна эта утилизация, как считают анархо-экологи. Конечно, специалисты твердят, что технология безопасна, но кто ж в это поверит? Даже слово «ракета» – одно из самых страшных. А уж «утилизация» – вообще туши свет.

Открыть двери и показать общественности – смотрите, мол, все безопасно – невозможно. Секретность никто не отменял. До сих пор на заводе две проходные: на секретное производство и на сверхсекретное. И разговаривать на производственные темы с людьми без допуска здесь по-прежнему не принято. Кому нужно, тот знает, что перелом в Великой Отечественной войне в большой степени произошел благодаря работникам завода имени Кирова; что Никита Хрущев в 1960 году стучал башмаком по трибуне на Генеральной Ассамблее ООН не просто так: в том числе и достижения пермской науки позволили ему так себя вести; вплоть до настоящего времени безопасность России обеспечивается во многом благодаря этому предприятию.

Впрочем, все по порядку.

Выходила на берег «катюша»

В музее ППЗ хранятся воспоминания, в которых написано, что сначала на месте, где сейчас расположено предприятие, предполагалось построить фабрику искусственного волокна, однако впоследствии это сочли нецелесообразным, так как «камская вода... непригодна для технологического процесса». Так ли на самом деле все происходило, или это всего лишь одна из легенд, плотной завесой окружающих Пермский пороховой завод, неизвестно. Известно только, что по-настоящему звезды взошли над заводом имени Кирова, только когда туда прибыли заключенные из ОТБ-6 –

«шарашки», находящейся в ведении НКВД. Случилось это осенью 1941 года. До того был завод как завод – обычный.

По иронии судьбы, коллектив заключенных инженеров возглавлял знаменитый Александр Семенович Бакаев, в свое время выбиравший площадку для строительства комбината «К», как называли завод в далеком 1929 году. Расположение выбрано было не случайно: выше по течению Камы строился гигант химии – азотно-туковый комбинат. Оба предприятия были связаны технологически и решали проблему производства пороха в СССР.

Когда «шарашка» оказалась в Молотове, А.С. Бакаев уже был признанным корифеем своего дела, считался основоположником отечественных баллеститных порохов. Такая деталь: Государственному Комитету Оборона о ситуации с производством зарядов для «катюш» в 1941 – 1942 годах докладывали заместитель наркома Кирилл Гамов и заключенный Александр Бакаев, которого для этого специально доставили из Молотова в Москву.

Профессор и капитан царской армии, награжденный в Первую мировую семью орденами – на свободе в то время оставаться не мог. Отягчающим обстоятельством было и то, что Бакаев являлся сыном капитана царской армии, коменданта Гродненской крепости, учился в кадетском корпусе, а затем в Михайловском артиллерийском училище. По местам лишения свободы он кочевал с 1930 года с небольшими перерывами. Сначала за «участие в подготовке взрыва моста в Ленинграде», а затем наверняка как чей-нибудь шпион. В 1939 году он оказался в подмосковной «шарашке», где изобрел порох для знаменитого реактивного миномета М-13, впоследствии более известного под именем «катюша». Все испытания были закончены, осталось начать серийное производство. Предполагалось, что начнется оно на украинском заводе, в Луганской области. Но уже через несколько месяцев пришлось эвакуировать завод вместе с оборудованием в Молотов, а то, что не смогли увезти, взрывать.

Сюда же, в Молотов, эвакуировались и пороховые заводы из Ростовской, Московской, Ворошиловградской и Ленинградской областей. Итого пять не последних в СССР пороховых предприятий. Несколько тысяч человек – работников

этих предприятий с семьями – разместились в Закамске. Во всем поселке имелся тогда один 195-квартирный кирпичный дом, около пятнадцати деревянных двухэтажных домов барачного типа с печным отоплением, столовая, средняя школа и детский сад.

К октябрю 1941 года часть оборудования уже работала. Пришлось столкнуться с неожиданными трудностями. Например, кончился дорогой и дефицитный компонент, необходимый для создания порохов: химический завод, который его поставлял, был в пути. Что делать? Инженеры из «шарашки» предложили заменить компонент на дешевый и доступный оксид магния, к тому же производимый рядом, в Соликамске. Стало даже лучше: теперь заряды стабильно работали и при температуре ниже 30 градусов, чего раньше не было.

В феврале 1942 года – другая напасть. Завод чуть не остановился из-за отсутствия банального вазелина. Спецы из «шарашки» предложили заменить его на трансформаторное масло. Оказалось, это целесообразно и с технологической точки зрения: жидкое масло вносить в пороховую массу было удобнее, чем густой вазелин, а эффект тот же.

Но самым главным достижением специалистов из опытного бюро (ОБ) было завершение работ, связанных с производством зарядов для «катюш» по новой, революционной технологии.

Эту задачу, кстати, германская промышленность решить не смогла. Выпустить аналог «катюши» как боевой машины было делом легким. Непреодолимой трудностью для немцев стало конструирование, отработка и массовое производство аналогичных реактивных снарядов. Они пошли по пути увеличения мощности, а значит, и размера гидравлических прессов. Дошли до изготовления гигантских «мамонт-прессов» высотой 14 метров и весом до 100 тонн – и проиграли.

Не было у них А.С. Бакаева, Д.И. Гальперина, А.Э. Спориуса, Л.Е. Абрамовича, Ф.М. Хритинина, В.А. Лясоцкого. Откуда список? Из рукописи Давида Гальперина, которую он составил для К.М. Хмелевского, бывшего вторым секретарем Молотовского обкома в годы войны. В 70-е тот писал книгу про «кузницу победы» и, по всей видимости, попросил

бывшего заключенного из ОБ поделиться воспоминаниями. Давид Гальперин кратко охарактеризовал создателей шнековой технологии. Об А.С. Бакаеве он написал, что тот «обладал большим обаянием, уверенностью и смелостью в науке». Об А.Э. Спорисуе: «Несмотря на химическое образование, одарен как конструктор» и т. д.

Кстати, порох, который использовался в войне с Германией, в Молотове производили на прессах немецкого концерна Круппа. Брак составлял 30 – 35%, в отдельные дни до 55 – 60. После того как заключенные ученые проанализировали причины брака и выдали свои рекомендации, количество изделий, соответствующих требованиям, резко возросло. А когда перешли на шнековую технологию, авторами которой были инженеры ОБ, то брак снизился до 1%. Более того, новая технология производства пороха для «катюш» позволяла выпускать шашки любых размеров и при этом требовала меньше пара и электроэнергии, была менее опасна, более производительна, к тому же допускала использование женского и детского труда, что в войну было немаловажным фактором. Наградили создателей шнековой технологии по-царски: их освободили.

При этом не обошлось без советского сюрреализма: 24 июля 1943 года Указом Президиума Верховного Совета СССР Гальперину было присвоено звание инженера-полковника и только через три недели, 13 августа этого же года, его досрочно освободили со снятием судимости по «вновь вскрывшимся обстоятельствам». В этот же день он получил орден «Знак Почета».

Однако все было очень негладко. В рукописи Гальперина об этом написано обтекаемо: «Колоритной фигурой был Давид Григорьевич Бидинский. <...> Старый партиец, прекрасный оратор-трибун, обладал внушительной и красивой внешностью, человек редкого волевого качества – все это очень импонировало рабочим и ИТР, которые выделили в его лице командира с непреклонным (так в тексте. – С.Ф.) авторитетом. Бидинскому были присущи строгость, требовательность и оперативность. Работал он страстно, без усталости, и успехи завода в годы войны были во многом обязаны его воле и требовательности.

Бидинскому были присущи и недостатки. Наделенный большими правами и властью, он возомнил себя непогрешимым, в нем развились эгоцентризм и зазнайство. Все хорошее и прогрессивное на заводе приписывал лично себе, очень “ревновал” к успехам ОБ, которое было самостоятельной организацией. Был недостаточно дальновиден и справедлив в оценках этих успехов, впадал в неверие при временных неудачах в работе ОБ, имевших место в период освоения новинок, и т. д. Чужую инициативу встречал с холодком. На почве этих недостатков у меня нередко возникали конфликты с Бидинским, и наши отношения бывали в отдельные периоды натянутыми».

«Впадал в неверие при временных неудачах» – это когда в 1942 году произошел взрыв на одном из аппаратов, который должен был войти в новую технологическую цепочку. Как вспоминает А.Э. Спориус, «после взрыва некоторые сотрудники, особенно заводские, были склонны остановить стройку», и потребовались мужество и настойчивость, чтобы возобновить работы.

1942 год, когда Бидинского назначили директором Пермского порохового завода, был, пожалуй, самый тяжелый. Не хватало всего: специалистов, топлива, электроэнергии, сырья, оборудования. Неквалифицированные рабочие часто совершали ошибки, а в пороховом деле за ошибками всегда следуют или авария, или взрыв. Во время одного взрыва, произошедшего при пуске смонтированного оборудования в цехе № 2, погибли А. Шопен и К. Меренков. За этот инцидент арестовали главного инженера завода А. Зобачева, главного технолога А. Щипакина, главного энергетика В. Ртищева и других. Директора завода Сергея Качалова сняли с должности и отправили руководить менее значимым заводом в Боровске. Новым директором стал Давид Бидинский, ранее возглавлявший Луганский завод.

«Дела на заводе не ладились, – вспоминает Георгий Леонов, в то время старший оперуполномоченный НКВД Кировского района, – в коллектив влилось много новых людей, которым пришлось осваивать это сложное и опасное производство. Происходили частые аварии из-за поломок оборудования. <...> Ежедневно в 8.00 я докладывал в зашифрованном

виде об ежедневной выработке различных видов порохов. Кроме того, раз в пять дней письменно сообщал управлению о состоянии дел на объекте. Нам были известны случаи, когда руководство завода неправильно информировало наркома боеприпасов о причинах снижения выработки. Мы же указывали совершенно иные причины. В связи с этим директор завода Бидинский неоднократно получал от министра замечания за необъективную информацию. Бидинский знал, что точные сведения идут от органов, но при встрече с нами не подавал виду, только говорил: «Опять досталось от министра».

Работники НКВД в те годы в первую очередь обеспечивали безопасность предприятия и его секретность: все боялись, что завод могут взорвать вражеские агенты.

Как диверсия была расценена страшная трагедия, произошедшая весной 1943 года в цехе № 1: в течение 6 – 8 часов от отравления умерли 51 человек, все слесари высокой квалификации. Одного – конструктора Николаева – удалось спасти, но он остался инвалидом. Контроль над расследованием этой трагедии взял на себя центр. Все осложнялось еще и тем, что на лето 1943 года был намечен пуск производства пороха для «катюш» по новой технологии.

Выяснилось, что в одной из поступивших из США партий нитроглицерина по ошибке оказалось несколько бочек этиленгликоля. Они предназначались другому предприятию, но поступили в цех № 1. В книге «И память хранить вечно» дальнейшее описывается так: «Один из рабочих вскрыл бочку, налил в стакан содержимое, попробовал и решил, что это ликер, который по ошибке заслан на завод. Он тут же сообщил об этом другим рабочим. Около бочки образовалась очередь, рабочие стали наливать ведра и пить стаканами. В это время в цехе был конструктор Николаев, который тоже выпил, но немного. Вскоре у выпивших поднялось давление, появились сильные головные боли, потеря сознания, наступила слепота. Медицина оказалась бессильна оказать какую-то помощь».

ЧП случались постоянно: ведь там, где порох, всегда опасность. Тем более, в цехе, где готовилась нитроглицериновая смесь, где рабочие ходили в мягких тапочках и говорили ше-

потом, потому что от удара, искры из-под каблука с металлической набойкой или даже от резкого звука мог произойти взрыв.

Часто случались взрывы в цехе № 3, где производились так называемые черные пороха. «В результате бетонные здания превращались в груды камней», – пишет Георгий Леонов.

«В те времена, – вспоминают очевидцы, – горячую пороховую смесь голыми руками закладывали в вальцы. Под давлением прокатывали на вальцах несколько раз. Затем разрезали и снова скатывали в рулоны весом до шестидесяти килограммов. В первое время на Уральском заводе не хватало автомашин, недоставало и лошадей. Рулоны для прессования доставляли на себе в основном опять женщины. От любой искры порох мог вспыхнуть, рабочий или работница – получить сильнейший ожог. И такое случалось, и не всегда удавалось спасти человека».

Более того, однажды завод № 98 (именно так именовался Пермский пороховой в войну) чуть весь не взорвался. Георгий Леонов вспоминает: «2 августа 1943 года часов в 12 дня я увидел бегущего ко мне сотрудника отдела. Я сразу же почувствовал: что-то случилось. Посланец сообщил мне о пожаре в цехе № 5. Буквально в считанные минуты я был уже на месте. Горела часть корпуса одного из блоков, где находились аккуратно сложенные в штабеля пороховые шашки для «катюш». Две шашки мгновенно воспламенились и через крышу здания, со свистом и воем, при высокой температуре вертикально ушли вверх. Создавалась реальная угроза, что пожар может перекинуться в другую часть корпуса, а за ним начнут взрываться остальные здания. Благодаря быстрым и умелым действиям пожарных команд и работников цеха пожар был ликвидирован».

Стали искать диверсанта, но обнаружили только, что произошло короткое замыкание.

В целом за годы Великой Отечественной войны завод имени Кирова произвел 75 % от общего числа зарядов, произведенных для «катюш». Еще около 16 % зарядов изготовил завод в Соликамске, который сейчас носит название «Урал». Итого, 91 % ракетных зарядов, обеспечивших победу СССР в Великой Отечественной, были произведены в Молотовской

области. По воспоминаниям, однажды после войны на завод прибыл Ванников и сказал на митинге: «Именно ваш завод ускорил победу на год».

Что же стало с героями, ускорившими победу?

А.С. Бакаев и Д.И. Гальперин в 1946 и 1949 годах получили Сталинские премии. Бакаев еще летом 1943 года уехал в подмосковный Дзержинск и лет тринадцать вместе с женой и сыном жил в комнате большой коммуналки, преподавал. Умер в 1977 году, в один год с Гальпериным.

В.А. Лясоцкий умер в 1943 году, еще работая в ОБ. Л.Е. Абрамовича не стало в 1944 году. Об А.Э. Спориусе в 70-е годы писал Гальперин: «...ныне работает в нашей промышленности». Ф.М. Хритинин после войны возглавил большой отдел в НИИ.

Давида Бидинского сняли в 1950 году. Боевого директора назначили заместителем начальника ленинградского комбината п/я 30 по контролю за соблюдением инструкции по спецрежиму. Все равно что в «технички» перевели. В чем дело? «Говорят, он со Сталиным поссорился», – сказала Галина Соснина, директор центра детского творчества «Детство» – так теперь называется «Дом над Камой», бывшая дача Бидинского, где он не прожил ни дня.

В Закамске до сих пор вспоминают и непростую семейную историю Бидинского. Он был женат на сестрах. Сначала на одной, потом на другой. В обеих семьях у него были дети.

Как он жил в Ленинграде – сведений нет. По некоторым источникам, на комбинате, где он отвечал за технику безопасности, произошел какой-то взрыв или авария, и Бидинского даже судили! Но чем дело кончилось, никто в Перми не знает.

Давид Израилевич Гальперин остался в Перми, и его именем названа улица, на которой расположен Пермский пороховой завод.

К 50-м годам, когда волна антисемитизма прошла и по Молотову, Давид Гальперин был уже мировой величиной. Однако и он, сославшись на состояние здоровья, был вынужден перевестись с должности главного инженера завода имени Кирова в только что созданное НИИ. Там он и проработал

всю оставшуюся жизнь: был первым сотрудником, первым старшим научным сотрудником, первым профессором и первым доктором наук. И умер, работая над приветствием многочисленным гостям, собравшимся со всей страны на 25-летний юбилей НИИ полимерных материалов.

«Умру, но выступлю завтра на собрании», – говорил он накануне в телефонном разговоре. Его не стало рано утром, когда он, сидя за письменным столом, набрасывал план своего выступления. Так, гости, приехавшие со всего СССР на празднование, оказались на похоронах.

Давид Гальперин родился в Белостоке в 1903 году, как он пишет, «в семье служащего». До двенадцати лет воспитывался дома, а затем в частной гимназии в Днепропетровске (до 1919 г. Екатеринослав. – С.Ф.). Когда отец умер, работал на красильной фабрике. Закончил Московское высшее техническое училище (МВТУ). В 1929 году был призван в армию. «В порядке отбывания военной службы был направлен на пороховой завод, – пишет Давид Гальперин. – В этой промышленности в это время почти не было специалистов с высшим образованием. Всем делом в цехе руководили старые мастера-практики, которые пользовались личным опытом, зафиксированным в записных книжках. Регламентов, инструкций и другой подобной документации не было и в помине. Производство страдало от обилия брака, отсутствия технологической дисциплины, систематических срывов планов. Мастера были беспомощны, так как не обладали нужным образованием и авторитетом. <...> Пришлось срочно переучиваться. Мы организовали на заводе научно-исследовательскую лабораторию (НИЛ) – первую в пороховой промышленности – и превратили ее в технологический центр завода, который разрабатывал и диктовал технологические процессы. Были написаны первые в истории русского порохового производства правила ведения процессов на всех фазах, которые по нашей инициативе были названы «регламент технологических процессов». Были составлены пофазные инструкции. <...> Вся эта работа была проведена в течение 1930 – 31 гг. <...> Регламентация встречала сопротивление со стороны мастеров, не желавших расстаться со своими привычками и привилегиями. Опыт завода был быстро (с помощью

треста) распространен на другие заводы отрасли. Постепенно совершенствовались и пополнялись тексты регламентов и инструкций. Термин «регламент производства» впервые официально прозвучал в решениях февральско-мартовского пленума ЦК партии 1937 года. Вслед за этим термин стал обычным во всех отраслях советской промышленности».

На этом заводе Гальперин проработал шесть лет: сначала химиком-исследователем, затем начальником научно-исследовательской лаборатории, а затем главным инженером.

Работе была подчинена вся его жизнь. Такая деталь. По воспоминаниям его жены, в начале 30-х годов пошли они как-то в лес, но на пути Давид Израилевич остановился и говорит: «Знаешь, я, пожалуй, пойду домой: работа у меня захватывающе интересная!»

С октября 1934 года по январь 1935-го Гальперин находился в научной командировке в США для ознакомления с производством нитроцеллюлозы. Карьера его шла в гору: с 1935 по 1937 год он был главным инженером уже более крупного завода и до февраля 1938-го являлся заместителем главного инженера главка.

Дальше была, как сами ээки иронично называли место своего заключения, «вилла Болшево». И только война жестко все расставила по местам.

В свой пермский период Гальперин работал не только над реактивными снарядами. С 1957 года НИИ ПМ первым в СССР приступил к разработке рецептур СТТ – смесового твердого топлива для крупногабаритных ракетных двигателей.

Дискуссия по этому поводу была очень жесткой. Категорическими противниками СТТ выступали разработчики жидкотопливных ракет, в том числе знаменитый академик В.П. Глушко. Для проверки деятельности института даже создали комиссию под руководством академика Ю.Б. Харитона. «Все перенервничали», – так лаконично отзывался о том времени Гальперин и еще называл тот период «эпопеей». Ведь если бы не поддержка великого Королева, академика Харитона и председателя ГКОТ Устинова, который очень любил Пермь, неизвестно чем все могло закончиться.

Ракеты с начинкой, разработанной в Перми, сыграли важную роль в нарастании напряженности в начале 1960-х. Но

можно сказать и по-другому: они укрепили авторитет СССР на международной арене. Ведь в США ракеты с СТТ тоже появились. В отличие от жидкотопливных ракет, которые перед стартом нужно заправлять несколько часов, изделия с СТТ всегда готовы к старту. Они дешевле в производстве, не требуют огромного количества обслуги и, что немаловажно, не ядовиты. Нажми на кнопку – получишь результат.

Любопытно, что первое изделие с СТТ сделано тоже в Перми, 30 декабря 1959 года. Потом их производили два десятка заводов СССР, но Пермь была пионером.

Когда Давид Гальперин защищал докторскую, встал старичок и сказал, что целое поколение училось по книгам диссертанта, где не стоит фамилия Гальперин. Имелись в виду книги, которые были изданы НКВД под своим грифом. «Поняли все, – пишет Гальперин в письме, – даже несколько штатных любителей бросать черные шары просто из озорства. Их черствые сердца дрогнули при виде моих седин, нажитых в райских куцах». Тайным голосованием высокую ученую степень Гальперину присвоили единогласно – редкий случай в практике докторских защит.

Конечно, Гальперин был обласкан властью так, как только возможно было при социализме: пенсионер союзного значения свой 70-летний юбилей, например, отмечал в ресторане «Националь» в Москве. Наверняка там он, как обычно, красиво станцевал свое любимое танго.

Но, например, автомобиля у него не было. Как правило, ему давали машину от НИИ ПМ, но иногда это было неудобно, и тогда его возили ученики. Один из них очень стеснялся своего «Запорожца», а Гальперин, садясь в этот автомобиль, не испытывал никакой неловкости. Он называл эту машину «седан» и говорил, что ездил на таких в США в 30-е годы.

«Хочешь всерьез чему-то научиться? – слышали студенты, блестяще заканчивавшие вузы Москвы, Ленинграда, Украины, Сибири. – Тогда нужно ехать в Пермь, к Гальперину».

Тем удивительнее тот факт, что сегодня о Гальперине, патриархе отечественной разработки порохов, в Перми знают только специалисты. А единственная книга, вышедшая о нем в 2003 году, имела тираж 300 (триста!) экземпляров.

Еще мы делаем ракеты...

После войны завод имени Кирова стал выпускать дамские расчески, линейки, домино и патефонные пластинки с торговой маркой «Кама». Впервые в СССР здесь было освоено производство линолеума. В 1957 году ассортимент ТНП – товаров народного потребления – расширился: стали выпускать патефоны, светильники, электропатроны, штепсели, мебель. В 1971 году добавилось производство люстр, кастрюль-сковарок, в 1972-м – латексной клеенки, в 1973-м – клея «Бустилат-М», в 1977-м – полиуретановых набоек для обуви, в 1978-м – охотничьего пороха «Барс», в 1980-м – растворителя и эмали, в 1983-м – шпакрила... Но все это было попутное производство. Настоящей продукцией завода имени Кирова всегда была начинка для ракет разных типов. Все об этом знали. Тем более что радиостанция «Голос Америки» непременно сообщала, если «в деревне Закамск возле Перми» происходил взрыв.

В США подобное производство расположено в Калифорнии, где климат – как в Сочи, и цеха – это практически ангары: алюминиевые панельки, каркас. В случае взрыва просто соберут снова, а нам из-за климата приходится в очередной раз капитальное здание строить.

Технологический процесс на заводе Кирова организован так, что люди защищены: они находятся в другом помещении, поэтому, как правило, не страдают. За все время погибло при взрывах всего несколько человек и то по собственной неосторожности – нарушили технику безопасности. Однако взрывы происходили. Отчего случались аварии?

Оттого что с 1958 года завод имени Кирова был основным разработчиком опытных рецептур. Пример. В 1963 году обновили рецептуру, и первый же пуск привел к взрыву, разметавшему здание опытной станции. За полтора месяца все отстроили. Второй пуск – опять взрыв. В чем дело? В том, что любое изменение несет с собой тысячу неизвестных. Причину в конечном итоге нашли и устранили, вписав еще одну страницу в учебник производства порохов.

Одно рационализаторское предложение – о закалке лопастей для турбины на заводе Свердлова – расследовала про-

куратура. Стали биться самолеты, и в конечном счете оказалось, что именно из-за этого рацпредложения: закалка стала происходить неравномерно, и лопатки начали крошиться в полете. Отсюда следствие, которого придерживаются на каждом серьезном заводе: не стоит менять то, что и так хорошо работает. Так, еще в 70-е на заводе имени Кирова стояли станки, о которых говорили: «Этот аппарат проработал всю войну – трогать его нельзя».

За последние 15 лет на заводе Кирова не было ни одного взрыва. И это хорошо: если взрыв произойдет, то нет ни сил, ни средств восстановить капитальное здание опытной станции. При этом предприятие продолжает производить до 150 изделий для армии, из них более 50 – опытные. Поэтому, как и раньше, на Пермский пороховой завод часто приезжают высокие военные чины.

На предприятии многие работники хорошо помнят Королева, который бывал в Перми очень часто и даже проводил здесь совещания. Однако о том, что этот невысокий толстенький мужчина – академик Королев, знала только «верхушка», для всех остальных он был высокопоставленный инженер из Москвы. С инспекцией посещал закамское предприятие и полковник ГРУ Олег Пеньковский, впоследствии один из самых знаменитых фигурантов «холодной» войны, которого на западе считают человеком, предотвратившим третью мировую войну, а у нас – подлым предателем, выдавшим противнику ракетные секреты.

Нередко на улицах Закамска можно было встретить морских офицеров с кортиками и даже настоящих капитанов. Они приезжали на военную приемку: ракеты для подлодок и военных кораблей тоже начинали здесь.

«Вы, конечно, помните трагедию «Курска». По телевизору прошел сюжет: Клебанов ходит по остаткам подлодки и показывает, как в этом аду оплавились толстенные переборки между отсеками, как в пепел разрывало сверхпрочный металл. Между тем, в торпедном отсеке – эпицентре взрыва – было два типа торпед. Слева находились жидкотопливные, производства Дагестанского завода, а справа – твердотопливные, производства завода имени С.М. Кирова. Все наши ракеты остались в первоизданном виде. Ни одна не сдетонировала.

Насколько я знаю, они были сняты с обломков «Курска» и перемещены на другую лодку, т. к. остались полностью пригодны к эксплуатации. На заводе в дни трагедии просто дрожали. Если бы хоть одна торпеда взорвалась, им казалось, что их бы точно обвинили в трагедии: в то время из-за проекта утилизации предприятие было главным пугалом Пермской области. Но ракеты не взорвались. Правда, это никто не оценил, как и многое другое», – писал мне один из респондентов летом 2006 года.

На заводе Кирова производили ракеты и для авиации. По слухам, начало этому производству дала вьетнамская война, в которой СССР тоже негласно участвовал. Одна из ракет, выпущенных американским истребителем, не взорвалась на земле. Ее разрезали, изучили содержимое, и пермские специалисты сделали аналогичную, только гораздо лучше.

О делах пермских пороховиков иногда сообщали информационные агентства всего мира.

Так, считается, что южнокорейский «Боинг» сбит в 1983 году их ракетой. На заводе многие до сих пор уверены, что цель у этого самолета была однозначно разведывательная, и никаких там пассажиров не было.

Что еще производили пермские специалисты?

Очень многое было сделано для космоса. Только для многострадального проекта «Буран-Энергия» НИИ ПМ разработал 28 наименований изделий.

Для нефтяников в 70-е годы производили пороховые аккумуляторы давления. Впоследствии они применялись почти на всех месторождениях страны.

1970-е были золотыми годами предприятия. Так, по крайней мере, говорят. Работники не имели проблем с жильем. Завод укреплял набережную, строил ожоговый центр, оздоровительные курорты в Новороссийске и Железноводске, Дворец культуры имени Кирова, профилакторий, пионерские лагеря, стадион... От проходной до цехов людей возили автобусы производства рижского завода, такие же, как раньше в аэропортах. За благоустройство каждой улицы в Закамске отвечал какой-нибудь цех.

Потом произошла трагедия, о которой до сих пор вспоминают. В 1983 году на заводе производили разрыв изделия.

Изделие поставили на стенд. Во время работы нарушили технологический регламент. В результате ракета сорвалась с креплений и полетела. Цех был огромным, и, по легенде, ракета очень кинематографично сделала несколько кругов над головами рабочих, попадавших от испуга на пол. По другой, более правдоподобной версии, она проломила стену цеха и влетела в столовую, где и погибло несколько человек.

Взрывы тогда следовали один за другим: в феврале 1974-го, в мае 1975-го, в декабре 1975-го, в июне 1976-го. Напряжение было страшнейшее. Перед заводом имени Кирова была поставлена задача сдать на вооружение Советской Армии новую систему ПРО – противоракетной обороны. До этого подобная задача не решалась ни одним НИИ или заводом отрасли. Создать ракету, которая может сбить другую ракету, – это было из области фантастики. Да тут еще взрывы.

Причину взрывов определили почти сразу: имелись дефекты в аппарате, установленном на основной фазе. Доложили директору. Тот в ярости: ищите ошибку! И его можно понять: на тот период в отрасли работало 18 аппаратов данного типа. Остановить их – значит парализовать всю работу отрасли.

Ситуация была патовая: необходимо производить изделия, но делать это нет никакой возможности. В результате жесткой, с оскорблениями и унижениями, дискуссии, длившейся почти год, приняли решение о доработке аппарата. На решение проблемы была брошена вся отраслевая и академическая наука СССР. Практически год завод Кирова стоял, вернее, не производил изделия, зато после установки усовершенствованных аппаратов одиннадцать лет, до 1987 года, работали без взрывов.

Новое время

В 1994 году зарплату можно было получить, например, велосипедами «Урал» стоимостью 80,5 тыс. руб. Притом средняя зарплата на предприятии в то время составляла 150 тыс. руб. Это был последний год, когда работники получили квартиры от предприятия: были сданы четыре дома на 350 квартир.

Закрылись предприятия, которые снабжали завод Кирова сырьем. Сокращений было мало. Люди сами уходили, в основном в «челноки».

Произошло немыслимое: с ракет начали снимать гриф «Секретно» и продавать их за рубеж.

В начале 90-х на предприятие зачастили американцы. Конгресс США принял решение профинансировать утилизацию наших ракет. Ведущие американские компании принимали участие в тендере на разработку этой технологии. Наши думали: ну, заткнут нас за пояс. Ничего подобного. «Оказалось, в этой отрасли у нас по-прежнему паритет, – говорят пермские пороховики. – Единственное, где мы отстаем, – в зарплате. Если их специалист получает около \$ 30 тыс. в месяц, то наш примерно столько же, но рублей».

Затем настал 1996 год, когда один из кандидатов на пост главы города Юрий Трутнев разыграл в своей политической игре козырную карту: «Мы – против утилизации ракет». И народ его поддержал. Став губернатором, Трутнев занял более государственную позицию, однако джинн уже был выпущен из бутылки. С тех пор завод имени Кирова – мишень для нападок анархо-экологов и объект для политических манипуляций на экологическую тему. О том же, что на самом деле представляет из себя Пермский пороховой, по-прежнему мало кто знает.

6. Петр Чудинов и его очёрии

Над Молотовской областью определенно засияла счастливая звезда. Иначе как объяснить такое количество находок: тут тебе и месторождение редких по чистоте алмазов, открытое в 1940 году на севере Прикамья, и сасанидское серебро, которое сразу после войны стали находить в тракторных бороздах, и гигантское кладбище древних ящеров у деревни Ежово возле Очера... Последнее стало настоящим мировым открытием: под Очером были обнаружены недостающие звенья эволюции, или, как говорят специалисты, «одна из эталонных мировых пермских фаун, сыгравших важнейшую роль для стратиграфии и межконтинентальных корреляций пермской системы». Вписал эту страницу в историю Земли Петр Константинович Чудинов, уроженец Юго-Камска. Для людей посвященных он стоит в одном ряду с Родериком Импи Мурчисоном и Иваном Ефремовым. Чудинов – кавалер самого главного мирового палеонтологического ордена: его именем назван древний ящер, маленькая, как кошка, хищница «очёрия нецветаева-чудинова». А в Перми фамилия «Чудинов» у большинства граждан никаких ассоциаций не вызывает...

Как и во всякой советской сказке, в этой истории участвует пионер: в 1946 году очерский мальчик Павел Касьянов в старой каменоломне нашел странный минерал, совсем не такой как другие. Он отнес его руководителю юннатского кружка Александру Нецветаеву, а уже тот показал специалистам. В минерале опознали волконскоит и предположили, что в этом месте могут быть найдены останки древних ящеров. Ведь в состав волконскоита входит глина, на протяжении веков соприкасавшаяся с органическими останками.

Когда в 1948 году геологи стали изучать месторождение этого редкого минерала, то в одном из шурфов возле деревни Ежово Очерского района нашли несколько крупных костей и череп небольшой ископаемой хищной рептилии. По счастью, человек, нашедший древние кости, решил показать их своему сокурснику Петру Чудинову, работавшему по соседству,

на съемке тех же пермских отложений, начальником геологической партии «Молотовнефтегазразведка». У Чудинова к тому времени уже был кое-какой опыт: еще студентом он участвовал в экспедиции по сбору фауны беспозвоночных на «бойцах» – камнях – реки Чусовой.

«Я осмотрел все эти 54 шурфа, – рассказывал Петр Чудинов на видеозаписи 1991 года, сделанной на Международном геологическом конгрессе, проходившем в Перми, – и выяснилась интересная картина: находки костей лежат полосой».

Чудинов стал искать публикации о подобных находках в Приуралье. «В потемневших фолиантах, – пишет Петр Чудинов, – изредка попадали изображения костей и плоских, словно сдавленных сверху, черепов древних земноводных. И ничего общего с новой находкой».

К слову сказать, останки древних ящеров находят в Прикамье с петровских времен. Когда в 1841 году здесь побывал шотландский ученый Родерик Импи Мурчисон, увековечивший Пермь в названии геологической системы, в качестве особых подарков ему дарили именно окаменелости.

Вскоре в руки Чудинова попала монография Ивана Ефремова, посвященная палеонтологическим находкам в Поволжье. На первый взгляд, она показалась ключом к проблеме. Черепа вроде были похожи, но в то же время имели массу отличий. «Не хватало ни знаний, ни литературы, чтобы дать научное описание черепа и определить его место в одной из групп пермских зверообразных», – писал Петр Чудинов. Проблемой хотелось заняться, тем более что «этот путь открывал возможность проникновения в таинственную и малоизвестную жизнь прошлого. <...> Меня удерживало лишь предубеждение, что возня с костями – удел запыленных чудачков, почти столь же древних, как и кости, над которыми они корпят в тиши кабинетов. Мои колебания кончились во время съемки на севере Пермской области летом 1951 года. Неожиданно для себя, тайком от начальства я оставил геологическую партию на прораба и на три дня улетел в Москву. В Палеонтологическом музее, близко от входа, мне показали дверь с табличкой «И.А. Ефремов». Изнутри доносился неторопливый стук пишущей машинки. Прошли секунды томи-

тельного ожидания. Решалась моя судьба. В комнате наступила тишина, и я постучал в дверь. “Войдите”, – пророкотал низкий и недовольный бас».

И Чудинов вошел, по сути, в новую жизнь: бросил нефте-разведку, посвятил себя древним рептилиям, стал палеонтологом с мировым именем. Но все это было потом, а тогда... «Мое душевное смятение достигло предела. Разом рушилось представление о тщедушном и чудаковатом старичке-профессоре. Передо мной возвышался молодой богатырь. За приоткрытым воротом кителя, на уровне моих глаз, виднелись голубые полоски тельняшки. Профессор сильно смахивал на морского волка».

Иван Ефремов и стал научным руководителем Петра Чудинова. К слову сказать, всю свою жизнь Петр Чудинов был верным другом великого писателя-фантаста. Даже в этически сложной ситуации, когда в одной квартире жили Ефремов, его умирающая от рака жена и его молодая подруга, воспетая в романах «Таис Афинская» и «Лезвие бритвы», Чудинов не отрекся от своего учителя, не стал осуждать. Более того, когда на Ефремова начались гонения, много лет выступал с докладами о его роли в науке на разных конференциях и написал о нем блестящую книгу в серии «Биографии ученых». «Жаль, что такой книги не написано о нем самом! – говорит Вера Чудинова. – Отец был прекрасным начальником многих экспедиций, его очень любили и уважали, работалось с ним легко, он очень заботился о тех, кто был под его началом».

Первой палеонтологической экспедицией Петра Чудинова, где во всю ширь проявились его человеческие качества и интуиция ученого, стали раскопки в Ежово, куда он вернулся в 1952 году уже как аспирант Палеонтологического института АН СССР. Небольшие раскопы размером с трехкомнатную квартиру (80 кв. м) показали: место очень перспективное.

«Мы посмотрели материалы, – пишет Петр Чудинов, – обсудили все детали, и И.А. Ефремов решительно сформулировал вывод: “Срыть к черту эту гору и добыть новую фауну”».

Деньги на раскопки дали только в 1957 году. Тогда и приехала в Ежово полномасштабная экспедиция. Ее руководителем был Петр Чудинов. Именно его называют специалисты главным организатором успешного проведения очерской

эпопеи, «размах которой и уровень полученных результатов вряд ли достижимы, по крайней мере в ближайшие десятилетия». Действительно, это были крупнейшие палеонтологические раскопки советского времени. Такой штрих: впервые в мире в разработке месторождения использовался бульдозер, это было «ноу-хау» Петра Чудинова.

«В костях сохраняется органика, – объяснял применение крупной техники Петр Чудинов, – которая окрашивает породу в вишнево-красный цвет и уплотняет ее. Следовательно, находки видно заранее».

На фотографиях, сделанных в той экспедиции, видно, что палеонтологи, как грачи, идут за трактором и смотрят: не появился ли вишнево-красный след? Нигде в мире подобным образом не работали.

Возле Ежово экспедиция работала три года: в 1957-м, 1958-м и 1960-м. На берегу древней реки обнаружили массу интересного, в том числе кости ящеров, неизвестных науке. И Чудинову выпало редкое счастье – назвать их. Одного ящера он нарек в честь своего очерского друга – краеведа Нецветаева, другого – в честь американского друга, известного профессора-биолога и палеонтолога Эверетта Олсона. Третьего назвал просто – биармозухом, объяснив: «Какой палеонтолог откажется от такого волшебного названия!» Четвертый был окрещен ивантозавром, в честь Ивана Ефремова. Вернее, именно этот ящер и был первым: это его череп не давал покоя Петру Чудинову и погнал в Москву на поиски разгадки. С ним связана еще одна интересная история.

Когда экспедиция после первого года раскопок вернулась в Москву, этот, один из самых эффектных черепов древнейшего «саблезубого» хищника вызвал жаркие споры. Ефремов считал, что это пеликозавр, а директор института Ю. Орлов (начинавший свою научную карьеру, кстати, в Пермском университете в 1916 году) назвал зверя дейноцефалом. Впоследствии оказалось, что оба правы: череп принадлежал особой группе зверообразных, промежуточной между пеликозаврами и дейноцефалами.

«Запах детства для меня – клей БФ, им склеивали кости, – рассказывает Вера Петровна Чудинова, дочь ученого, сейчас вице-президент Русской ассоциации чтения, а в то время

маленькая девочка, проводившая лето вместе с родителями на раскопках. – С одной стороны от поля, пониже, был лагерь. С остальных сторон – лес. Вид был очень красивый – на луга и маленькую речку внизу. Я помню, как глыбы породы с останками складывали на небольшую тележку с одним колесом – такие же используют рабочие для перевозки тяжестей, и довозили до камералки – палатки, где хранились находки. Палеонтологи жили в палаточном городке: женщины с одной стороны, несколько поодаль – мужчины. В центре была камералка, рядом крытая столовая, еще один сарай. Это все было под крышей и сколочено из досок, а не из бревен – временные строения. Раскопки и лагерь были на довольно высоком месте, на холме. Внизу экскаватором было вырыто три прудика. Из ручья (или очень маленькой речки) сделали запруду, получились три небольших водоема, там купались геологи».

Палеонтологическая слава тоже пахнет клеем БФ: на очерских находках написаны десятки диссертаций и сотни научных работ.

Младшая дочь Петра Чудинова Елена, ставшая известной писательницей (автор романов «Мечеть Парижской богоматери», «Держатель знака» и др.), так рассказывает об отце: «Слишком глубокие шрамы были на его душе, слишком много несправедливостей выпало на его долю, слишком тяжел был характер, для него самого в том числе».

Шрамы – это расстрел его отца, человека удивительного. Просвещенный сельский кооператор, Константин Чудинов собрал обширную библиотеку, выписал сеялку из Англии, выращивал новые сорта люцерны и другие культуры, ратовал за прогрессивные методы землепользования. «Костя с чемоданом» – так его называли в Юго-Камске. Еще бы: где он только не был, даже в Порт-Артуре. А погиб на родине.

Несправедливости – это борьба за власть, интриги в Палеонтологическом институте, где прошла почти вся жизнь Чудинова. Именно поэтому он рано ушел на пенсию.

Его старость пришлось на 90-е. Многие с трудом жили в этот период, но для Петра Константиновича он оказался особенно тяжелым. Не только потому, что многие его заслуги перед мировой наукой были незаслуженно забыты.

Каким он был? Елена Чудинова в очерке «Отец» пишет: «Больше всего походил он на какого-нибудь английского сквайра XIX столетия: когда он, в фетровой шляпе, с ружьем на плече, бродил по осенним лесам Прикамья вслед за охотничьей собакой – голубоглазый, высоколобый, русоволосый (так ведь и не обзавелся плешью до конца дней!), подтянутый».

И еще один штрих к портрету Петра Чудинова. Елена Чудинова: «В прикамских лесах отец, сколько я помню, отдыхал каждую осень. После трех летних месяцев, проведенных в экспедициях. Такое даже в геологической среде редкость. Покоормивши все лето комаров, геологи любят осенью теплое море, атмосферу курортов. Отец же за всю свою жизнь не провел отпуска в санатории, пансионате, доме отдыха, на курорте. Скопления праздных людей он предпочитал одиночество в лесном балаганчике, ночной волчий вой, который тщетно пытался записать на несовершенный магнитофон».

В апреле 2002 года планировалось широко отпраздновать начало очерских раскопок. Чудинов должен был открывать всероссийскую научную конференцию, но в феврале Петр Константинович умер.

Вера Чудинова вспоминает: «Папа обладал глубоко научным и широким мышлением. Всегда был крайне независим, а к старости стал одним из самых свободных людей, каких я знала. Его сознание было свободным. Он не думал ни о нашей бедности, ни о чем-то богатстве. И чужая слава, и блага его никогда не волновали, а в старости – особенно. Он увидел мир, он сделал многое. И он это знал. Еще при его жизни его монография стала настольной книгой многих палеонтологов, а статьи были опубликованы не только в России, но и в ведущих американских и французских научных изданиях.

Единственное, что ему было жаль, – что его не выпустили в Индию, а его очень звали, приглашали индийские геологи. В Индии они изучали сходные геологические пласты, и им был нужен именно он. Вот об этом он иногда жалел. Он смог бы им помочь и, наверное, сделал бы другие открытия. Это единственное, что огорчало. А в остальном я не помню,

чтобы он хоть раз сказал, что ему чего-то не хватает, или ему чего-то жаль. Он никого не боялся. Держался независимо, но при этом доброжелательно и с интересом к собеседнику. Это и вызывало ответные чувства. Такое впечатление, что ему не приходило в голову, что барьеры существуют, для него их просто не было. В то же время, сейчас сказали бы, что он был очень демократичен. Не случайно он стал тем, кем он стал – крупным ученым, первооткрывателем гигантского местонахождения динозавров, коллегой, собеседником и другом ведущих палеонтологов мира».

Петр Чудинов был человеком, словно сошедшим со страниц романа Ивана Ефремова, где безупречные мужчины покоряют просторы Вселенной и верят в торжество науки и добра. Именно таким он и был. Только, скорее всего, процесс был обратным: с него писались умные, блестящие и бескорыстные герои, которыми все хотят быть, да мало кто на самом деле является.

7. Парины

В одном из очерков советского времени был такой эпизод. Едут два искалеченных бойца с фронтов Второй мировой, и один другому говорит: «Тебе-то хорошо, ты из Молодова, у вас там Парин».

Профессоров Париных в Молотове тогда было двое – отец и сын. И они являлись не только реальными фигурами влияния, как бы мы сейчас сказали, а настоящими спасителями. Ведь хирургический скальпель – это, как правило, единственное, на что можно уповать, когда вместо человека после боя остается только кровавое месиво. А Парины были хирургами. Точнее сказать, блестящими хирургами.

Из сегодняшних дней, может быть, их достижения смотрятся не очень впечатляюще. Но на мгновение представьте себя в том времени. Почти полное отсутствие антибиотиков и обезболивающих средств, а вашему близкому человеку нужно вновь ампутировать часть ноги – на фронте ему уже провели одну операцию. Там главным было скорей, а сейчас спаянные с костью рубцы и язвы делают невозможным протезирование. Везде, по всем эвакогоспиталям СССР в этом случае безжалостно резали, вновь отпиливая кость и доставляя без того измученному больному новые страдания. Борис Парин предложил другой выход из этой довольно распространенной тогда ситуации: делать особую пластику кожным лоскутом. Есть разница: или кость с мясом резать или кожу из одного места в другое пересадить?

Пример. У восемнадцатилетнего бойца в руках разорвалась граната. От пальцев ничего не осталось. Борис Парин сделал операцию: расщепив предплечье, из лучевой и локтевой костей, покрытых со всех сторон кожей, сформировал ему два пальца. Человек с такой рукой мог застегивать пуговицы, шить, писать, водить машину, в общем, не нуждаться в посторонней помощи. Этот паренек позднее поступил в университет, и преподаватели ставили в пример другим студентам его конспекты, написанные аккуратным почерком.

Впоследствии В.И. Лепёскин стал директором знаменитой в Перми школы № 7.

Борис Парин был сыном и учеником Василия Николаевича Парина, также оперировавшего в то время в Перми. Популярность в народе у них была такова, что когда в 1947 году старший Парин умер, похороны проходили при участии конной милиции. Будь на то людская воля, поставили бы Париным памятники из чистого золота возле хирургического корпуса бывшей Александровской больницы, и стояли бы они там на манер львов, охраняющих вход в главный корпус, торжественно и строго, да только в сказках добро побеждает зло при жизни героев. Париным же в Молотове – Перми пришлось хлебнуть всего.

Пермская «культурная революция»

Один из профессоров так вел занятия: выносили кресло, затем появлялся он, в шелковом кашне с кошкой в руках, садился в кресло и, глядя кошку, читал лекцию. Он был профессором «старой школы» – их в Перми тогда еще оставалось много. В 1931 году студенты устроили этому профессору обструкцию. В Перми началась «культурная революция», катализатором которой стало постановление Уралобкома ВКП(б) о пединституте. В нем говорилось о сдаче позиций на идеологическом фронте группой классово-враждебной реакционной профессуры. Речь всерьез заходила о ликвидации и университета, и пединститута с мединститутом, всего год назад выделившихся из *alma mater*.

31 декабря 1931 года и 5 января 1932 года в Перми проходили собрания научных работников, на которых громили преподавателей, последователей «гнилого либерализма» и «буржуазных теорий».

Примеры. Доцент Шубин в статье о зобе писал, что в Швейцарии этой проблеме уделяют много внимания, а у нас – нет. Выводы: «Статья написана языком классового врага». Профессор Беклемышев заявлял, что «причинность нельзя объяснить». Выводы: пропаганда реакционной идеологии. Но особо была выделена деятельность «бывшего колчаковца, активного реакционера и классового врага» профессора

Богословского, а также его коллег, профессоров Дьяконова и Савича. В докладной записке в Пермский городской комитет ВКП(б) сказано: «Являясь дипломированными крепостниками, эта группа исследовала вопросы истории церкви, монастырей, роль культуры полотенца при погребении, поездки в Иерусалим. Вели пропаганду поповщины, мракобесия в трудах этнографического общества, сборниках и ученых записках госуниверситета. Богословский через организованную капеллу выезжал в деревню, распевал старые песенно-кулацкие религиозные обряды, религиозные песни».

К старым профессорам обращались так: «Уйдите прочь с дороги! Мы не сегодня-завтра все равно вас сметем. Уходите сами!»

Пермь покинули профессора Стрелков, Беклемышев, Богословский, Дьяконов, Савич, Коротков, Далини, ушел из клиники легендарный терапевт Лебедев и др. Немного этот исход походил на бегство, кого-то из ученых, говорят, даже арестовали.

Василий Николаевич Парин был классическим профессором и «гнилым либералом». Достаточно сказать, что он никогда не ругался, а свое негодование обычно выражал тем, что ронял по-немецки «Мне горько!».

В советских книгах об этом периоде написано расплывчато: «Ряд молодых научных сотрудников создали невыносимые условия для В.Н. Парина, и он ушел из клиники». В рукописи А.П. Соколова, ученика Парина, информации чуть больше: «Над головой В.Н. Парина начали сгущаться тучи. В клинике появились карьеристы, желающие без труда создать себе академическую карьеру. Создалась тройка, в которую входили два ординатора и ассистент. Члены этой тройки, придя в клинику, закрывались в отдельной комнате и делили там портфели. Они не выполняли возложенных на них обязанностей, игнорировали распоряжения и указания профессора. В клинике создалась нетерпимая обстановка. В этих условиях В.Н. Парин принял предложение Наркомздрава организовать в Ижевске медицинский институт. В 1933 году он оставил Пермь».

Михаил Степанов, известный пермский краевед, вспоминал, как его мама, которая в то время была студенткой

мединститута, сокрушалась: «Какое безобразие – проработать такого прекрасного человека, как профессор Парин! Его довели до того, что он был вынужден уехать в Ижевск!»

В Ижевск поехал вместе с отцом и Борис Парин, к этому времени уже совершивший первое на Урале переливание крови, причем донором выступал он сам. А Василий, старший сын Парина, на какое-то время остался в Перми.

Удмуртия, Казань, Пермь, Ижевск

Удмуртия была родиной В.Н. Парина. Здесь он родился в бедной семье в захолустной деревушке Сюмеи. Известно, что мать его была неграмотной крестьянкой. В биографии Парина есть сюжет, отсылающий нас к Ломоносову: четырнадцатилетнему крестьянскому мальчику с котомкой за плечами, с посохом в руке пришлось пройти пешком 120 верст до уездного города, чтобы поступить в училище, которое он блестяще окончил за два года вместо четырех. Ему везло на людей: по протекции преподавателей училища он поступил в Казанский учительский институт «на казенный кошт», окончил институт тоже с отличием. Затем Парин поступил на медицинский факультет Казанского университета.

В то время учителя находились примерно в том же положении, что и сейчас. В.Н. Парин в 1898 году в местном журнале писал, что «материальное положение учителя начальной школы так мало обеспечено, жизненные условия так трудны, школа отнимает у него так много здоровья и сил, что на долю редкого учителя выпадает счастье отпраздновать 25-летний юбилей своей трудовой деятельности. Если иногда и случаются такие юбилеи, то они не празднуются так торжественно, как юбилеи людей, стоящих на высших ступенях общественной лестницы. <...> Они проходят так же незаметно, как незаметно проходит и вся жизнь сельского учителя».

Врачи в те годы, не в пример сегодняшней ситуации, находились в другом положении, чем учителя. Однажды, когда чествовали профессора Геркена, преподававшего хирургию в Казанском университете, он огорошил поздравляющих следующей сентенцией: «Я не люблю хирургию, – сделал паузу и, насладившись эффектом, продолжил, – я люблю ее только

за то, что она дает мне доход в пятьдесят тысяч рублей в год. А любил и люблю я только скрипку и кристаллографию».

В то время хирургия была не лишена артистизма. Сам Геркен не раз привлекал приват-доцента Казанского университета Парина для небольших спектаклей. Геркен был блестящим диагностом и хирургом, однако внешне выглядел не очень презентабельно. Это несколько мешало лечебной практике. Поэтому в случаях, когда пациент или члены его семьи сомневались в диагнозе, он говорил: «Нужен консилиум». И звал Парина, который уже в то время был очень импозантным, и кого-нибудь еще. Врачи важно осматривали больного и удалялись на совещание. Конечно, они подтверждали диагноз и лечение, предложенное Геркеном, тем более что оно всегда было правильным.

Парин страстно любил хирургию. Более того, считал ее единственным стоящим делом в медицине. Когда старший сын Василий увлекся физиологией, он сначала отнесся к этому спокойно. Потом начал действовать. Для сыновей Бориса и Василия у него была особая программа курса хирургии: все остальные студенты на экзамене отвечали по два вопроса, а Париных-младших гоняли по всему предмету вдоль и поперек. «Он рассчитывал, – написал впоследствии В.В. Парин, – что чем лучше мы будем знать хирургию, тем больше ею увлечемся».

Позднее, в конце 30-х, когда В.В. Парин уже жил в Свердловске и заведовал кафедрой физиологии в одном институте, лабораторией физиологии – в другом, к нему в гости приехал отец и сказал: «Ну вот, теперь у тебя есть хорошая теоретическая подготовка. Теперь бы тебя на год в поликлинику... Подучиться – и в большую хирургию, по-настоящему». Вплоть до своей смерти Василий Николаевич видел в сыне Василии лишь загубленного хирурга, несмотря на то что он к тому моменту был и первооткрывателем рефлекса, названного его именем, и доктором наук, и профессором, и академиком-секретарем Академии медицинских наук, и прочая, и прочая.

Из Ижевска Парины вернулись в 1935 году на белом коне. А.П. Соколов пишет, что «с отъездом В.Н. Парина резко снизился уровень хирургической работы и подготовки кадров.

В клинике работала особая комиссия, осудившая поведение тройки. В Перми и Свердловске осознали, что Урал потерял видного деятеля здравоохранения, талантливого профессора, и через ходатайство директора мединститута перед Наркомздравом были приняты меры по возвращению профессора В.Н. Парина в Пермь».

Белый конь действительно был: по легенде, благодарные удмурты подарили Париным выезд – лошадей и бричку. По современным понятиям, это как «мерседес» подарить. Кроме того, им вернули «в вечное пользование» конфискованную во время революции усадьбу «в знак признания больших заслуг перед народом Удмуртии». В Ижевском мединституте они не только поставили на должный уровень преподавание хирургии, но Борис Парин еще и создал республиканскую станцию переливания крови, которая сейчас носит его имя.

Американский шпион Василий Парин-младший

Карьера Василия Васильевича Парина складывалась блестяще. В 1941 году он возглавил Первый медицинский институт в Москве, в 1942-м стал заместителем наркома здравоохранения СССР, в 1943 году вместе с Н.Н. Бурденко писал устав, определял штаты, формировал структуры Академии медицинских наук СССР, а в 1944-м стал ее первым академиком-секретарем.

В 1945 году Парин получил шикарную пятикомнатную квартиру в знаменитом доме на Набережной. А в 1946 – 47 годах в его жизнь пришла настоящая, большая беда: он оказался в центре урагана борьбы с космополитизмом.

Начиналось все обыденно и даже радужно: Парина вызвал к себе министр здравоохранения СССР Г.А. Митерев и сообщил, что имеется предварительное распоряжение соответствующей инстанции о направлении его в США в порядке ответного визита. Дело в том, что в 1944 году Советский Союз посетили ученые из США и Англии и передали СССР технологию производства пенициллина. Министр сказал, что помимо ознакомления с новым медоборудованием и исследовательской работой Парин должен предоставить американцам подробную информацию о работах профессоров

Клюевой и Роскина по лечению рака. Парин должен был сделать доклады в американских научных организациях и передать США рукопись книги Клюевой и Роскина и созданную ими вакцину «КР» в обмен на оборудование для исследовательских лабораторий СССР.

Парин был в МИДе – просил предоставить ему место в самолете МИДа до Парижа. Случайно был поднят разговор о вакцине «КР», и тут представитель МИДа сказал, что имеется решение не передавать по этому поводу никакой информации за границу. В материалах следственного дела В. Парина есть его рассказ о дальнейших событиях: «Я сказал, что это для меня неожиданно, т. к. я имею от т. Митерева противоположное указание, а именно – предоставить американцам полную информацию вплоть до образцов вакцины, и сказал, что буду просить уточнения указаний у Г.А. Митерева. Тотчас из МИДа я зашел к Г.А. Митереву и сообщил ему об этом разговоре. Григорий Андреевич сказал мне, что не нужно давать американцам технологию, а остальное можно предоставить. Т. к. все у меня было уже сложено, а перед отъездом я, как всегда бывает, имел очень хлопотливый день и устал, то я легкомысленно решил не распаковывать большой сверток с книгами, которые я вез с собой и в котором была рукопись книги Н.Г. Клюевой с главой о технологии, и решил, что я сдам эту часть рукописи на хранение в Нью-Йорке в наше консульство, что я и сделал немедленно по прибытии в Нью-Йорк. По дороге, однако, у меня возникли сомнения в отношении всего вопроса в целом, вследствие чего я решил сдать в консульство и вакцину и не предпринимать никаких шагов до уточнения всего дела, решив обратиться для этого к В.М. Молотову, который, как известно, был в это время в Нью-Йорке. Я обратился к В.М. Молотову и изложил ему обстоятельства дела 7 ноября в личном разговоре. Тов. Молотов сказал, что этот вопрос надо согласовать с Москвой и обещал телеграфно запросить Москву и известить меня о результатах запроса. По плану моей поездки после этого разговора я выезжал в ряд городов США, и 24 ноября, по возвращении из Филадельфии в Нью-Йорк, я был информирован в консульстве, что меня 2 дня ищет т. Подцероб. <...> По моем приезде к т. Подцеробу он прочел мне по записке, которую он

вынул из своего кармана, примерно следующий текст: “Разрешено передать рукопись без главы о технологии при условии перепечатки на машинке и вакцину, указать, что срок ее годности кончился” (вакцина сохраняется только 10 дней, срок привезенной мной вакцины кончился 14 октября). После этого Подцероб сказал: “Действуйте согласно этому указанию”, – и мы расстались. Т. к. в тот же день, в 6 час. вечера, я должен был с группой наших специалистов по раку выехать в Сан-Луис и Чикаго на 10 дней, то я получил вакцину из консульства и перед отъездом вызвал распорядительного директора Американско-советского медицинского общества доктора Лесли и передал ему рукопись и вакцину с просьбой отослать в Раковый институт в Вашингтоне, что им и было сделано. Само собой разумеется, что в точном соответствии с переданной мне инструкцией я оставил в консульстве главу рукописи с технологией производства вакцины, где эта глава находится до настоящего времени. Перед отъездом из США я просил зав. секретной частью консульства вернуть ее дипломатической почтой в СССР. На следующий день, когда мы были в Сан-Луисе в раковой больнице «Barnard Hospital», меня вызвали к телефону из Нью-Йорка, и секретарь нашего консульства т. Л.Н. Федотов спросил меня, передал ли я материалы американцам. Когда я сказал, что сделал это вчера, он сказал: “Жаль, т. к. тут получена обратная команда!” К сожалению, в это время уже ничего нельзя было сделать, вследствие чего я крайне тяжело переживал это дело во все остальное время моего пребывания в США, на обратном пути в СССР и в настоящее время».

В общем, бюрократическая машина подавала взаимоисключающие приказы, а виноватым оказался исполнитель.

Из Америки Парин поехал длинным кружным путем, словно надеясь, что за это время беда минует. Заехал в Гетеборг, посмотрел в Швеции лаборатории и медицинские институты... На пароходе доплыл до Лиепайи и уже оттуда поездом 7 февраля вернулся в Москву. 9 февраля пришла телеграмма, что умер отец. 13 февраля состоялись похороны.

Парин знал, какие тучи над ним сгустились. По свидетельству Клюевой и Роскина, после возвращения Парина из США они избегали с ним встреч, так как знали, что у него

неприятности. «Только узнав, что он был в ЦК, приехали домой к нему вечером. Застали в очень тяжелом настроении, не говорили о деле, спросили, как себя чувствует, говорил, что плохо, миллион неприятностей, сказал: “Я всегда был честным гражданином и таким всегда останусь”. Мы поняли, что он беседовать не хочет».

В ночь с 17 на 18 февраля 1947 года Парина арестовали у него дома в Москве. Обыск длился более суток. Начался он вскоре после возвращения Парина из Кремля, где Сталин сказал ему в лицо: «А я Парину не доверяю». Обвинение – шпионаж в пользу США.

Впоследствии Василий Парин напишет: «Отец Василий Николаевич умер за неделю до моего ареста, так что я смог отдать ему последний сыновний долг, съездив на похороны... Психологически интересно то, что я воспринял его смерть как величайшее горе (я, повзрослев, горячо любил его не только как отца, но и как верного и мудрого друга), но когда за мной закрылась дверь дома на пл. Дзержинского, я счел, наоборот, величайшим благом то, что он умер в неведении того, что со мной случилось, и я не мог считать себя невольным виновником его смерти».

В тюрьме Парина пытали, выдерживая в карцерах и холодных ваннах.

Дело КР и «суды чести»

В записной книжке А.А. Жданова весной 1947 года есть пометки: «Организация суда. О Парине размазать погуще... Вдолбить, что за средства народа должны отдавать все народу. Суд чести должен постановить».

«Суд чести» над Ключевой и Роскиным состоялся в Москве, в клубе Совета министров, где сейчас помещается Театр эстрады, фактически под окнами квартиры Василия Парина.

Очевидцы писали об этом суде: «Очень удачна была реплика тов. Семашко, который сказал, что в свое время на заседании Президиума Академии он защищал Ключеву и ее поддерживал, а сейчас он возмущен ее поведением. “Чего вы крутите? Вы и во время следствия держали себя, как рассерженная барыня, – по какому праву? Народ кровью заплатил за свою

победу, и нельзя так легко играть его достоинством”. <...> Вообще надо отметить, что аудитория резко реагировала на всякого рода попытки объяснить антисоветские, антипатриотические поступки... были реплики “американская актриса”».

По сравнению с Париным, профессора Н.Г. Ключева и Г.И. Роскин отделались очень легко: они были осуждены общественным судом за отсутствие патриотизма и получили ярлык «сомнительных граждан». Они продолжили свою работу на свободе. Министр здравоохранения Г.А. Митерев, за утрату бдительности и безответственность в руководстве министерством снятый с должности, свидетельствовал на суде против профессоров, но сам был осужден следующим судом чести Минздрава.

А Парин получил 25 лет.

Подобные суды чести прошли во всех крупных городах СССР и заклеили «американского шпиона» Парина. Эта история была подхвачена драматургами. В 1947 году в Малом театре Москвы была поставлена пьеса Б. Ромашова «Великая сила». МХАТ выпустил спектакль по пьесе К. Симонова «Чужая тень». Московский театр драмы поставил «Закон чести» А. Штейна – о том, как советский ученый Лосев, находясь в научной командировке в Америке, пренебрег интересами своей родины и опубликовал там еще не завершённый труд своего коллектива, но его разоблачили, и космополит был наказан. По пьесе был снят фильм. Главные роли сыграли Борис Чирков, Евгений Самойлов, Иван Переверзев. В 1949 году фильм «Закон чести» стал лидером кинопроката в СССР: его посмотрели 15,2 млн. зрителей.

В общем, Страна Советов была против Василия Парина.

«Суды чести» в Перми

Гневно осудила Парина и Пермь.

Историк Леонид Обухов в своем исследовании «“Дело” профессоров Ключевой и Роскина и научная интеллигенция Перми» пишет, что закрытое письмо поступило в Молотовский обком партии 23 июля 1947 года, а 25 июля оно было разослано всем горкомам, райкомам, секретарям первичных организаций вузов и НИИ.

Начали проходить собрания, о содержании которых мы можем узнать из донесений под грифом «Секретно»: «Характер заданных вопросов и выступлений показывает, что научные работники глубоко возмущены антипатриотическим и антигосударственным поступком профессоров Ключевой и Роскина. На всех собраниях был задан вопрос: “Почему их судили судом чести, а не более строгим судом?”, “Как осужден Парин?” <...> А. М. Глебова, директор института эпидемиологии и микробиологии, в частности заявила: «...Для нас особенно неприятно это дело, т. к. американский шпион Парин, о котором говорится в письме ЦК, был воспитанником Молотовского института». Глебова сказала, что вся семья Париных не внушает политического доверия и что она подтвердит это в ближайшие дни в письме в ЦК. Аргументы у нее были такие: “Старик Парин В.Н. был членом черносотенного союза Михаила Архангела. Младший сын Борис напечатал в фашистской Германии статью, что биология подтверждает научность расовой теории фашизма”. И высказала предположение, что “старик Парин отравился, узнав о провале своего сына”. Кроме того, Глебова сказала, что в мединституте царствовала династия Париных, которые, “опираясь на высокое положение старшего сына, чинили произвол и командовали в институте”».

На основании ее слов с Министерством здравоохранения была достигнута договоренность о прибытии в Молотов комиссии по расследованию работы профессоров-хирургов В.Н. и Б.В. Париных.

Глебова докладывает в вышестоящие партийные органы, что «в медицинском институте письмо произвело сильное впечатление. Профессора Залкинд Э.М., Селезнев А.В., Ершов возмущались поступком Ключевой – Роскина: как можно было передать важное открытие в Америку? Высказывалось негодование в адрес шпиона Парина».

Леонид Обухов пишет, что в Молотовском университете ознакомление с письмом прошло по-другому: «Вероятно, сказала позиция ректора А.И. Букирева, который хорошо знал семью Париных, а также то, что в университете работал Д.М. Марко, тесть В.В. Парина». В частности, Букирев направил свой гнев на то, что «преклонение перед западной

наукой имеет место не только на местах, но и в центре. Возьмите Большую Советскую энциклопедию. Там русским биологам отводится несколько строк, а многие видные ученые совсем забыты».

Секретарь обкома ВКП(б) Ляшенко зафиксировал и ходящие по городу слухи: «Аспирант А-в спросил зам. секретаря парторганизации Бирюкова, верно ли, что брату шпиона Парина запрещено жить в университетских городах и его выслать из Молотова».

8 и 9 сентября в Молотове прошло собрание городского партийного актива, на котором присутствовало 630 человек. Клеймили интеллигенцию, замеченную в раболепстве перед границей.

Под горячую руку досталось профессору Левашеву, которому припомнили его заявление о необходимости поступления в библиотеку института всей иностранной литературы по медицинской тематике в количестве одного экземпляра. Перепало учительнице краснокамской школы № 1, которая, знакомя учащихся с биографией русского ученого-изобретателя радио А.С. Попова, сказала, будто Попов просто использовал работу своих предшественников Герца и Маркони, обобщив их труды в области электричества. Был подвергнут критике лауреат Сталинской премии профессор стоматологического института А.В. Пшеничнов «за необоснованное восхищение постановкой научных исследований за границей, мнимым богатством их оборудования».

Особо бурно проходили собрания в мединституте – и это понятно: Борис Парин в то время руководил хирургической клиникой. Собрание шло два дня.

Научный работник института Щеголев заявил: «Недавно с этой трибуны выступал Б.В. Парин и хвалился тем, что его работы известны в Америке (к тому времени его работы были известны уже во всем мире. – С.Ф.). Подобные выступления отпора с нашей стороны не встречали».

Борису Парину пришлось выступать дважды. Первое выступление совершенно не удовлетворило собрание: большую часть времени он посвятил общим рассуждениям о преклонении некоторых ученых перед западом. Только в конце своей речи он заявил: «...у меня был старший брат

Василий, с которым я прожил 25 лет. За свои преступные деяния он заслуженно был квалифицирован как американский шпион. Не нахожу соответствующих слов, чтобы выразить свое возмущение. Шпион не может быть моим братом. Я считаю своим долгом заявить, что у меня нет больше брата».

Теперь, когда мы знаем подоплеку и реальные факты, очень легко осудить Бориса Парина за эти слова. Но стоит ли? Он был обманут и введен в заблуждение, они с братом были назначены щепками, которые летят, когда рубят лес.

Во время второго выступления Борис Парин объяснил неудачу своего первого выступления тем, что только вчера узнал из письма ЦК всю гнусную глубину преступления бывшего брата. «Я был настолько подавлен и потрясен, что не смог собраться с мыслями», – сказал он. Ему задали вопрос: говорил ли ему брат, что он привез из Америки Ключевой и Роскину? Он ответил, что ничего не говорил. На него наступали: почему после ареста брата он продолжает материально помогать его семье? Почему взял к себе на лето его детей? Он ответил, что помогал детям бывшего брата из родственного чувства к ним.

Многих интересовало, какой срок получил Василий Парин. В докладных записках «наверх» есть такой пассаж: «...не помню, кто сказал, кажется профессор Залкинд, что Парина осудили на 8 лет, и это слишком мало. Человек, получивший высшее образование, пошел на измену, надо было судить строже».

Приговор Василию Парину зачитают только через полгода, в апреле 1948 года.

После приговора

Жену Василия Парина с четырьмя детьми выселили в коммуналку в Столешниковом переулке. Она стала работать участковым педиатром.

Василия Парина по этапу, вместе с уголовниками, отправили в Норильск. В Куйбышеве один из заключенных бросил камень ему в лицо. Шрам на брови остался на всю жизнь. В Красноярске перед самой погрузкой на баржу пришло рас-

поряжение вернуть Парина, и его повезли обратно в обычном вагоне пассажирского поезда. Местом его заключения стал Владимирский централ – тюрьма, знаменитая страшным средневековым режимом. Рассказывают, что там были заключенные, чьих имен никто не знал. В тюрьме Парин перенес болезнь Боткина, которую не лечили, и потому у него развился цирроз печени. Парин отвлекал себя тем, что конспектировал книги из тюремной библиотеки, даже труды по ирригационным сооружениям Древнего Египта. Соседи по камере менялись: сокамерниками Парина был и Сулейман Азимов, один из партийных лидеров Узбекистана, и монархист Василий Шульгин; дольше всех ему пришлось провести время с Даниилом Андреевым, автором «Розы мира», и с историком Львом Раковым.

Клюева и Роскин пытались довести свою вакцину до промышленного производства. Страна обеспечила их всем, что они запрашивали: ведь несмотря на суды чести, где ученые были главными фигурантами, передавалась, по слухам, и фраза Сталина, сказанная им о книге «Биотерапия злокачественных опухолей»: «Бесценный труд». В этой книге ученые писали, что особый вид трипаносом, передаваемый с укусом клопа, живущего в Южной Америке, способен разрушать опухоли. Более того, опыты на мышах дали феерический результат: трипаносомы, попадая в кровь животных, собирались в злокачественной ткани, размножались и убивали ее, не трогая другие органы. Однако использование препарата на людях положительных результатов не дало. В. Парин уже несколько лет сидел в тюрьме, когда лабораторию проверила комиссия Академии медицинских наук. Очевидец вспоминает: «Я до сих пор помню тяжелейшее впечатление, которое оно (заседание. – С.Ф.) на меня произвело. На Клюеву обрушился негодующий огонь в самых резких выражениях. Я никогда ни до ни после не присутствовал при такой беспощадной, не выбирающей слов критике. <...> Роскин сказал, что они несколько раз посетили А.А.Жданова и от него повторно услышали: “От вас требуется только одно: подтвердить, что все то, о чем вы пишете в книге, – правда”. Мне стало понятно, что ситуация для Клюевой и Роскина складывается безнадежная и драматическая».

Драматическая ситуация складывалась и для Бориса Парина. Журнал «Комбустриология» (2003 г.) пишет, что в конце 40-х годов Борис Васильевич был отстранен от преподавания в Пермском институте, и студенты устраивали сидячие забастовки, требуя вернуть любимого учителя. Кроме того, в статье, подписанной в том числе и Б.В. Париным, говорится, что в то время были «сожжены на костре только что отпечатанные экземпляры его новой книги». Чтобы хоть как-то прокормить семью, профессор вынужден был занять должность заведующего анатомическим музеем при Пермском университете.

В конечном итоге, Б. Парина отстранили от заведования клиникой приказом министра здравоохранения Г. Белецкого. Причина нашлась: в июне 1949 года в клинику поступил двенадцатилетний ребенок, и врач Грачев во время операции нанес ребенку увечье. Б. Парину пришлось уехать работать в Киргизский мединститут. В 1953 году руководство Молотовского мединститута предложит ему вернуться. «Согласен занять должность при условии отмены необоснованного приказа бывшего министра Белецкого», – ответит Парин. Однако сделать это оказалось невозможно, и Парин переехал в Горький.

В июле 1947 года в СССР принимается решение о запрете продажи изданий на иностранных языках во всех книжных магазинах, включая букинистические. Почти половина ведущих научных журналов (Science, Nature и др.) осядет в спецхранах. Ссылки на иностранных авторов в конце 40-х станут крамолой.

Чем сердце успокоилось

В конце 50-х в Лионе (Франция) фармацевтическая фирма профессора Шарля Мерье на основании методики Ключевой – Роскина начала свои исследования. Была создана трипаноза – французский вариант препарата. Благоприятное действие препарата подтвердили лабораторные и клинические опыты. Наиболее эффективно трипаноза действовала на ранние опухоли. Большие неизлечимые опухоли поздних стадий под действием препарата уменьшались. Препарат,

что очень важно, снимал боль, облегал страдания и резко улучшал самочувствие больного.

Однако французский препарат постепенно стал терять рынки сбыта, и вскоре его перестали выпускать. В специальной литературе написано: «Лионская фармацевтическая фирма переключилась на выпуск более модных и имеющих повышенный спрос препаратов – антибиотиков, цитостатиков – и на биоинженерию – конструирование “магических пуль” со строго установленной структурой. В этом аспекте использование трипаносомного экстракта, смеси хотя и целебной, но неясной химически, представлялось некой архаикой».

Была и другая объективная причина «провала» препарата на рынке лекарств – неустойчивость результатов биотехнологического культивирования трипаносомы. К тому же в те годы изобрели химиотерапию и возлагали на нее огромные надежды. А сейчас о трипаносоме вспомнили вновь.

Василия Парина освободят по амнистии 29 октября 1953 года и привезут домой на автомобиле «Победа». Однако полностью реабилитируют его только в апреле 1955 года.

В то время материальная ситуация в его семье была такой, что, как пишет Лидия Мишланова, Василию Васильевичу даже нечего было надеть. Жена Букирева, ректора Молотовского университета, через знакомых доставала ему одежду. Было это в январе 1954 года, когда Парины приехали в Пермь навестить Д.М. Марко.

Василий Парин напишет, что тогда он находился «в состоянии значительной моральной угнетенности, психической подавленности, доходившей до робости, и сознания своей гражданской неполноценности. Всякие напоминания о моем деле, стоившем мне семи вычеркнутых из жизни лет, к тому же проведенных мною в тяжелой обстановке, вызывали у меня в то время мучительные переживания и состояние, которое я могу назвать рефлексом беззащитности».

Вскоре Парин станет ученым с мировым именем. Он будет обеспечивать как физиолог запуск в космос собаки Лайки, первое возвращение из космоса собак Белки и Стрелки и т. д. Скафандр Ю. Гагарина слегка поцарапал Парину лицо перед тем, как космонавт сказал: «Поехали!» Состояние

здоровья космонавтов А. Леонова и П. Беляева во время полета, закончившегося в пермской тайге, тоже курировал доктор В. Парин.

О дальнейшей судьбе Бориса Парина можно узнать из воспоминаний его брата: «Как вы, вероятно, знаете, я претерпел в жизни и несправедливую тяжкую пору <...>. К сожалению, как это ни горько, брат мой Борис от меня в то время официально отказался. Вернувшись в семью, я окунулся в атмосферу утерянной любви (жены и четырех детей). Брату я все простил и принимал самое горячее участие в его судьбе – он заболел лимфолейкозом, и я устраивал его в лучшие клиники Москвы, вплоть до Кремлевской больницы. Однако заболевание это роковое, и 20 февраля 1968 г. он скончался в Москве в клинике проф. Кассирского».

Старший брат ненадолго пережил младшего: он умер в 1971 году и похоронен на Новодевичьем кладбище.

Что еще сказать о семье Париных? В 1922 году в Перми В.Н. Парин работал в Александровской больнице в операционной, обогреваемой примусами при температуре 5 – 6 градусов, а больные лежали под шубами, в шапках и валенках. В 1942 году на средства В.Н. и Б.В. Париных был построен танк. Жили Парины в деревянном доме на улице Ленина. Сейчас на этом месте высотка с буквами «ВИТУС» на крыше. В 1957 году Борис Парин передал усадьбу, которую вернуло его семье удмуртское правительство, государству. В советское время там был пионерский лагерь имени Василия Николаевича Парина. В.В. Парин писал предисловия к книгам фантаста Станислава Лема... В общем, какой эпизод ни возьми, у Париных была жизнь, словно специально созданная для драматургов или романистов.

8. Директор

Великие предприятия могут возглавлять только выдающиеся люди. Это аксиома, которая неуклонно подтверждается современной жизнью: множество заводов, имея рынки сбыта, погибли только потому, что их руководители не справились с управлением. Но есть и обратные случаи: предприятия, которые должны были умереть вместе с рухнувшей оборонкой в начале 1990-х, становились флагманами российской экономики. Возглавлявшие их люди приняли вызов времени. Пример – АО «Корпорация ВСМПО-АВИСМА», объединившая Верхне-Салдинский металлургический и Березниковский титано-магниевого комбинаты.

Березниковским титано-магниевым руководили настоящие титаны. Во все времена.

Взять хотя бы Клавдия Ивановича Циренщикова, возглавлявшего комбинат с 1949 по 1970 год. О нем ходит масса легенд. Например, такая: в годы Великой Отечественной войны он получил орден Красного Знамени за поимку банды в Соликамском районе.

Однако дочь Клавдия Ивановича, Тамара Долгих, эту легенду опровергает. Этого не было. Зато были другие факты, достойные легенд. На сверхсекретном заводе Р-43, который находился в Соликамске, Циренщикову удалось синтезировать для военных целей гипохлорит кальция. Технологии получения этого соединения еще не было, поэтому пришлось действовать «методом тыка». В результате Клавдий Иванович тяжело отравился хлором и болел из-за этого всю жизнь. Выйдя на пенсию, он жил уже только на кислородных подушках, а последние три года испытывал невыносимые страдания: из-за нарушения обмена веществ не было кожи на ногах, от колен до ступней. Такой ценой заплатил Клавдий Иванович Циренщиков за выполнение заданий Родины. Служил он церкви, его бы наверняка причислили к лику великомучеников, но Клавдий Циренщиков был коммунистом до мозга костей. Его наградили высшей наградой времени – в 1966 году он получил золотую звезду Героя Социалистического Труда.

Циренщиков – уроженец старинного горного городка Дедюхина, славящегося работающими людьми. И даже фамилия у него местная. «Циренами» называли лотки в солеварнях, на которые переворачивали соль, деревянные лопаты, с помощью которых это делали, и самих рабочих. Коренной человек, Циренщиков стал основателем династии, имеющей к настоящему времени трудовой стаж на предприятии более 170 лет. Все его трое детей были связаны с Березниковским титано-магниевым комбинатом: сын всю жизнь проработал электрослесарем КИП в цехе, младшая дочь – лаборантом, старшая – научным сотрудником Института титана. И сейчас в разных подразделениях, входящих в корпорацию «ВСМПО-Ависма», работают внучка и две правнучки директора.

А началось все с того, что простого деревенского паренька Клавдия Циренщикова, работавшего на «Соде» и жившего в «бельгийском» бараке, партия послала учиться в Уральский индустриальный институт, в Свердловск. Циренщиков считался лучшим аппаратчиком предприятия и был активным комсомольцем.

Это была обычная для того времени практика: дать возможность активным комсомольцам получить высшее образование. Ребятам, окончивших ФЗО, из Дедюхино, Ленвы, Усоля была целая группа. В институт их приняли условно: весь первый год они догоняли своих городских сверстников, осяивая школьную программу.

Клавдий Циренщиков получил распределение на Первый калийный комбинат, где пять лет проработал химиком-технологом и пережил страшное время репрессий. В 1940 году он возглавил тот самый секретный завод Р-43, на котором и потерял здоровье, Потом работал в горкоме партии, парторгом ЦК ВКП(б) на Соликамском магниево-магнетитовом заводе, секретарем заводской парторганизации.

На работу тогда ездили на лошадях, а чтобы прокормить-ся, держали корову. Причем Клавдию Циренщикову как парторгу перед тем, как завести скотину, пришлось запрашивать разрешение из Москвы. У него уже было трое детей, которые часто болели. Диагноз «слабые легкие» был тогда у многих, кто жил в Соликамске. Об экологии в то время не

задумывались: в Соликамске все было отравлено хлором – ни травинки, ни деревца живого не осталось.

В 1949 году Клавдия Циренщикова назначили директором Березниковского магниевого комбината, который возродился после консервации. Чтобы оценить масштаб работ, представьте железнодорожный состав длиной 33 километра – столько прибыло в Березники трофейного оборудования из Германии. Все нужно было в кратчайшие сроки смонтировать.

Однако это, можно сказать, было легким заданием партии и правительства по сравнению с освоением технологии производства титановой губки. Такая задача была поставлена перед комбинатом в 1954 году.

Сколько лет жизни унесла эта титановая губка у Циренщикова и его коллег, никто не знает. Но о том, как непросто пришлось в тот период, какие выволочки устраивали директору БТМК в совнархозе и министерстве, очевидцы вспоминают до сих пор. «Били с головы до пяток. Только ругали», – вспоминает дочь Циренщикова.

«Если бы дело было во мне, я бы жизнь отдал за этот титан», – так, по воспоминаниям, ответил Клавдий Циренщиков на одном из совещаний в совнархозе, где был подвергнут жесточайшей критике за то, что комбинат все никак не мог наладить технологию и титановая губка шла в брак. Долго не могли найти причину брака, даже вызывали специалистов из Москвы, однако и они разводили руками. Заместитель директора Красиков не выходил в те месяцы из цехов: тут проверят, там проверят – везде все в порядке, а губка горит. Более полугода длились эти мучения. Чтобы платить зарплату рабочим, руководство чуть ли не на коленях просило деньги в долг у других березниковских предприятий.

В конце концов, обнаружили корень проблемы: в аппарате оказался незаметный свищ, и доступ воздуха превращал ценное сырье в шлак. Сколько было радости, когда неполадку устранили и комбинат стал выдавать годную продукцию! Даже из бухгалтерии прибегали посмотреть на качественную титановую губку.

Все воспрянули духом, а комбинат вскоре стал ведущим в своей отрасли и смог развернуть огромное социальное строительство: предприятию стали давать фонды.

Роберт Вагин, работник Березниковского титано-магниевого комбината в 1960-е годы, вспоминал: «А разве могут металлурги с особой теплотой и благодарностью не вспоминать имя К.И. Циренщикова, который на посту директора построил столько социальных объектов: медсанчасть, пионерский лагерь, лодочную базу для рыбаков и охотников. Комбинат приобрел теплоход «Демьян Бедный», который швартовался на берегу у курорта «Усть-Качка», и сотни металлургов и члены их семей на очень льготных условиях проходили здесь семейное лечение. Комбинатом была создана одна из лучших лыжных баз в городе, хоккейный стадион, Дом спорта, спортивные площадки в жилых районах».

Сейчас уже почти никто не помнит, как чихвостили Клавдия Ивановича вышестоящие партийные органы за строительство Дома спорта и детского сада. Но он стоял на своем.

А сколько строилось жилья! При Циренщикове на БТМК в какой-то момент исчезла очередь на жилье: все были обеспечены. К 1970 году жилой фонд БТМК составлял более 110 тыс. кв. м жилья! Можно упомянуть еще и построенный в то время Дворец пионеров, на который тоже ушло немало сил.

Но главной задачей Циренщикова было производство. И люди, на нем работавшие. Вот их свидетельства.

Елизавета Мальцева, главный бухгалтер Березниковского титано-магниевого комбината в 1960-е годы: «Клавдий Иванович хоть и не был металлургом по образованию, но как руководитель был каменной стеной, за которой было нестрашно экспериментировать и рисковать, а это очень важный момент. Он не боялся брать ответственность на себя, сейчас это в руководителях большая редкость. Лишних слов он никогда не говорил, но если уж скажет, то обязательно выполнит».

Валентин Лобанов, директор Березниковского титано-магниевого комбината с 1970 по 1980 год: «Прекрасной чертой в работе Клавдия Ивановича было ценить и возвышать людей. Я это испытал на себе. Именно с его подачи начался и развился мой личный профессиональный уровень в работе

и жизни. В 1961 году, после ухода начальника цеха № 35 А.В. Колесникова в производственный отдел, возглавить цех восстановления и дистилляции, всем на удивление, доверили мне, усольскому парню, беспартийному».

Когда в 1970 году по состоянию здоровья Клавдий Иванович был вынужден уйти на пенсию, своим преемником он выбрал Валентина Лобанова, который к тому моменту уже длительное время работал в Москве и был на хорошем счету в Министерстве цветной металлургии. «Неужели это возможно?» – спросил Лобанов и тут же согласился сменить столичные коридоры на березниковские просторы.

На пенсии Клавдий Иванович прожил почти десять лет. Курил «Беломорканал», удил рыбу. Особенной его страстью был хариус, который живет только в очень чистой, практически ключевой воде. И жену Любовь Андреевну к этому делу пригласил – вместе ходили на рыбалку.

«Я такой любви больше ни у кого не встречала, – говорит дочь Циренщиковых. – Они друг друга, кроме как “Клабочка” и “Любочка”, никак не называли. А в выходные часто брали патефон и нас, детей, – и в лес. И там вдвоем танцевали».

А еще они вместе песни пели, у них были прекрасные голоса. Любимая песня Клавдия Циренщикова – «Из-за острова на стрежень». У обоих всю жизнь на первом месте была работа, и только став пенсионерами, они стали принадлежать друг другу.

Клавдий Иванович умер в 1981 году. Проводить его пришло столько людей, что вся улица Советская в Березниках оказалась запружена. Многие плакали. Ведь с Клавдием Циренщиковым были связаны не только самые существенные достижения БТМК, но и самые значительные этапы в жизни очень многих людей.

Березники помнят и чтят своих героев: есть здесь и улица Циренщикова, и памятная доска на доме, где он жил, и премия его имени в подшефных школах «Ависмы». А 3 июня 2008 года, в день 100-летия легендарного директора, на площади заводской проходной был установлен его бюст. От благодарных последователей титанового дела, у истоков которого стоял Клавдий Иванович Циренщиков.

9. Под небом голубым

Сначала нужно доехать до конечной остановки метро, потом пересесть на автобус и снова ехать до конечной. Затем придется долго идти между стандартными московскими многоэтажками. Здесь и живет Анна Васильевна. Она пенсионерка, всю жизнь проработала в детском саду. На лето из московской квартиры она уезжает в Гусь-Хрустальный: там бревенчатый дом, огород и родина. Там молодость. Там в шкафу хранятся фотографии из «другой» жизни. В Москву она их не берет: это было бы слишком больно.

На фотографиях военный летчик. У него внешность человека с плаката, рассказывающего о преимуществах советского образа жизни: ясный взгляд и открытое лицо. А он и был настоящим советским человеком. Тогда это понятие включало в себя честность, ответственность и верность.

Вот он возле школы. На пиджаке комсомольский значок. Разумеется, он был комсоргом. Рядом с ним комсомолка с косичками – Аня, в будущем Анна Васильевна. Он дал ей рекомендацию для приема в комсомол. Вот он курсант летной школы. А вот уже офицер. Приехал делать ей предложение. Но у нее была железная воля молодой девушки: побудь, говорит, офицером, не обремененным семьей. А вот они в Перми, молодые и счастливые. Сюда его распределили в недавно образованную дивизию. Он был летчиком-истребителем, она – воспитателем в детском саду.

Вот его последняя фотография, за неделю до гибели.

Всегда улыбался, а тут вышел какой-то строгий, совсем не похожий на себя. А вот фотография из личного дела. Она и появилась на первой полосе газеты «Правда», где писали, что Сергея Сафронова наградили орденом Боевого Красного Знамени. Это был первый Указ, подписанный Леонидом Брежневым в ранге председателя Президиума Верховного Совета СССР. В газете не было сказано, что Сергей Сафронов награжден посмертно. Его смерть практически засекретили. Она не вязалась с победными фанфарами в честь поимки летчика-шпиона Пауэрса.

Пермь. Аэродром Сокол

В 1957 году, после разоблачения антипартийной группы Маленкова – Молотова, город Молотов стремительно переименовали обратно в Пермь. Моментально сменили вывески и печати, но людскую психологию за одну неделю не изменишь. Многие по привычке продолжали называть Пермь Молотовым. Да и атмосфера осталась прежней – жесткой и суровой.

1960 год был черным для пермских летчиков-истребителей. В январе погиб командир эскадрильи Станислав Архипов. В феврале разбились два летчика в одном самолете – Костенко и Колуков. Костенко пытался катапультироваться, но не хватило высоты. В апреле снова авария со смертельным исходом: погиб Владимир Карчевский. Четыре месяца – четыре смерти.

Военные летчики жили тогда преимущественно в комнатах – по две семьи на квартиру. Часто собирались вместе: праздники отмечать, да и просто так, поговорить. Однажды так же собрались, помянули погибших, и Сергей Сафронов сказал: « Кто следующий?»

Летчики молчали, а женщины завозмущались: не зови беду, она сама придет.

Первое мая планировали отметить в комнате у Сафроновых, она у них была большая и светлая. Сергей и Анна к празднику приготовились: купили молдавского вина. Как-то они попробовали вино «Лидия», и очень оно им понравилось. «Давай теперь будем только вино пить». – «Давай».

Боевые тревоги в гарнизоне случались часто. Вот и 1 мая решили, что тревога проверочная, чтобы в праздник не расслаблялись.

В тот день дежурство несли заместитель командира эскадрильи Борис Айвазян и старший лейтенант Сергей Сафронов. На двух истребителях МиГ-19 они понеслись в свердловский аэропорт Кольцово.

Ни днем, ни вечером самолеты не вернулись. Пермь, как обычно, весело праздновала 1 Мая с демонстрацией, песнями и танцами под проигрыватель.

Пришел с работы сосед по квартире, тоже летчик. Говорит Анне: «В Кольцово плохая погода, самолеты не выпускают». – «А праздник у нас?» – «А что праздник? Вернется Сергей, тогда и будем у вас праздновать. Пойдем с нами!» – «Да нет уж, я Сережу подожду. Прилетит, тогда и пойдем».

Сергей не прилетел.

На следующий день в гарнизоне была какая-то странная тишина. Обычно гармошка играет, веселье... А тут люди то здесь, то там стоят и тихо разговаривают. Анна вышла на улицу гулять с трехлетним сыном. Смотрит, идут к ней врач с командиром полка. Сердце так и екнуло: что-то случилось. Она хорошо знала, как семье сообщают о гибели летчика. Но вроде бы миновало. «Пойдем, – говорят, – покажешь, где N живет».

Анна и пошла, ведь N был их соседом по квартире. А им нужно было ее с улицы увести.

Сообщили.

«И больше я ничего не помню», – голос Анны Васильевны и сейчас, спустя четыре десятилетия после трагедии, дрожит.

Пешавар. Аэропорт Бадабер

Обстановка на военном аэродроме в Пакистане была нервозной: облачность вот уже несколько недель не давала возможности вылететь самолету-разведчику. Первое мая – последний день, когда полет был возможен. Позднее ни в коем случае. Так Америка готовилась к парижскому саммиту по разоружению.

Сверхсекретная программа воздушного шпионажа, финансируемая из бюджета США, велась под прикрытием изучения погодных условий.

Специально для этой программы был создан самолет «Локхид U-2», который еще имел название «Черный ангел» из-за специальной окраски. Она делала самолет невидимым для советских локаторов. На «Локхиде U-2» был установлен двигатель J-57C производства Pratt&Whitney, который позволял совершать длительные перелеты на высоте 20 км, что делало самолет неуязвимым: советские самолеты тогда выше 15 – 17 км не поднимались.

С 1956 года эти самолеты-разведчики летали над СССР. Всего было совершено около 30 полетов: например, в районе Ленинграда были сфотографированы верфи, где строились подводные лодки, в районе Москвы – аэродромы, но больше всего интересовали ракетные полигоны. Советские службы ПВО американские самолеты не засекали. Только однажды советский летчик в своем докладе написал, что видел высоко над собой еще один самолет, и даже нарисовал его. Ему не поверили: «Таких самолетов не бывает». Техника совершенствовалась, и наконец службы ПВО стали замечать «невидимки», но сбить все равно не могли: снаряды зенитных орудий разрывались на высоте 14 км. Советская сторона делала резкие заявления в закрытых нотах. Американцы удивленно поднимали брови: это не мы, и самолеты не наши.

Первого мая, в последний день перед мораторием на полеты, погода наконец-то установилась. Для летчика Фрэнсиса Пауэрса этот полет был рядовым, хотя и тяжелым: ему предстояло повторить один из своих прежних полетов над СССР – 8 часов в воздухе с включением фотоаппаратуры в нужных точках, затем приземление в Норвегии.

Пролетев над Ташкентом, Сырдарьей и Аральским морем, Пауэрс повернул на север. Позади была почти половина пути. Все шло нормально.

«Неожиданно я услышал глухой взрыв и увидел оранжевое сияние. Самолет вдруг наклонился вперед носом, и показалось, что у него отломились крылья и хвостовое оперение. Господи, в меня попали!» – так Пауэрс впоследствии описал произошедшее.

Катапультой Пауэрс не стал пользоваться, потому что один из техников авиационного завода предупредил: под пилотским креслом вместо пиропатрона может быть заложена взрывчатка. Когда машина стала отвесно падать, Пауэрс сумел откинуть фонарь кабины, и его струей воздуха унесло в сторону. Спустя сорок лет российские газеты описывали это так: «Очки на шлемофоне покрылись инеем. Пауэрс потерял ориентацию и не имел ни малейшего представления, как быстро он падает и близко ли земля. Когда он собрался открыть парашют, тот раскрылся автоматически. Падение прекратилось, пилот завис в воздухе. Рядом пролетали

обломки самолета, падавшего на землю; внизу были лес, озеро, недалеко деревня; по дороге двигалась машина. Летчик предположил, что она направляется к месту падения, чтобы его задержать».

Это были жители одной из деревень Свердловской области. Они думали, что это космонавт, что случилась какая-то беда и нужна их помощь. Они даже представить себе не могли, что это иностранный шпион. Ему помогли погасить парашют и спросили, что случилось. Он ответил на английском языке и отрицательно покачал головой. Местный житель хотел узнать, сколько их человек, и потому показал сначала один палец, а потом два. Пауэрс показал один палец и ткнул себя в грудь. Летчика повезли в поселковый совет, откуда его забрали сотрудники КГБ.

Свердловск. Аэропорт Кольцово

А перед тем было вот что. Дежурные по эскадрилье истребителей Борис Айвазян и Сергей Сафронов прибыли в свердловский аэропорт. Самолеты заправили горючим.

Борис Айвазян вспоминает: «Быстрее наполнили баки истребителя Сергея. Как ведущий я пересел в его машину в готовности взлететь по приказу на перехват противника».

Около часа им пришлось ждать. На аэродроме оказался истребитель Су-9, который перегоняли с завода в часть. Он мог подниматься на высоту 20 км. Летчику, пилотирующему Су-9, дали задание таранить самолет-шпион. По сути, его послали на смерть, но он сказал: «К тарану готов. Единственная просьба – не забудьте семью и мать... Все будет сделано». К моменту, когда Су-9 догнал самолет Пауэрса, заработали ракетные и зенитные установки, и летчик получил новый приказ: уходить. Когда стало ясно, что U-2 вышел невредимым из зоны огня, у советского самолета, сбросившего топливо перед тараном, уже кончалось горючее, и он с трудом дотянул до Кольцово.

Командующий истребительной авиацией армии ПВО приказал поднять МиГи Айвазяна и Сафронова, однако не сообщил об этом на командный пункт, поэтому в зенитных частях не знали, что в воздухе есть советские истребители.

Там считали, что все самолеты и вертолеты СССР по команде «ковер» находятся на земле.

К этому моменту обстановка накалилась до предела: шел третий час, как офицеры и солдаты во всех зенитных ракетных, истребительных авиационных, радиотехнических частях и подразделениях СССР были подняты по тревоге. На Центральном командном пункте войск ПВО страны собрались все высшие чины. Телефонные звонки от министра обороны маршала Малиновского, из Кремля и лично от Никиты Хрущева следовали один за другим. Содержание их было примерно следующим: «Позор. Страна обеспечила ПВО всем необходимым, а вы дозвуковой самолет сбить не можете! Это нужно сделать любой ценой!» На что маршал ПВО якобы отвечал: «Если бы я мог стать ракетой, то сам полетел бы и сбил этого проклятого нарушителя!»

В U-2 уже попали, но об этом еще никто не знал. Даже сами зенитчики. Обломки падающего самолета приняли за продолжение полета, поэтому о том, что самолет-шпион сбит, на командный пункт сообщили только минут через тридцать.

Путь советских истребителей лежал через огневую зону другой военной части, у которой аппаратура опознавания самолетов «свой – чужой» была неисправна. По ним открыли огонь.

Борис Айвазян: «Во время учебных полетов я месяцев шесть выполнял роль цели, меня перехватывали товарищи по полку. Чаще просили подольше подержаться на высоте. Садиться порой приходилось почти с пустыми баками, все время увеличивая угол падения, почти падая. В тот раз я так и решил приземлиться, применив наработанный прием. «Захватить» меня ракетчикам, видимо, было трудно, резкое пикирование есть резкое пикирование, своего рода противоракетный маневр...»

Тем временем в поселке Дегтярка Свердловской области шла праздничная демонстрация. Люди видели, что к летящему самолету словно тянется огненное полено. Думали, что это какое-то праздничное представление. Вдруг из самолета пошел дым, а сам он стал заваливаться в сторону леса. Все демонстранты начали кричать летчику: «Прыгай!»

Наверное, Сергей Сафронов хотел катапультироваться: кнопка фонаря была нажата, а вот вторую кнопку он нажать не успел. Катапульта сработала уже при ударе о землю – его подбросило на двадцать метров вверх.

Все побежали к месту, где он упал. Стали проверять у летчика пульс, нашли документы... Через 15 минут прилетел вертолет, жителей разогнали, а место падения самолета оцепили. Летчика увезли.

Борис Айвазян: «Сразу после полета ко мне подошел незнакомый подполковник и дал дельный совет по свежим следам описать все как было. Мне это пригодилось, когда прибыла комиссия, возглавляемая генералом Павлом Кулешовым. И меня стали тягать из одного генеральского кабинета в другой. И каждый требовал письменно изложить, как протекал полет. Но в конце концов обошлось. Когда в газетах был опубликован Указ о награждении отличившихся при пресечении полета U-2, ко мне подошел командир полка и сказал: «Что ж, Сереже награда – орден, а тебе – жизнь...».

Москва. Кремль Вашингтон. Белый дом

Живой американский летчик с полным набором шпионского оборудования: пистолет с глушителем, яд, пачки денег и т. п. – был настоящим подарком для руководства СССР. Помогла в этом и администрация США, которая через 5 дней после инцидента, думая, что пилот погиб, а самолет уничтожен, обвинила советскую сторону в агрессии против мирного заблудившегося самолета, который выполнял научные метеорологические исследования.

Теперь Хрущев мог делать с ними все что хотел. И он отыграл эту карту на все 100%: «Где же ваше слово, господин Эйзенхауэр?! Где же ваша элементарная честность?! Мы не можем верить господам империалистам, у них нет ни чести, ни совести! Если летчики-шпионы вновь появятся над нашей страной, то их ждет судьба Пауэрса. <...> Самолеты американцев мы переплавим в наших домах, их металл должен служить не делу войны и убийства, а делу мира...»

Хрущев требовал извинений от президента США, а советская сторона покидала зал заседаний конференции по разоружению. У СССР теперь было моральное преимущество.

Для американской стороны это был провал гораздо более серьезный, чем для советской стороны арест разведчика Рудольфа Абея в 1957 году. Был суд, который изболел его и который, как писал адвокат, «стал редким по драматизму психологическим и интеллектуальным поединком». Две системы тогда отчаянно боролись за то, какая из них будет империей добра, а какая – зла.

И вот ход СССР. Шпионское оборудование выставили на всеобщее обозрение в Центральном парке культуры и отдыха. Суд над Пауэрсом проходил в Колонном зале Дома Советов. Сверкают хрустальные люстры, алеют красные дорожки. Полный зал строгих советских людей. Американский летчик встает и говорит: «Я виновен. Но я всего лишь военный летчик и выполнял задание».

Все ждали, что его расстреляют, а ему дали 10 лет.

Он был героем репортажей на первых полосах всех ведущих газет мира, но так и не стал национальным героем Америки. Пауэрс просидел полтора года во Владимирской тюрьме для особо важных политических узников, потом его обменяли на Абея. Пауэрсу пришлось оставить военную службу из-за обвинения в трусости: по инструкции он обязан был покончить с собой, приняв яд, чтобы не попасть в плен.

После этого шпионского инцидента мир стал другим. «Авторитет США рухнул», – писали советские газеты. Это было похоже на правду. Глава ЦРУ Аллен Даллес был вынужден подать в отставку, а на смену республиканцам к власти в США пришли демократы.

Но и для Хрущева эта ситуация оказалась трагедией: она похоронила его концепцию «мирного сосуществования» с Западом, в рамках которой была значительно сокращена Советская Армия. Сразу же после этих событий в СССР усилилось глушение «голосов», в Германии была построена Берлинская стена, и все силы Страны Советов были брошены на то, чтобы догнать и перегнать Америку в вооружении.

Через год самолеты-шпионы уже были не нужны. Началась космическая эра.

Пермь – Москва

Сергея Сафронова похоронили 5 мая в закрытом гробу, хотя летчик был цел. Анна сказала: «Не надо. Обычай общий для всех». От разбившихся летчиков обычно мало что остается, и потому их хоронят в закрытых гробах.

Место для могилы на старинном Егошихинском кладбище дали там, где давно никого не хоронили: на главной аллее, рядом с Успенской церковью. Только по этому признаку и можно понять, что это не простая смерть и не простой человек. Скромный обелиск с красной звездой стоит на освященной земле. Ведь так положено по-христиански: кто за Родину кровь пролил, тот будет вечно в раю.

В Свердловск на церемонию награждения Анну не пригласили: орденскую книжку прислали по почте. Анна потом отдала ее в Музей Вооруженных сил. Сам орден ей так и не отдали. Где он – непонятно. Куда она только не писала, чтобы его получить, – была бы хоть сыну память об отце... И до сих пор пишет. Но все безрезультатно.

Первого мая у всех праздник, всем весело, а Анна уйдет в ванную, включит стиральную машину и плачет...

Через 8 лет после трагедии Анна вышла замуж за Бориса Айвазяна.

Сердце – глубокий колодец. Попробуйте на вкус, как слезы солонны.

Появилась легенда, что они поженились потому, что так принято у полярных летчиков: если один из них погибает, то второй, если он холостой, должен жениться на его вдове. Нельзя женщину оставлять без помощи. Но в данном случае все было не так.

Тридцатилетняя вдова осталась жить в Перми. Никаких льгот она не получила, а пенсию по потере кормильца назначили такую же, как всем. В сентябре им с сыном дали квартиру в новом доме на Комсомольском проспекте. Но потом Компросом стали называть ту часть, что упиралась в завод имени Сталина, а их улицу переименовали в Героев Хасана.

Анна закончила пединститут. Через несколько лет стала просить гороно направить ее на учебу в Москву, чтобы

получить специальность логопеда. Потребность в логопедах была, а специалистов не хватало. Но горону отказало. Она снова стала просить, ей снова отказали. Тогда Анна поехала в Москву на прием к композитору Кабалевскому, который в то время был избран депутатом Верховного Совета от Пермской области. И Кабалевский помог. Так Анна оказалась в Москве. Из знакомых там был только Борис Айвазян, который к тому времени уже развелся с женой. У него была пустая квартира, где он и предложил пожить Анне, чтобы она не мучилась в общежитии.

А потом они поженились. Сыну Анны Васильевны было двенадцать лет, а сыну Бориса Айвазяна – одиннадцать. Много было непросто, но все можно исправить любовью и терпением. А потом Анна Васильевна родила девочку.

Сейчас Сергей Айвазян – администратор компьютерной сети, сын Анны Васильевны Александр Сафронов – инженер по видеотехнике, дочь Катя окончила МГУ с красным дипломом.

Борис Айвазян преподавал в торговом институте, защитил диссертацию и увлекся программированием. Сначала это было хобби, а потом его программы стали пользоваться большим спросом. Крупные московские супермаркеты работают по программам Айвазяна. В июне 2001 года он неожиданно умер.

Вот уже более сорока лет Анна Васильевна в начале мая ездит в Пермь. Собираются «гарнизонные»: летчики, жены, вдовы... Встречаются возле места, где похоронен Сергей Сафронов. Здесь же работники завода имени Калинина, сейчас называемого АО «Инкар». Никто их об этом не просил, но уже много лет по своей инициативе они ухаживают за могилой летчика Сафронова.

Потом «гарнизонные» идут к аллее, где похоронены другие погибшие летчики. И там, где могилы Колукова, Костенко, Глазкова и Скворцова, поминают всех.

Над ними вечное небо, которое равнодушно смотрит на все. На то, что Пауэрс погиб в 1977 году, пилотируя вертолет, принадлежавший телекомпании: оператор снимал лесной пожар, в баках самолета кончилось горючее. На то, что компания Pratt&Whitney, чьи двигатели стояли на самолете

Пауэрса и других американских самолетах-разведчиках, стала совладельцем пермского завода, чьи двигатели устанавливались на советских истребителях. На то, что зенитный комплекс С-75, который подбил самолеты и Пауэрса, и Сафронова, стоит совсем рядом с Егошихинским кладбищем – в музее АО «Мотовилихинские заводы». На то, что «холодная война» давно закончилась. Ее ветераны сейчас – будто космонавты, которых направили спасти планету Земля от летящего астероида. Одни погибли, а другие готовы были отдать жизнь, чтобы Армагеддон не случился. И вот они вернулись, а здесь уже другая жизнь. Их хлопают по плечу и говорят: спасибо, парни, мы бы и без вас обошлись.

Кроме вечного неба, есть еще изменчивое время: оно так все выкручивает и заворачивает, что диву даешься.

10. Заводской генерал

В одной из комнат общежития авиационного техникума города Молотова жили-были три парня.

Прошли годы. Парень из деревни Мазунино Кунгурского района стал всесильным первым секретарем обкома КПСС. В городе его за глаза называли Царь Борис.

Другой парень, тоже из деревни в Кунгурском районе, стал летчиком-истребителем и дважды Героем Советского Союза. Григория Сивкова называли Хозяином неба.

Третьего, легендарного Бориса Изгагина, генерального директора завода имени Свердлова с 1973 по 1986 год, за глаза называли Локомотивом, Паровозом, а также Лесорубом. А сотрудник отдела кадров «Пермских моторов», готовивший для редакции газеты «Новый компаньон» справку о Борисе Георгиевиче, перечислив его заслуги и регалии (Герой Социалистического Труда, лауреат Госпремии и т. д., и т. д.), в конце написал: «Коротко: Изгагин – хороший мужик».

Он проработал на заводе более 60 лет. Даже тогда, когда ему было за восемьдесят, Изгагин приходил четыре раза в неделю на работу и, как он говорил, получал от этого удовольствие.

Сначала Борис Георгиевич был рядовым технологом завода имени Сталина в городе Молотове. Дальше – по ступенькам все выше и выше: работал старшим технологом, заместителем начальника сборочного цеха, начальником цеха, заместителем главного инженера, заместителем генерального директора – руководителем второго производства – и, наконец, директором. Назначение Изгагина прошло по заведенной в те годы партийной традиции: его кандидатуру утвердили в партийных органах и в Москве.

Когда ему предложили возглавить завод, он поначалу отказался. Так было заведено по неписаной традиции тех лет. «Тогда министр (авиационной промышленности Деметьев. – С.Ф.) дипломатично поинтересовался: «Скажи, ты был в отпуске? Нет? Тогда поезжай на юг, отдохни, а по возвращении зайдешь ко мне»». Когда Борис Георгиевич вернулся, приказ о его назначении был уже готов.

Биографию Изгагина можно было бы назвать гладкой, если не знать, какие бури бушевали на каждом карьерном уровне огромного завода, где на первом месте стояла идеология, а потом уже технология, и где за все – коллективная ответственность. Для того чтобы пройти путь от рядового работника до генерального директора на заводе, где работают 45 000 человек, нужны незаурядные качества. Они у Бориса Изгагина были.

В первую очередь, он обладал мощной внутренней силой, которой подчинялись не только люди, но, казалось, даже бездушные железки.

В нем была огромная уверенность в своем заводе, его делах и людях. Однажды в Саратове, когда летчики засомневались в новом вертолетном редукторе, произведенном пермяками, он сам сел в испытательный вертолет. «Полетели, – говорит, – я своим редукторам полностью доверяю. Чтобы они меня подвели? Да никогда!»

При нем завод пережил свой взлет: на 1979 – 1980 годы приходится пик производства. Пермские моторостроители гремели на весь мир, потому что самолеты с их двигателями летали практически по всему миру, а ракеты обеспечивали глобальный военный паритет.

В справке отдела кадров о Борисе Изгагине сказано: «Человеческое отношение к людям снискало ему большой авторитет и уважение... Рабочие по производственным вопросам принимались немедленно». Люди помнят об этом?

На пенсию ушел сам, что не характерно для большинства «старых» директоров заводов, которые отчаянно цеплялись за власть. Болел. Перенес тяжелую операцию. Выздоровел. «Мне, – считает, – повезло». Опять вернулся на завод и еще шесть лет работал.

Рассказывают, когда начальник эксплуатационного цеха узнал, что у него будет работать Борис Георгиевич, он перепугался: «Там же экзамены нужно специальные сдавать. Как их будет сдавать генеральный директор, даже и бывший?» Но Изгагин сказал: «Надо – значит надо». Подготовился и сдал экзамены. А потом, когда приближался его юбилей, работники цеха по эксплуатации настояли, чтобы чествовать юбиляра начали у них: «Это же наш работник».

Во времена Изгагина завод строил 25 – 30 тыс. кв. м жилья в год. Это 600 – 650 квартир, которые распределялись не только среди работников завода, какая-то часть шла бюджетникам – учителям и врачам. При непосредственном участии Изгагина был построен заводской профилакторий, плавательный бассейн (ныне «БМ»), больничный городок на Городских Горках, стадион имени Ленинского комсомола (ныне «Звезда») и др. Было свое подсобное хозяйство, да такое, что три месяца завод мог прожить, что называется, на полном самообеспечении. Изгагин был инициатором создания детской санаторной сети и строительства корпуса в Усть-Качке. Кроме того, строились детские сады, школы, пристрой к техникуму и еще много чего. Говорят, особенное внимание он уделял всему, что связано с молодежью. В юности Борис Георгиевич был беден и однажды даже обратился к начальнику цеха за ссудой, чтобы купить костюм. Ссуду дали, и костюм он купил. А потом, когда получил власть, если у него была хотя бы малейшая возможность помочь людям, он это делал.

Он очень ценил людей, которые умели работать. И хорошо знал этих людей: в бытность директором лично обходил все цеха. Когда токарю Александру Павликову не хотели присваивать звание Героя Социалистического Труда, потому что он был беспартийным, Изгагин сказал: «В коммунисты мы его примем, а наградить его нужно обязательно – никто так не работает, как он». Кроме того, Изгагин всегда с огромным уважением относился к людям, занимавшим «клятые», как он говорил, должности начальника цеха и старшего мастера, говорил, что именно они – костяк завода.

В День Победы неизменно провозглашал тост за женщин: «Если бы не женщины, мы бы эту войну не выиграли».

Изгагин ходил на все важные городские и заводские мероприятия – от собрания акционеров и первомайской демонстрации до открытия настенного панно в заводоуправлении и эстафеты на призы газеты «Звезда». Он сам когда-то бегал за заводскую команду.

Изгагина часто просят выступить. Иногда он выступает резко. «Мальчишки, сопляки», – ревел он с трибуны годового собрания акционеров в середине 90-х в адрес спекулянтов,

купивших акции «Пермских моторов» с целью выгодно их продать. Те даже пошли красными пятнами.

А еще Борис Изгагин, будучи в начале 90-х годов председателем совета ветеранов, настоял на том, чтобы за счет предприятия была организована служба патронажных сестер, которые развозили бы горячие обеды ветеранам, отдавшим все свое здоровье производству и оставшимся без попечения.

Спросишь его о работе – он подробно, как в официальном пресс-релизе, расскажет, в каком году какой двигатель был выпущен Пермским моторостроительным заводом, с цифро-буквенными обозначениями и основными характеристиками. Но ни слова о производстве № 2, которое он долгое время возглавлял. Ни слова о том, за что получил звание Героя Социалистического Труда и Государственную премию. Он все еще хранит секреты того, молотовского, времени.

Молотов-Пермь – колыбель отечественного ракетостроения, как военного, так и космического. Понятно, что ракеты производили не только здесь, но и здесь тоже.

В частности, Пермский моторостроительный завод и Борис Изгагин лично имеют прямое отношение к ракете УР-500. Даже в протоколе заводского партхозактива, на котором стоит гриф «Секретно», это изделие называли только «объект 43». Первоначально это была боевая ракета с мощным ядерным зарядом. В то время, в начале 1960-х, это было самое грозное оружие в мире. Оно создавалось как средство возмездия. Впоследствии на основе «объекта 43» была создана космическая ракета-носитель, которая стала составной частью комплекса для пилотируемого облета Луны. Сейчас эта ракета, известная под именем «Протон», – единственный отечественный космический носитель тяжелого класса, один из самых надежных в мире.

Еще одна боевая ракета, производство которой курировал Изгагин, называется УР-100Н. Достаточно сказать, что в странах НАТО она имела обозначение SS-19 Stiletto, что в переводе означает «стилет». Оцените концепцию: «Есть необходимость иметь на боевом дежурстве большое количество относительно дешевых в изготовлении и простых

в эксплуатации ракет среднего класса УР-100Н. Главный мотив – количество через дешевизну, которая обеспечивается простотой конструкций ракеты и пусковой установки. Эффективность такого подхода объясняется тем, что в этом случае вероятный противник при нанесении опережающего удара не сможет подавить многочисленные пусковые установки, а при ответном массированном ударе противоракетная оборона противника не справится с обрушившимися на нее многочисленными боеголовками».

11. Незаменимый человек

Человека с инициалами Д.С. знают все. Спросите любого пермского авиастроителя, кто такой Кацнельсон, и вам ответят: «О! Давид Соломонович! Это такой человек!» – и непременно расскажут какую-нибудь историю. На заводе он отработал пятьдесят лет, из них тридцать был помощником и заместителем семи директоров: Кожевникова, Солдатова, Рюмина, Смирнова, Субботина, Изгагина, Черкашина. Он не был важнее их просто потому, что никто не может быть на заводе важнее директора, но Д.С. был незаменим.

Его профессия сейчас относится к разряду исчезнувших, как, например, работа водоноса или углежога. Вернее, сейчас она стала значительно проще и не требует харизмы и интеллектуальных усилий, как раньше. А раньше... По сути, он был и. о. заводского ангела, обеспечивая нужды производства в условиях замысловатого и изощренного социалистического рынка.

Названия его должностей менялись, но суть оставалась неизменной: снабжение. Кто не знает, это одно из ключевых направлений на предприятии, которое имеет более полутора тысяч поставщиков. Если хотя бы один из них задержит отгрузку хотя бы на день, сроки изготовления двигателя окажутся под угрозой. На заводе имени Сталина – Свердлова, который выполнял важные задания партии и правительства, «голова отворачивали» даже за невыполнение месячного плана. По вине Д.С. такого не случилось ни разу.

Он был «королем снабжения». Считалось, он мог все. Рассказывают, что требования документов, где стояла подпись Д.С., исполнялись немедленно на всех предприятиях авиапрома СССР. В особо безнадежных ситуациях этим пользовались другие снабженцы: они ставили волшебные инициалы на свои запросы, и все получалось.

В своей жизни Д.С., похоже, пришлось заниматься всем – от покупки мороженого флягами на станции во время остановки поезда до написания представлений на звание Героя Социалистического Труда и отчетов маршалу Устинову. От

обеспечения быта футболистов заводской команды «Звезда», вышедшей в первую лигу, до приема космонавтов Беляева и Леонова.

На снабженцев в СССР нигде не учили, хотя они выполняли очень важную функцию: сейчас мы бы сказали, что они обеспечивали ликвидность советской экономики, были ее маркет-мейкерами. Сейчас тоже нигде не учат на трейдеров, но по трейдингу полно литературы, а вот по снабжению... Не считать же таковой учебники по политэкономии социализма!

Снабженцы были особой кастой, передающей друг другу тайные знания из уст в уста. Только один пример из тысячи: они знали, как сделать так, чтобы в любое время дня и ночи для заводчан, приезжающих в Москву, были обеспечены номера в гостинице «Пекин».

О гостиница «Пекин»! Сколько в заводском фольклоре о ней историй! Это была чуть ли не официальная резиденция завода имени Свердлова в Москве, хотя предприятию она, разумеется, не принадлежала. Как-то регистраторша гостиницы даже спросила: «Извините, у вас что, в Перми всего одна улица?» – «Почему?» – «Да все, кто из Перми приезжает, живут на Комсомольском проспекте». Просто почти все дома на Компросе были построены заводом, а значит, и заселены его работниками.

Нет, места в гостинице обеспечивались не взятками. Фи! Это примитивно, к тому же за это можно было получить срок. Чем же? Сейчас это знание утеряно. Оно не нужно, если есть деньги.

Д.С. никогда не мечтал стать снабженцем, скорее, ему светила карьера ученого. После окончания аспирантуры, где его научным руководителем был знаменитый академик-металлофизик с мировым именем Курдюмов, Д.С. забрали на Днепропетровский приборный завод. Считалось, что это не очень хорошо. Чуть ли не единственный из всех аспирантов, он попал на производство, потому что хотел остаться в Днепропетровске вместе с женой. Шла весна 1941 года. Все аспиранты в самом начале войны будут направлены на фронт, многие погибнут. А Д.С. пошлют в Молотов встречать эшелоны эвакуированного завода.

Д.С. хорошо помнит молотовский завод имени Сталина образца 41-го года, когда завод весь был уставлен двигателями так, что ступить было некуда.

Д.С. пришла повестка на фронт. Он прошел медкомиссию, собрал вещи и попрощался с семьей. Зашел на завод сдать дела начальнику ОТК Константину Анисимову. Когда тот узнал, что Д.С. посылают на фронт, то стал звонить тогдашнему директору завода Кожевникову. Д.С. нечем было заменить. Когда он наутро пришел в военкомат, у него отобрали повестку и приказали идти работать.

Вскоре Кожевникова с поста сняли, и Д.С. говорит, что неизвестно, куда он девался: очень тихо все прошло, он ни с кем даже не попрощался. Директором назначили Анатолия Григорьевича Солдатова, который поменял весь управленческий аппарат. Создал то, что сейчас называется «командой». Вскоре исправили технологический дефект в моторах. Все двигатели перебрали и отправили на фронт.

Как в годы войны было со снабжением, объяснять не нужно. Но один из эпизодов Д.С. до сих пор вспоминает с содроганием.

Каждый вечер директор завода Солдатов докладывал министру о том, сколько двигателей за рабочий день сделано. Обычно 30 – 35, но иногда и 50. Резинотехнические изделия для двигателей изготавливались в Свердловске и нужны были каждый день в больших количествах. Д.С. до сих пор помнит даже их индексы: 100-259 и 100-134. Однажды эти изделия отправили из Свердловска в Молотов проходящим поездом. Но когда поезд остановился в Молотове, оказалось, что «резины» нет: проводник сказал, что ему никто ничего не передавал. Поезд ушел. По легенде, узнав об этом, приветливый, интеллигентный, улыбчивый, добрейший Д.С. бросился кого-то душить. Стали звонить в Свердловск – там клялись, что изделия отправлены. Взяли машину, бросились в погоню за поездом. Параллельно снарядили самолет У-2. Машина догнала состав быстрее. Остановили поезд. Оказалось, проводник был пьян и ничего не помнил. «Резину» нашли, и к началу сборки все было в порядке. А иначе... В войну последствия могли быть самыми чудовищными.

Да и после тоже. Любая мелочь могла стоить свободы. Д.С. вспоминает, как на заводе проходил митинг по случаю смерти Сталина. На заводскую площадь приехали важные партийные боссы. И прямо во время выступления один за другим сгорели два трансформатора. Главного энергетика – куда следует, потому что это называлось диверсией. Только Солдатов и смог его вызволить.

В годы войны заводские снабженцы на самолете летали так же часто, как сейчас ездят на машине. Это было быстрее и удобнее, чем другими видами транспорта, хотя и гораздо опаснее. По словам Д.С., лучше всего садиться на замерзший пруд, но однажды самолет чуть не провалился под лед. Лучше всего летать днем, но, бывало, садились и ночью, при свете костров. Где только не приземлялись: и в ста метрах от заводууправления, и на полях незнакомых деревень, когда непогода мешала долететь до места назначения. Каждый полет мог стать последним. Д.С. везло. Ему всю жизнь везло. С женой, с работой и даже со временем.

Д.С. говорит: «Я раньше мечтал, что надо было бы мне по-позже родиться, чтобы жизнь полегче была. А сейчас смотрю и думаю, что все нормально: и так хорошо все было, честно».

Жена, Софья Михайловна, ходила к проходным завода встречать Д.С. после работы. А теперь представьте: старый Компрос, Д.С. и Софья Михайловна идут под ручку, и все с ними почтительно здороваются. Компрос изменился: давно уже не пасутся коровы возле заводууправления, появились и исчезли вокруг газонов чугунные оградки, снесли пятиметровый железобетонный памятник Сталину у проходных, пересохла фонтаны у Дворца культуры, а Д.С. с женой гуляют по этой улице под ручку, как и десять, и двадцать, и тридцать, и даже шестьдесят лет назад. Сейчас, правда, Софья Михайловна почти не выходит из дома – все-таки возраст, а Д.С. выходит. «Убежал по магазинам», – сказала о нем как-то Софья Михайловна. Ему было 89 лет.

О себе Д.С. не любит говорить, а вот о других – с удовольствием. Ему есть что рассказать: великого конструктора Павла Соловьева он помнит еще молодым перспективным инженером, а Михаил Субботин, Борис Изгагин, Эдуард Черкашин, Владимир Киндеркнехт, директора завода разных лет,

были начальниками цехов, когда Д.С. уже стал заместителем директора. Они двигались по служебной лестнице, а он десятилетиями работал на одном месте, внося свой вклад в величие завода.

«Раньше, – говорит Д.С., – пермский завод пользовался большим авторитетом, потому что знали, что мы с любым заданием можем справиться. И в министерстве, и в главке к нам очень хорошо относились. Но и мы не подводили».

Самым сильным директором Д.С. считает Солдатову.

Солдатов к Д.С. относился хорошо, но был чрезвычайно требователен, потому что от Д.С. многое зависело. Солдатов на всех кричал, кроме рабочих. Д.С. говорит, что в войну все очень ругались.

«А вот вы, говорят, не ругались». – «Нет, – Д.С. сильно смущается, – я тоже ругался».

Юрий Плаксин вспоминает: «Солдатов ко всем обращался на «ты». Виновников срыва суточного графика или не выполнивших его указания он так «разносил», не считаясь с их заслугами и возрастом, что иногда виновника увозили с оперативного совещания на «скорой помощи». <...> Я помню единственный случай, когда один вспыльчивый и нервный начальник цеха не выдержал оскорблений и послал Солдатову к той же матери. Директор вызвал двух вахтеров и велел держать этого начальника в караульном помещении до получения приказа об увольнении с завода и снятия брони от призыва в армию. Военкомат немедленно направил провинившегося на фронт. Вскоре он погиб».

Однако есть и другие примеры – как Солдатов берег людей. Такой случай. На завод поставили 200 тонн импортного проката, который нельзя было пустить в производство без длительных испытаний. Металл лежал, занимая место. Когда МВД решило его забрать, на заводе даже обрадовались: берите, пожалуйста. А через какое-то время проверка из Госснаба. Вскрылся этот факт, и еще один: завод заказывал швейной фабрике изготовление производственной мебели. Название фабрики было одно, а делала она другое. «Ага», – сказали проверяющие и решили, что здесь какая-то афера. Дело дошло до Москвы. Хотели отдать Д.С. под суд. Но Солдатов взял все на себя: «Я за все отвечаю».

«А ведь тогда, – говорит Д.С., – могли и его, и меня засудить. Время было такое. А потом иди доказывай. Ничего не докажешь».

К слову сказать, больше у опытного, «битого» Д.С. не было ни одного дела, связанного со следователем или прокуратурой.

И еще один раз Солдатов спас Д.С. Дело было в 1952 – 53 годах, в разгар кампании антисемитизма. Д.С. собирались уволить. Солдатов не дал. «Да вы что, – говорит, – с ума, что ли, сошли?»

Но и Д.С., можно сказать, спасал Солдатова. Не раз хотели этого директора снять. После того как Дворец культуры был построен за счет оборотных средств предприятия, решение о снятии Солдатова с должности уже было готово. Но Д.С. с другими замами создали фотоальбом о том, как идет эта грандиозная стройка, и отослали Маленкову. Тот отменил решение.

Когда открывали Дворец, Солдатов сказал: «Вот и дожили мы до богатства». Весь Молотов тогда состоял из барачков, не было ни одной асфальтированной улицы. Солдатов понимал, что людям, пережившим войну, нужно вещественное подтверждение победы. Им стал Дворец.

Там были дубовые рамы, наборный паркет. Люстру везли откуда-то издалека. Стулья делали краснодеревщики. Бархатные кулисы. Лепнина. Картины.

А кругом чудовищная бедность, уровень которой можно оценить хотя бы по тому, что в то время воровали: в городской бане Краснокамска – 80 штук простыней; в детском комбинате – 50 кусков мыла; в суде – шторы, электросчетчик и красную скатерть со стола.

Многое в городе построено силами и нервами Солдатова: чуть ли не весь Комсомольский проспект, театр оперы и балета, корпуса в Усть-Качке... Он считал, что нет невозможных вещей, есть трудные. Д.С. тоже так считает и жалеет, что нет в городе памятника Солдатову. Ну и что, что человек он был очень неоднозначный. Во время его директорства до того дошло, что созвали партийную конференцию по его персональному делу. «Товарищ Солдатов, – говорили докладчики, – превратился из волевого, энергичного советского директора, каким он был и может быть, в своего

рода диктатора». Вскоре Солдатов переведут – он возглавит Пермский совнархоз. В 1960 году газета «Советская Россия» выйдет со статьей: «Совнархоз – это я! О недостатках в работе председателя Пермского совнархоза т. Солдатова». В 1961 году эту тему, уже после снятия Солдатова, поддержит местная газета «Звезда»: «Критика суровая, но справедливая!» Солдатов опять переведут, на этот раз в сельскохозяйственную Вологодскую область, а оттуда в Москву. Там он еще раз отличится: реконструирует и расширит завод «Знамя». Затем Солдатов обидно вытеснят на пенсию, воспользовавшись тем, что он перенес инфаркт.

Директора Александра Смирнова и Д.С. связывала дружба. Но там была печальная история: по неизвестной причине разбился самолет Ли-2 с пермскими двигателями. В числе других пассажиров в нем находились иностранцы. Причины катастрофы обсуждали в ЦК партии. Нужно было принимать меры и наказывать виновных. Смирнова сняли и отправили на завод в Рыбинск, который тогда считался значительно более слабым, чем пермский. А директора Рыбинского завода Михаила Субботина направили в Пермь, на завод, где он еще мастером начинал.

Больше всего Д.С. любит рассказывать о Субботине, который был, по его словам, и грибник, и охотник, и просто хороший человек. И всего себя отдавал работе. С Субботинскими они дружили семьями.

При Субботине начали осваивать производство двигателей для ракет. Заводу давали все, что было нужно и даже больше. И задание было выполнено. Ракеты полетели в космос, а что это для СССР и мира значило, все знают. А в Перми даже улицы имени Субботина нет. На заводе очень из-за этого обижаются: нам что, говорят, Клара Цеткин моторы делала? (Улица ее имени находится в поселке, где проживают моторостроители. – С.Ф.)

Именем Давида Кацнельсона улицу тоже не назовут. Он и в советское время далек был от высокого официального признания: не Герой Социалистического Труда, не лауреат Государственных премий, не кавалер ордена Ленина. Хотя другие награды у него, конечно, есть, в том числе три ордена. Он был «этой силы частицей», живой легендой.

12. Зубр

50 – 80-е годы – время хозяйственников: крепких мужиков, которые работали по шестнадцать часов в сутки без выходных и праздников. Крупные капиталисты по ту сторону океана и советские партработники тех лет очень похожи: они были одержимы своей работой. Они создавали корпорации или базис социализма: предприятия, производящие средства производства. В конце 80-х – 90-е годы ушлые люди учеными выкладками и ласковыми разговорами убедили старых советских «зубров» вступить на шаткую почву финансовых рынков. Это изменило всё: два мира стали смешиваться, стремительно приходя к одному знаменателю. А «зубры», передав или потеряв контрольные пакеты акций корпораций и стран, ушли на пенсию. Они пишут мемуары, курят и думают о смысле жизни, глядя в окно на Тихий океан, или на Тверскую, или на Елисейские поля, или на тихую улицу Швецова в Перми.

Делегат восьми съездов КПСС, депутат Верховного Совета СССР семи созывов, член ЦК КПСС, первый секретарь Пермского обкома КПСС с 1972 по 1988 год Борис Коноплев живет в бывшем обкомовском доме. Подъезд типичен для «панельки». Два отличия: никаких росписей по стенам и комнатные цветы на окнах всех пяти этажей. «Как у вас в подъезде чисто», – говорю. «За порядком следи-и-им», – отвечает Борис Коноплев. В свое время он отказался переезжать в новый обкомовский дом, построенный рядом, где квартиры шикарнее. Из квартиры, от которой он отказался, сделали гостиницу, которую потом вместе с мебелью приватизировал Евгений Чернышев, возглавивший Пермский обком после Коноплева.

В квартире Бориса Коноплева, можно сказать, пусто. Только книг много, целая стена: Цветаева, Гумилев, «Пермская деревянная скульптура», «Художник Шилов», подписанные издания. К предметам роскоши можно отнести разве что велотренажер да портрет в технике «финифть» на стене. На портрете какой-то член политбюро. Приглядевшись, можно

узнать хозяина. Так и живут бывшие партбоссы, о жизни которых нет практически никакой информации – они закрыты так же, как китайские вельможи.

Раньше о руководителях такого ранга писать можно было скромно и немного. Такой был принцип. Прямо как о заводах. Вернее, о предприятиях писать нельзя было вообще ничего – секретность. Из пермских предприятий несекретным был разве что паровозоремонтный завод имени Шпагина.

Детство Бориса Коноплева прошло в деревне. Отец работал в Мазунино продавцом в сельпо. Это тогда была выборная должность. Вот его и выбрали. В магазине, где отец работал, продавали керосин, а с другими товарами было плохо. А напротив был частный магазин. НЭП еще не отменили. Вот придет Борис к отцу, поможет, подметет там... Он даст ему денег: 3 или 5 копеек. Тот отправляется с ними в частный магазин. Продавец спрашивает: «Сколько у тебя денег?» – «Три копейки». Продавец подведет к мешку с конфетами и скажет: «Насыпай сколько в карманы влезет». А если 5 копеек, то к другому мешку подводит, где конфеты подороже.

Отец допустил в счетах какую-то ошибку, и его посадили. Через три-четыре месяца ошибку обнаружили, и отца выпустили. Семья уехала в Мулянку. Шел 1932 год.

В мулянской школе даже математику не преподавали. Борис решил ехать в Молотов, поступать в речное училище. Казалось, что самое интересное – быть капитаном парохода. Случайно в поезде разговорился с человеком средних лет. Он сказал: пойдем со мной сначала, авиатехникум посмотришь. Ну и кончилось тем, что Борис Коноплев подал документы в авиационный техникум.

В комнате, где жили абитуриенты, кровати Коноплева и Изгагина стояли рядом. Изгагину было легко, он все экзамены сдал на пятерки и не сомневался, что поступит. Коноплев переживал: по математике получил двойку. А его все равно приняли. Правда, стипендию не дали. Из дома помощи не было: там четыре брата младших и сестра. Кроме картошки, ничего. Когда совсем невозможно стало жить, он пошел в ремесленное училище при моторостроительном заводе узнавать, можно ли туда перевестись. Там обеспечивали и обмундированием, и стипендией, и питание было. И практику

они проходили – значит, подзаработать можно было. Борис отправился за документами. Завуч Алексей Иванович Бобровников (потом он стал директором Очерского завода) расспросил его, в чем дело. Коноплев объяснил. «Ты обедал сегодня?» – спросил завуч. – «Нет». Бобровников достал из портмоне рубль: «Сходи сначала пообедай, потом поговорим».

Пообедал, настроение изменилось. Завуч пообещал Коноплеву стипендию, и тот остался. Действительно, через несколько дней этот вопрос решился. «Если бы не Бобровников, и путь бы у меня был бы другой», – говорит Коноплев.

После окончания техникума Изгагин по распределению попал на завод Сталина, Коноплев – на строящийся тогда завод Калинина (АО «Инкар». – С.Ф.). Первым его начальником стал Владимир Яковлевич Далингер. До войны Далингер был техническим директором завода имени Дзержинского. Его и еще пятерых директоров нарком промышленности С. Орджоникидзе наградил в свое время автомобилями. В конце 30-х Далингер полтора года пробыл в заключении. Затем стал главным контролером завода имени Калинина, в 1942-м – директором завода имени Дзержинского, а потом заместителем министра боеприпасов.

Однажды Коноплев остановил работу цеха. Сказал: «Наведите порядок». Начальник цеха в ответ произнес два русских слова и пошел к Далингеру: «Уйми пацана». Далингер поддержал Коноплева и сказал ему: «Иди в цех и расскажи, как надо делать». Коноплев вернулся в цех растерянный и беспомощный: умения объяснить, что именно нужно делать, у него еще не было. Сказал только: «Пусть работают дальше».

«И на всю жизнь я этот случай запомнил: не разбираешься – не командуй», – говорит Коноплев.

В 1942 году произошла первая встреча с Гусаровым. Два часа ночи. Коноплев только что приехал домой. Звонят – в цехе случился пожар. На дежурной машине он мчится на завод. Оказалось, ничего страшного. Заходит в свой кабинет, там директор завода, какие-то люди, а за его столом сидит человек в гимнастерке и говорит: «Ну что, начальник цеха спит, а члены бюро обкома пожар тушат».

Это был Гусаров. Ночью шло заседание бюро обкома, и тут сообщили о пожаре. Гусаров знал, насколько серьезными

могут быть последствия пожара в литейном цехе, и вместе с членами бюро поехал на завод.

Вторая встреча была уже более приятной: в 1943 году Гусаров награждал Коноплева Почетной грамотой.

Вскоре Коноплев перешел на партийную работу. Его послали парторгом на строительство Камской ГЭС.

Там работало около 20 000 человек. В то время это было самое крупное строительство в стране. На нем работало много заключенных. Они называли Коноплева не «товарищ парторг», а «гражданин парторг». Среди заключенных была большая группа так называемых пораженцев – тех, кого посадили за то, что говорили, будто наши самолеты плохие, немецкие лучше, и войну мы проиграем. В другом бараке жили бандюги и шпана. Коноплев заходил в их барак один и без охраны.

Борис Коноплев вспоминает: «Ни одного случая не было диверсии против меня или еще чего-то. А ведь они с лопатами работали, с кирками. Легко могли, если бы захотели, что-нибудь сделать. А я еще ночью любил ходить по строительству. Меня предупредили, чтобы не ходил: “Как стукнет кто-нибудь”. Я стал осмотрительнее, не так беззаботен. Перестал ночью ходить».

Будучи парторгом на Камской ГЭС, он получал раза в три меньше, чем начальник строительства. Был даже такой случай. Тяжело заболела дочь, жене нужно было везти девочку на юг. Так даже шторы пришлось продать – денег не было.

После работы на строительстве Камской ГЭС Коноплеву предложили стать первым секретарем горкома. Он отказался: партийная совесть, все такое, мол, не готов. Закончилась городская партийная конференция. Обычно сразу же после нее проходил первый пленум, на котором избирали первого секретаря. А тут пленум перенесли на следующий день. Все смекнули: что-то не так. На следующее утро Коноплева вызвали вновь, опять предложили стать первым секретарем. Он, неожиданно для самого себя, сказал: «Пусть Ястребов (лауреат Сталинской премии за лучшую в мире солдатскую каску. – С.Ф.) станет первым, а я – вторым». И обоих избрали. Но поработать вместе удалось недолго. Ястребов спустя несколько месяцев был переведен в ЦК. И все-таки пришлось

Коноплеву стать первым секретарем. Семь лет был он на этой должности. Потом стал вторым секретарем обкома, потом председателем облисполкома...

Однажды приезжает домой пообедать. Позвонил первый секретарь обкома К.И. Галаншин: «Немедленно приезжай. Звонил маршал Устинов и сказал, что космонавты приземлились севернее Перми». Коноплев сел в вертолет и полетел на север. Тайга, ничего не видно. Решили останавливаться в каждой деревне. В третьей по счету мальчишка сказал: «Я слышал, там взрыв был».

Полетели в ту сторону. Через десять минут полета увидели на ели огромный оранжевый парашют, по нему и определили, что космонавты там. Зависли над ними. Люк открыт. Леонов машет рукой. По радию, через Березники, связались с Галаншиным: «Космонавтов обнаружили, можем сейчас поднять их в вертолет». Тот связался с Устиновым. Передают: «Никакой самодеятельности! Их должен забрать специальный эвакуационный отряд». И категорически запретили что-нибудь предпринимать.

В вертолете было три комплекта зимнего лётного оборудования, которые взяли у начальника аэропорта перед отлетом. Сбросили их космонавтам. Сумку с продуктами сбросили. И топор. Космонавты все нашли, кроме топора: снег был глубокий.

Приземлились на подходящей площадке за семь-десять километров от посадки космонавтов. Возникла мысль слетать в ближайший лесоучасток. Оттуда привезли пять человек с мотопилами. Решили, что одного из них нужно отправить помочь космонавтам. А ветер был! Ну и сказали людям: кто сможет спуститься по веревочной лестнице и снова подняться в вертолет, тот и полетит. Вася Наседкин не струсил. Его и отправили к космонавтам. Этот Вася здорово им помог: разгреб снег, разжег костер. Все трое так и ночевали в лесу.

В XXI веке события тех дней приобрели приключенческую окраску. Вот что писала березниковская многотиражка под заголовком «Неизвестные подробности аварийной посадки»: охотник Федосеев из деревни Васькино ставил ловушки на куниц, как вдруг услышал треск сучьев и увидел железный шар, застрявший между соснами. Федосеев подошел к шару

и открыл люк, а Леонов ему и говорит: «Мы советские космонавты. Совершили вынужденную посадку. А вы спасли нам жизнь. Спасибо, товарищ». Якобы запаса воздуха в кабине осталось на полтора часа, и их ждала неминуемая смерть.

На самом деле в 14 часов космонавты приземлились, а уже в 16 их обнаружили. Вася Наседкин добрался до них около 19 часов вечера. На следующий день снарядили людей, и 7 километров те шли на лыжах три часа, потому что идти пришлось через сплошной бурелом. Кстати, в день посадки, вечером, в Березниках стали собираться самостоятельные группы: парни и девчата хотели идти на лыжах в лес спасать космонавтов. Это им категорически запретили: потеряются, еще их спасать придется.

В обязанности Коноплева входила встреча всех высоких гостей. Первый секретарь ЦК КПСС в Перми с визитом не был. Зато все остальные члены политбюро бывали. Министры постоянно приезжали. Брежнев, тогда председатель Президиума Верховного Совета СССР, был в Перми три дня в 1958 году. Борис Коноплев, первый секретарь горкома, постоянно сопровождал его. Брежнев курировал программу «Космос». Он тогда был в расцвете сил. Коноплев вспоминает: «Я его запомнил как очень внимательного к людям человека. Это уже потом он стал другим. Я с ним много раз потом встречался, а к нам в область действительно ни разу не приглашал. Так получилось».

Особенно любил наш город маршал Дмитрий Федорович Устинов, человек необыкновенной работоспособности, который спал часа четыре в сутки. На некоторые заводы они с Коноплевым ездили по ночам. Например на кабельный. Там же решили вопрос о строительстве нового корпуса производства кабеля для космоса. В три ночи поехали по домам.

Устинов всегда почему-то останавливался в деревянном доме, который принадлежал заводу Ленина. Сейчас этот дом снесли.

Однажды Устинов с Коноплевым сидели в этом доме, было около пяти часов утра. Устинов сказал: «Надо бы завтра на завод Дзержинского приехать где-то в семь тридцать, хочу посмотреть, как начинается работа». «Хорошо», – ответил Коноплев. Поехал домой, принял душ, переменял рубашку

и обратно. А Устинов уже возле дома ходит: «Думал, ты уж не приедешь».

Существует легенда, что каждую субботу Коноплев садился в машину и ехал на предприятия области (в будние-то дни текущими делами был занят). В год на каждом предприятии региона Коноплев бывал дважды, потому и знал всю динамику развития промышленности. Но это преувеличение.

Много он ездил по области в 70-е годы, когда велось огромное строительство. И цех холодного проката в Лысьве, и цех фталевого ангидрида на заводе имени Орджоникидзе, и «Метанол» в Губахе, и три калийных комбината, и два – азотных удобрений – почти все эти стройки требовали пристального внимания. Вообще, в годы так называемого застоя в Пермской области шла самая напряженная работа: строительство велось небывалыми темпами, и объемы были огромные. Строились Чайковский, Лысьва, Добрянка, Кудымкар... Чуть автомобильный завод не построили.

Однажды позвонил Устинов: есть решение строить у вас автомобильный завод. Очень настойчив был. А в Перми единоклассника не было. Солдатов, тогда председатель совнархоза, был категорически против: он считал, что такое строительство потребует слишком много ресурсов и людей. Пермь, по его мнению, должна была оставаться авиационной. Он даже завод Октябрьской революции (АО «Велта». – С.Ф.) предлагал перепрофилировать на производство вертолетных редукторов. Галаншин, тогда первый секретарь обкома, ни да ни нет не говорил. Коноплев был за строительство завода. Ну, и решили спустить все «на тормозах». Пермь благодаря этому проекту могла бы вырасти еще тысяч на 200 жителей. Автомобильный завод построили в Ижевске, и этот город преобразился.

А Березники! В Березниках могла быть расположена не только республика химии, но и республика титана: по первоначальному плану то, что сейчас называется «Верхне-Салдинское металлургическое производственное объединение» (Свердловская область), предполагалось разместить на одной площадке с «АВИСМОЙ». Но потом решили такие стратегически важные предприятия строить в разных регионах. На деле это выглядело так: сначала вагоны с оборудованием

стояли от Березников до Кизела – их не успевали разгружать. Потом эшелоны с уже пришедшим в Березники оборудованием в течение двух лет переправляли в Верхнюю Салду.

Но Березниковский титано-магниевого комбинат и без того был особенным. Во времена социализма комбинат производил в несколько раз больше титана, чем весь остальной мир. Поэтому в шутке «Когда в буфете ДК металлургов гудят, мировой титановый рынок трясет» слишком много правды. Там была одна из самых высоких зарплат в области. Больше получали только работники секретного производства на «Соде». До сих пор неизвестно, что именно они производили. Говорят, что-то для атомных подводных лодок.

В 70-е годы Соликамский магниевого завод превратили в одно из подразделений Березниковского титано-магниевого комбината. Так на СМЗ даже забастовали. Это при советской-то власти! Протест подавили жестоко, но эффективно: сняли с работы и директора, и парторга.

Комбинат тогда возглавлял Валентин Лобанов, который пришел на смену директорам старого типа. Наиболее известными директорами новой волны в Перми были Борис Изгагин, возглавлявший завод имени Свердлова, и Иван Титаренко, директор Пермского телефонного завода. Со всеми у Коноплева были прекрасные отношения. По-другому и быть не могло: первый секретарь согласовывал с министерством кандидатуры директоров больших производств. Директора нового типа внедряли на своих предприятиях научную организацию труда. Валентина Лобанова однажды обвинили в нарушении прав человека, потому что он ввел обязательную утреннюю зарядку для ИТР, а прозвище среди рабочих у него было Барин. Имелось в виду «барин нас рассудит».

А вот Коноплева звали «Царь Борис». И он об этом знал. Комментировал так: «Не думаю, что это говорили со зла. Мне кажется, что в это вкладывали хороший смысл. Человек я был жесткий, но знали и мою слабость: если я человека из кабинета выгнал, через пять минут он может зайти обратно».

Об экологии в те времена не задумывались. По первоначальному плану у Березниковского титано-магниевого комбината вообще не было никаких очистных сооружений. Вскоре после начала работы вокруг завода в радиусе нескольких

километров уже не росло ничего. То же с «Пермнефтеоргсинтезом». Вначале планировалось очень небольшое строительство: полтора миллиона тонн переработки нефти. А потом цифры увеличились раз в десять. Были проблемы. При Коноплеве началась реконструкция ПНОСа и строительство очистных сооружений. Теперь он говорит, «Надо было ПНОС еще дальше от города разместить. Но мы даже представить себе не могли, что это будет такой гигант».

В Чайковском тоже планировалось строительство автомобильного завода. Но не состоялось. Не закончили и строительство завода синтетического каучука. Это был огромный проект. Пустили только первую очередь. В Чайковском планировалось строительство еще и атомной станции. И построили бы, не случись перестройки.

На вопрос, гордились ли им родители, Коноплев ответил так: «Отец даже не представлял, кем я работаю и что делаю. Он знал только, что я какой-то начальник. Однажды, когда я уже был председателем облисполкома, отец приехал. «Меня, – говорит, – наши мужики снарядили пожаловаться тебе, что у нас воруют». – «Я, – говорю, – вообще за вашу Мулянку не отвечаю». Это председатель облисполкома-то! Поверил. Уехал».

А в 1986 году Коноплев зачитывал отчет Пермского обкома партии на политбюро ЦК КПСС. За всю историю Коммунистической партии Советского Союза такое случилось впервые – чтобы обком отчитывался на политбюро о своей работе. Просто требовалось показать на примере одной области, как начинается перестройка. Пермский обком как раз для этого подходил: крупный промышленный регион, который работает удовлетворительно. В Перми перед этим работала комиссия. Ее возглавлял Е. Лигачев. Он сказал: тщательная проверка показала, что в регионе нормальная обстановка. По итогам доклада выступили все члены политбюро. Отчет было решено обсудить в каждом обкоме страны. Через какое-то время Коноплев приехал в Кисловодск отдыхать, а в санатории объявление: «Партийное собрание состоится тогда-то. Тема – отчет Пермского обкома КПСС». Коноплев сказал: «Я же здесь, живой, давайте выступлю». Они смеются: «Нет уж, вы отдыхать приехали, так и отдыхайте».

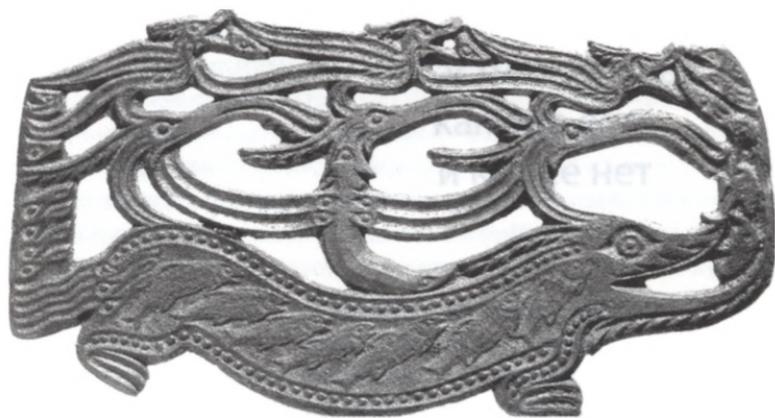
После отставки Борису Коноплеву предложили переехать в Москву. Даже показали квартиру. Отказался: «Не могу оставить дочь». У нее как раз сложная ситуация была. Предлагали и вторую квартиру – для дочери. Отказался. И говорит, что ни разу не пожалел: «Здесь я в кругу друзей. Хотя у первого секретаря обкома друзей мало. Ему трудно иметь друзей. Скорее, товарищи. Здесь я не забыт. И раньше, и сейчас хожу по городу в основном пешком. На пенсии не слышал ни одного плохого слова в свой адрес. Наоборот, неудобно даже, на перекрестке остановишься, узнают – и... ну и говорят какие-то хорошие слова».

Борис Всеволодович резко встает и выходит в другую комнату. Возвращается с уже зажженной сигаретой и «амбарной» книгой. «Я вам немного зачитаю из того, что сегодня утром написал». И он читает о том, что Горбачев был предателем, полтора часа ходил вокруг да около, боясь предложить старейшим членам ЦК, в числе которых находился и Борис Коноплев, сложить с себя полномочия.

Пепел на сигарете растет, того и гляди упадет на ковер. Наконец, он стряхивает его в пепельницу.

2005

Автор выражает признательность за помощь в работе над книгой Г.Э. Кузьмицкому, директору музея ФКП «ППЗ» Н.А. Бураковой, Т.А. Бородиной и Н.П. Козьме, а также директору школы № 9 Н.А. Курдиной и учителю этой школы О.В. Яковлевой.

Владимир Киршин

Частная жизнь

Очерки частной жизни пермяков

1955 – 2001

Частная жизнь как она есть и как ее нет

Книга писателя Владимира Киришина «Частная жизнь» – некоторым образом историческая. В ней описывается, как на протяжении 45 лет – с 1955-го по 2000-й – текла в Перми (наряду с Камой и вдоль нее) река по имени Повседневность, описывается, что́ люди пили и ели, носили и курили, что́ слушали и смотрели, что́ любили и ненавидели. В ней фиксируются привычки сознания, то, что называют сейчас ментальностью. Ностальгически окрашенная летопись бытования.

Появление книги стало возможным лишь на исходе прошлого века, когда сквозь прорванный экран виртуальной реальности, на котором демонстрировались праздничные (и призрачные) демонстрации и парады, мы вновь различили самое подлинное и надежное –

простые вещи с их простым запахом – запахом короткой человеческой жизни.

Нельзя сказать, что идея была нова, скорее, она закономерна. Книга напрашивалась – после телевизионных хроник, после того как с середины 90-х провинция постепенно отходила от мифологического наркоза прошедшей эпохи, когда историческое время было удалено с игровой площадки, а настенные ходики шли лишь из чувства хронологического приличия.

Впрочем, время все же шло и тогда – бочком, на цыпочках проскальзывая в быт, дворы, хрущобы, в советскую Хоббитанию, куда Око общественной жизни не всегда достигало, как писали раньше, и где мы отчасти были предоставлены самим себе. Здесь и протекала наша частная жизнь, хотя можно ли назвать ее *частной* столь легко, как это делает Владимир Киршин? Прежде чем отмотать ленту на жизнь назад, запустить проектор и окунуться в воды памяти, я рискну поразмышлять о *нашей* частной жизни. Она, как мне представляется, явно *другая*, чем сами знаете где. Именно этих размышлений мне, человеку умствующему и сравнивающему, недоставало в книге.

В свое время нас обобществили вместе со средствами производства. Мы с этим, на первый взгляд, легко согласились. Потому что в нормальном состоянии мы коллективный народ. Коллективность – один из архетипов, определявших и, скорей всего, определяющих нашу ментальность – наряду с архетипами *Власти*, *Мифа*, *Порядка*. Поэтому наша частная жизнь существенно отлична от *их* частной жизни. У *них* она начиналась с Возрождения и Реформации, в лоне которых начиналось становление частного человека, а тот, в свою очередь, созидал пространство и стандарты частной жизни. Частный человек – субъект, а частная жизнь – предикат. Боюсь, что наша частная жизнь вполне в состоянии обойтись без частного человека.

Частный человек живет *свою* жизнь и умирает *своей* смертью. Даже если он заправщик на бензоколонке, он знает, что он такой один. Его центр – в нем, а не вовне, не в референтной группе и не в дворовой стае. Разумеется, в чистом виде такого человека нет: помимо базовой потребности в самоуважении человек испытывает такую же потребность в своей группе, он неискоренимо иерархичное существо. И здесь, и там. Однако, отойдя от абстракций, понимаешь, что перед тобой две большие разницы.

Там человек важнее общества, а общество важнее государства. У нас все ровно наоборот: сначала государство (Власть), потом народ или коллектив (гражданского общества у нас нет, и в обозримом будущем его появление маловероятно) и только затем человек. Впрочем, его можно и не принимать в расчет, настолько он микроскопичен, а то и просто эфемерен. У них трихотомия, у нас дихотомия.

Мы другие. И наша частная жизнь тоже другая. Наша частная жизнь – наше общее дело. «Мы» здесь – те, кто не имеет прямого отношения к Власти. Человек у нас укрывается от Ока среди себе подобных, теряется в народе: отыщи, гражданин начальник. Игра «в прятки» – наша любимая народная игра. Скромное обаяние нашей частной жизни – в коммунальном, «пригоревшем», но таком родном духе. От Власти можно какое-то время прятаться, хорониться в нетях. Но от соседей не скрыться. Все на виду. Кристально частная жизнь.

Власть сама по себе, мы сами по себе. Так повелось от Рюрика. Я думаю, в свое время мы недоценили норманнскую теорию. Ее суть предельно проста: варяги берут на себя защиту наших рубежей и предоставляют какие-то гарантии внутреннего порядка, которого у нас, как известно, нет. Взамен мы платим им дань (налогов у нас не было никогда – только дань). Они, со своей стороны, позволяют нам в известных пределах жить сообразно нашим «структурам повседневности». При этом они стремятся обобрать нас до нитки, до исподнего, а мы стремимся обмануть их где только можно. Обмануть Власть не просто приятно – это святое дело.

Таков наш *contract social* (общественный договор), «по умолчанию» выполнявшийся при монголах, московских князьях, русских царях. Петербургские императоры до середины XIX в. откровенно пытались его похерить, чтобы всецело овладеть нами: наша частная жизнь пошла трещинами, ударились в бег, но разбить монолит народной самозамкнутости, лишить традиционный массив молчаливо упертой, коротаевской автономии было не под силу Власти. Даже большевикам это не удалось, хотя, надо сказать, именно они продвинулись здесь дальше других.

Два мира и зияние между ними. Или мертвая зона формального контакта. А по обе стороны зоны – неформальные связи, на

каркасе которых искони стоит наша социальность. Вверху своя неформальность, внизу своя. «Общественное сознание почти целиком вытеснено из предназначенных для него организационных структур формального типа и функционирует в неформальной сфере». Это – из книги Ксении Касьяновой «О русском национальном характере», в которой представлена, возможно, одна из самых целостных и корректных попыток дать анатомию нашей традиции.

Итак, наша частная жизнь начинается за пределами властного, правящего, официозного мира, которому мы не доверяем, от которого веет холодом морозильной камеры, которого мы сторонимся и который всегда претендовал на наши тела, умы и души. Ну и, само собой, на наши деньги, когда они у нас были. И мы обязаны защищать себя, если не хотим стать зомби. А защищаемся мы по-своему – посредством ухода и побега. В ночь своей души, в наши леса (старообрядцы), на наши окраины (беглые и казаки), на наши кухни. В пьянство, наконец, ставшее не только основным убежищем, но и главным национальным обрядом. Мы – социальные интроверты.

Они сами по себе, мы сами по себе. И в то же время мы нуждаемся в Порядке, который нам может дать только Власть, Порядке, который холопская часть нашей психики воспринимает как отеческий. Как бы то ни было, мы не можем позволить себе роскошь иметь слабую Власть. Только Порядок, заданный извне, то есть сверху, инициирует нашу историю до настоящего времени, нравится это нам или нет. Мы получаем то, что заслуживаем.

Работая в оптимальном режиме, что иногда случается, такая система поддерживает реальное, слабоконтактное двоемирие, когда Власть соблюдает условия «договора» 862 года (см. «Повесть временных лет»), не срываясь в откровенную монструозность. Вот такая, частная жизнь.

«Эпилептоидный тип личности» – так Ксения Касьянова квалифицирует психику нашего человека. В «спокойные периоды» эпилептоид упрям, апатичен, подвержен легкой депрессии, и его трудно вывести из состояния равновесия. Когда же, не приведи бог, он из него выходит... Но не будем о печальном. Эпилептоид, безусловно, своеобразен, у него есть свой внутренний, частный мир, в который он порой слишком глубоко входит.

Это делает его несколько изолированным, но в целом он поддается культурной обработке и, в конце концов, становится, по словам Касьяновой, культурным эпилептоидом.

Одну из самых ярких, на мой взгляд, иллюстраций того, что нам присуща не только овнешненность, коллективность, но и чувство частного, пусть и на свой манер, дает история старообрядчества. В книге Ксении Касьяновой приводится отрывок из известной «Исповеди» В.И. Кельсиева, который в 60-х годах XIX века в Лондоне познакомился со старообрядцами и был изумлен тем, что «народ думал, и думал о высших вопросах, могущих занимать ум человеческий, – о правде и неправде, о Христе и об Антихристе, о вечности, о душе, о спасении... русский человек сам, один-одинехонек, на свой салтык и свою ответственность правды ищет...» Важна, впрочем, и поправка: «Если выводы его ложны, даже нелепы и дики подчас – вина не его: он додумывался до чего мог, толковал и понимал как умел...»

Однако довольно философии, гасим свет. Какой была частная жизнь пермяков в прошлом столетии?

1955. «Частная жизнь в 1955 году едва зарождалась. Шок войны еще не прошел, человек инстинктивно отождествлял себя со страной».

1956. XX съезд. Бурки. «Это были такие сапоги из белого войлока. Края голенища прострочены через кожаную ленту, голловки и пятки кожаные. Шикарная обувь. <... > бурки были у каждого: у папы, у мамы, у Хрущева...». Здесь, на уровне обуви, было идиллическое равенство. Но уже выше, на уровне платья, равенства не наблюдалось. В это время моя бабушка, часовенная старообрядка по рождению, шила на продажу платья и пальто: носить было нечего.

1957. Двухэтажная Пермь центра, окруженная бараками. «На наполовину деревянном Комсомольском проспекте открылся новый кинотеатр «Октябрь».

Я вспоминаю 50-е как полную архаику: наивность, неиспорченность, племенное единство маленьких сопляков, стриженных, с челками, ненадолго отпущенных «гулять». Поздно вечером, почти ночью, родители выкрикивали в сгущающуюся августовскую мглу наши имена – долго, переходя на угрозы; выдергивали нас из парного воздуха детства и вели, нет, тащили домой. Туда отчаянно не хотелось.

Одно общее с Володей Киршиным воспоминание: сдача железа «разбитному, коротко стриженному парню в рубашке “расписухе”, он объезжал дворы на зеленом фургоне, увешанном глиняными свистульками и воздушными шариками с волнующей надписью “Май”». Только вместо парня я помню дедка, а вместо фургона – телегу, влекомую настоящей, живой лошадейю.

Поражает совершенная ненарочитость лиц на фотографиях, сделанных в 50-е. Не выражений на лицах, а именно лиц. Лица нельзя еще было отделить от их выражений. На групповой фотографии (все фотографии того времени, не исключая одиночных, групповые) все мужики как мужики – в шапках, и лишь один в шляпе. В первом издании книги комментарий Владимира Киршина: «Все люди как люди, а он шляпу надел. Ему померещилась оттепель. Вот именно ему – одинокому, зажатому толпой и слегка растерянному – и хочется посвятить эту книгу».

60-е были определенно поживее – не только в Москве, в Перми тоже. После полета Гагарина народ вышел на улицы. Апрель 61-го – «точка сборки» послевоенной эпохи. Народ и партия в первый и последний раз в эти десятилетия были едины. Это было эхо победной радости 1945-го. Но уже в 1962-м Власть спокойно расстреливала людей в Новочеркасске и давила их танками.

Живости 60-м придал Никита Сергеевич Хрущев. Нетипичный был генсек, одновременно и пугавший, и веселивший. «Хлеба не было. Была кукуруза в початках, маринованная в банках (14 коп.). Хозяйки пекли кукурузные лепешки, кляня Лысого с его коммунизмом, скупали последнюю вермишель и размачивали ее на олады».

Я помню, как бабушка подняла меня в 3.30 и повела к хлебному. Мы заняли очередь и, досыпая на ногах, покачивались, полуопираясь на соседей. Человеческая роща под голодным ветром 1963 года. Когда Хрущева сняли, все радовались. Тогда же я нашел спрятанную среди дедовых медалей бумажку со стишками, которые почему-то запомнил на всю жизнь: «Товарищ, верь, взойдет она, / На водку старая цена, / И на продукты будет скидка: / Ушел на пенсию Никитка».

Свой вклад в общий оживляж внес твист («1965. Твист! Танцуют все!»). Люди осмелели. Стали играть в личность. Пошли новые фильмы про интеллигентов и их сложную внутреннюю жизнь. Железный занавес не стал шелковым, но в нем объяви-

лись ма-а-аленькие дверцы, через которые к нам попадали фильмы. Нам стало открываться *иное*, которое притягивало к себе просто потому, что было *иным*. «Фантомас!» Вокруг Дворца Свердлова очередь обвинялась по меньшей мере дважды, так и норовя задушить в своих кольцах советскую культуру.

А с конца 60-х гитара вытеснила дворовый и лесной футбол, в который мы играли до опупения. Появившиеся отечественные магнитофоны воспроизвели нам «Beatles», «Rolling Stones», «Doors». Это было время магической, неангажированной и беспощадной музыки, горевшей в нас, как свеча на ветру, а иногда – как мировой пожар. До поколения пепси было еще жить да жить, у музыки еще был message, и жизнь еще говорила со смертью, сидя с ней за одним столом и не отворачивая глаз (Джим Моррисон, Джимми Хендрикс, Джаннет Джоплин). Мы, плохо все это понимая и зная, интуитивно клеились к магнитофонной ленте, к Открывающемуся нам, и те, кто могли меняться, – менялись.

70-е. Конец «новой исторической общности – советского народа». Очередные проблемы с пактом Рюрика – Гостомысла. Расцвет социальной интроверсии. Внутренняя эмиграция и начало внешней. Мы удаляемся от Власти, а она от нас. Нейтральная полоса разрастается до размеров, угрожающих разорвать молчаливый альянс верхов и низов. «А на нейтральной полосе цветы – необычайной красоты», – поет Высоцкий, «последний национальный герой».

1978. «Всем было «по фиг». <... > Сосед дядя Гриша, ветеран Великой Отечественной, каждый вечер напивался перед телевизором и матюками комментировал программу «Время», при этом он смачно харкал на экран. Время ветерану не нравилось и одноименная программа тоже. Там все ввали и лизали зад Брежневу, дарили ему звезды Героя, как барышне брошки ко дню рождения».

«Пили. Вообще и конкретно. Что до «конкретно», то – «водку «Русскую», 4.12, «Боровинку» (не помню почему). «Шампанское» было разных сортов – от «брют» до «сладкого», все – 4.67. Новинка: водки «Сибирская» и «Пшеничная»... «Старка» еще была...». Разумеется, это далеко не все. Но огласить весь список невозможно. Это наш самый длинный, в сущности, нескончаемый список. Читайте Венечку Ерофеева.

В 70-х началась атомизация низов, взаимное отчуждение. Наш коллективизм перестал быть фольклорно-органичным, сохранив при этом свои стадно-механические свойства. Мы впервые узнали, что мы одиноки. Интеллигенция увлекалась экзистенциализмом. Солидарность держалась только при 40 водочных градусах, ниже она распадалась. Кризис переживали не только верхи. Социальная ткань ветшала, а частная жизнь крепла. Она была явно ненормальной, от нее несло перегаром и хаосом.

Первая половина 80-х напоминает мне затишье *перед*, в то время как 70-е – это апатия напополам с агонией на фоне всеобщего застолья. Есть такая наука – синергетика. Она учит, что абсолютного хаоса нет. В хаосе всегда прячется порядок, хаос – самоорганизующаяся система. Если это так, то в первой половине 80-х наша фрустрированная прежде частная жизнь оживает, постепенно вытесняя так называемую общественную жизнь, от которой остался только хрупкий остов, и творит новые, диссипативные структуры. А с середины 80-х это было уже не остановить. Эпилептоид выходил из спокойной фазы, но выходил медленно, а выйдя, странным образом обошелся без большой крови. То бишь без гражданской войны. Неужели мы учимся на ошибках? Тьфу три раза.

1987. «Пермь – открытый город». Его открыли молча, просто «в ежегодном списке закрытых городов не оказалось Перми». В 88-м на улицах Перми появились иностранцы, и, поудивлявшись немного, все приняли это как должное. Ни одной статьи, в которой хоть как-то был бы осмыслен этот факт, сопоставимый по важности разве что с основанием города, так и не появилось. Это по-нашему – полный обломов: «Это у них там, в Москве, сразу вскипела «гласность», а у нас в Перми все было тихо. У нас всегда тихо...»

Впрочем, происходило «извержение энергии андеграунда». У нас была приличная и разнополярная тусовка, преимущественно литературная и музыкальная. В 1990-м, незадолго до смерти, в Пермь приезжал Цой с «Кино». На привокзальной площади играли пермские группы. Помню «Танцы на траве» с Игорем Трахтингерцем (он давно в Германии).

Вот так, с разгону, мы влетели в 90-е. Наша частная жизнь впервые за десятилетия советского времени получила возможность

вступить с общественной жизнью в брак по любви. Но вместо этого вышел скандал с битьем посуды: не имеющее и не имевшее никогда внутренних скреп русское частное стало необратимо срываться в войну всех против всех, а затем в откровенный бандитизм. «Частная жизнь на пороге нового века дошла до крайности, до края, до полного разрыва с обществом, до личных баррикад, до землянок бомжей в городском лесопарке. Никому ни до кого нет дела: броня и баксы». Под броней разумеются бронированные «комки», с 1997 года постепенно сменившиеся стеклянными павильонами.

По косточкам месяцев в книге разобран 1992 год. «В этом году частная жизнь в России победила!.. Хлеб и молоко с начала года подорожали в 100 раз. Народ одичал в 1000». И, наконец, резюме: «К концу века свершилось главное – ПРИВАТИЗАЦИЯ ЖИЗНИ. Жизнь на сто процентов стала частной, твоей, и все проблемы, прежде решаемые государством, стали твоими, и нравственный выбор украсть – не украсть, уехать – не уехать – стал твоим личным делом. Мораль отменена. Жизнь приватна. Такой сюжет».

Что к этому добавить? Не думаю, что мы стали стопроцентно частными людьми: в нашей системе Рюрика – Гостомысла, в очередной раз восставшей из пепла смутного времени в 2000-е, это принципиально невозможно. Однако жизнь заставляет нас меняться, особенно тех, что помоложе. Мы, сегодняшние, не столь архаичны, как в 50 – 60-е, не столь безнадежно-апатичны, как в 70-е. Мы выходим из закономерно накрывшего нас хаоса отороженных и вместе с тем карнавалльно-обнадеживавших 90-х. Мы стали чаще полагаться на себя. Ожесточение, которое мы вынесли из 90-х, ожесточение, в свою очередь, наложившееся на люмпенизацию советского времени и в особенности затронувшее ту же молодежь, слегка отступило в генетическую тень. До очередной Смуты, которую мы рискуем уже не пережить, если не скорректируем наш анархическо-авторитарный сценарий. Наша нынешняя частная жизнь – как памятник Никите Хрущеву на Новодевичьем работы Эрнста Неизвестного: черное с белым, и исход не ясен. Дай нам Бог удачи.

Вячеслав Раков

Письмо читателям от автора

Было так. Прихожу я в редакцию одного пермского еженедельника, зачем – уже не помню, за деньгами, наверное, напечатали там что-то. А дело было в начале 2000 года, вот мне редактор Светлана Мишланова и говорит:

– Володя! Конец века, блин.

Я, тупо так:

– Ну.

Светлана:

– Все итоги века подводят, и мы взялись. В каждом номере будем описывать главные события одного года, начиная с сороковых годов, чтобы кончить двухтысячным. Подключайся?

У них там как раз 1955 год приближался, а я родился в 55-м. И стало мне интересно, пользуясь случаем, год за годом просмотреть в культурно-историческом, так сказать, контексте свою собственную жизнь, запутанную и малопонятную. Поэтому

я выбрал самый вольный жанр – эссе, и стиль – крайний субъективизм на грани фола. Ну, то есть наша жизнь КАК Я ЕЕ ПОМНЮ.

Кто помнит иначе – ради бога, пусть пишет свою книжку.

Сказано – сделано. В течение десяти месяцев очерк за очерком, год за годом я исходил вдоль и поперек всю эту реку – частную жизнь советских людей, зарегулированную, замучканную, но все равно стихию – и полюбил ее. Вот главный результат этой работы – любовь.

И свое собственное прошлое попутно рассмотрел на предмет отделения зерен от плевел. Выгреб золу, снял паутину, скелеты в шкафах протер – прибрался. Конец века же.

Полезное это занятие – литература, всем рекомендую.

Публикация моих очерков вызвала, как говорится, интерес читающей публики. В 2001 – 2002 годах «Частная жизнь» была полностью опубликована в пяти номерах иллюстрированного журнала «Пермский Пресс-Центр». В 2002 году сокращенный вариант напечатан во 2-й книжке альманаха «Литературная Пермь», а также в 13-м номере журнала «Уральская новь» (Челябинск) и на соответствующем ему WEB-сайте. В 2003 году вышла в Перми отдельной книгой, щедро иллюстрированной, но прискорбно малым тиражом – 500 экземпляров. В 2008 году фрагменты печатали пермский историко-архивный журнал «Ретроспектива» и флоридский russian magazine «Florida».

Теперь вот второе издание, в одном стакане с ярким «Молотовским коктейлем» талантливой Светланы Федотовой. И в самом деле, без этой адской смеси нас не понять. Отчего так бледны ростки жизни под кирпичом ВПК? Отчего так сильны? И где он теперь, этот кирпич? А мы – есть, и хорошо выглядим!

Такая песня юности.

Издание второе, переработанное и дополненное, снова в авторском оформлении. Здесь я активно использовал семейные альбомы и артефакты Сергея Емелина, авиадиспетчера из Перми, феноменально чувствующего время – профессионально точно и лично тонко. Надеюсь, в моей компоновке Ваши материалы, Сергей, зазвучат на новой волне.

Здесь нашли применение старые фотки и разные занятные бумажки из моего личного архива. Приобщены к делу также несколько фотографий из фондов Пермского областного краеведческого музея (как он назывался в 2003 году), обширного личного архива моей жены Марины Киршиной и домашних коллекций моих друзей: Елены Бейлиной, Киры Баландиной, Марии и Анатолия Пименовых, за что им громкое авторское спасибо.

Искренне ваш Владимир Киршин

1955. Мы сильнее всех в мире!

Кого-то еще на свете не было, кто-то уже успел набить себе шишек, а я в эти дни только родился. Я февральский, «рыба» по гороскопу. Но тогда про гороскопы ничего не знали, а кто знал – помалкивал.

Интересное было время! Полстраны фронтовиков, и все молодые. Широленные брюки, пиджаки просторные, будто на троих пошитые, – реакция на только что отошедший сталинский стиль в одежде: полувоенные френчи и галифе. Сапоги уже не носят, и планки медалей тоже. Но фуражки и ремни у школьников будут обязательны еще десять лет. Самая консервативная отрасль культуры от древних греков до наших дней – образование.

Частная жизнь в 1955 году едва зарождалась. Шок войны еще не прошел, человек инстинктивно отождествлял себя со страной. Мы победили, мы сильнее всех в мире! – это еще не стало газетным клише, это был факт. «Мы» важнее, чем «я», – это еще не стало идеологической пустышкой, это была простая фронтовая мудрость. Поди-ка посиди в окопах под огнем – сразу «якать» перестанешь, и слово «товарищи» полюбишь на всю жизнь за то, что не бросили. Нет, «мы» – это сила. Было силой. Каждый знал свое место в строю, каждый знал, на кого равняться. Но потеря вождя расстроила ряды. Остались, конечно, портреты и заветы, возбуждала «холодная война» с Америкой, «ядерная гонка» и т. п., но... Горе утраты за два года притупилось, и люди стали учиться жить без вождя. То есть жить частным образом.

Версия, конечно. Взгляд из нынешнего далека. Но старожилы подтверждают. А сам я что тогда мог понимать – лежал себе в коляске индифферентно и аполитично так сосал свою частную пустышку. Коляски тогда были низенькие, этакие тележки с ручкой-дугой, круглыми обводами они напоминали автомобиль «Победа».

История частной жизни в СССР чрезвычайно занята, гораздо занятнее истории общества в целом. Она заковыриста, петлиста, подспудна и ветвиста до полной бессистемности. Она у каждого своя. И тем интереснее найти общие, знаковые образы: авоська... пианино... брюки клёш... Или вот

недавно ушедший символ времени – бронированный киоск. Вот уж всем символам символ! Частная жизнь на пороге нового века дошла до крайности, до края, до полного разрыва с обществом, до личных баррикад, до землянок бомжей в городском лесопарке. Никому ни до кого нет дела: броня и баксы. Вот слоган частника образца 1997 года: БРОНЯ И БАКСЫ! Но уже в 1998-м на улицах губернского города появились стеклянные павильоны... Есть надежда?

Сейчас (очерк написан в феврале 2000 г. – В.К.) каждый из нас нет-нет да и оглянется на прошлое. Газеты дают архивные материалы, телекомпании крутят ретроспективные сериалы. Оглянемся и мы, чтобы вместе с безымянным лирическим героем сориентироваться в сегодняшнем дне и, если получится, заглянуть в завтрашний. Чтобы не упустить надежду.

Итак, условная частность – лирический герой по имени «я» родился в самой большой и самой счастливой, самой общественной стране мира...

1956. Народ-безотцовщина

Бурки! Кто помнит бурки? Это были такие сапоги из белого войлока. Края голенища прострочены через кожаную ленту, головки и пятки кожаные. Шикарная обувь. Откуда такое название – «бурки» – непонятно. Возможно, с Кавказа: там на плечах носили бурку, тоже из войлока. Бурки были, мне тогда казалось, у каждого: у папы, у мамы, у Хрущева на фотографии, у меня, хотя я только недавно научился ходить. А войлочные сапоги без голенищ назывались «боты». Были они черного цвета, на резине, с застежкой-кнопкой, позже с молнией.

На 23 февраля 1956 года модницы надели приталенные платья, носочки и туфли на высоком широком каблуке, советские офицеры щеголяли в мундирах с отложными воротниками. Фронтовикам, привыкшим к закрытой наглухо груди, новые мундиры казались гражданскими пиджаками с погонами. Самая нижняя медаль в «иконостасе» была юбилейной – «XXX лет Советской Армии», на ней были выбиты два любимых профиля – Ленина и Сталина.

Вот тогда, в том феврале, и грянул XX съезд КПСС, осудивший культ личности Сталина. Никто не удивился, но мало кому это понравилось. Никита Хрущев ударил серпом по общему корню жизни, по нашему единственному, единому, драгоценному культу. Жизнь охнула и в ответ пустила миллионы частных корешков: люди стали думать не только о Родине, но и о себе иногда.

Точнее, люди стали думать о себе на почти законном основании. Раньше тоже о себе думали, конечно, но украдкой. Не было греха страшнее, чем индивидуализм, за него убивали. Причем не власти убивали – соседи с помощью властей. Общество защищало свою целостность, какая там частная жизнь.

Но вот «бога» отменили. Остались Родина-мать, бабушка Ленин на картинке и живой народ-безотцовщина. Чего от народа ждать? Разбрелись. Стали делать вид, что вместе.

Пестрое наше население и жило пестро. Кто-то копил деньги на драповое пальто и шляпу, кто-то слушал Гленна Миллера в компании себе подобных, кто-то ночью, занавесив окна, писал воспоминания о сталинских лагерях.

Работали, конечно, как трактор. Работали почти бесплатно – за облигации, за трудовни. Пели частушки про рабство колхозное, беспаспортное, пели и оглядывались: не забурт? Не забирали почему-то... Перевирали исподтишка похамски «песни советских композиторов» про целину. В оригинале:

*Едут новоселы по земле целинной,
Песня молодая далеко летит.*

А народ пел, ёрничая:

*Едут новоселы – морды невеселы,
Кто-то у кого-то стырил чемодан.*

И все рефлексировали от идеологии: и поклонники Гленна Миллера, и любители частушек, и носители «пальто из драпа» – все реагировали на политику каждый на своем уровне.

Один я был безучастен к общественной жизни, самороден и самодеятелен абсолютно. Кругозор мой начинался и замыкался на матери, а главными ценностями были: огромный желтый лохматый медведь, подлежащий вскрытию

с целью исследования нутра, и игрушечная водокачка, подлежащая раскурочиванию с той же целью. Общество прощало мне мой индивидуализм (пока), а вот сломанные игрушки – нет.

1957. Маленькие злые американцы

Самыми агрессивными «частниками» в ту пору были *стиляги*. Они добивались своего права на частную жизнь открыто и активно. Ходячие транспаранты, демонстранты личной свободы – откуда они взялись в одночасье? Чуть потеплело – и пошла плесень. Сталин бы не допустил.

К *стилягам* примыкали *абстракционисты*, но те свои убеждения выражали не в костюме и танцах, а в живописи, и показывали ее не всем, а только своим да сочувствующим иностранцам. Но ход мыслей у них был все тот же, буржуазный, западный. А так как мы с Западом воевали «по-холодному», то все *стиляги* и *абстракционисты* были наши враги. Их так и рисовали на карикатурах в «Крокодиле» – тех и других в одном предельно гадком, вражеском лице обезьяноподобного мазилки. Отношение граждан к ним было единодушно: уроды. Различались только методы борьбы с ними: сажать, стрелять или перевоспитывать.

У нас в Перми *стиляг*, слава КПСС, не было. Были подражатели, нарушители норм костюма и прически: все наши, хорошие ребята и девчата, но вот бес их попутал – *собезьяничали*. С ними достаточно было комсомольцам побеседовать как следует, в присутствии инструктора райкома, и все вражеское оперение с нарушителей слетало, они слезно раскаивались, вливались обратно в коллектив, и опять наши массы единым строем шли к новым свершениям.

Позже, году в 60-м, я увидел настоящего *стилягу*. Здесь, в Перми, – я чуть с велика не упал. Около Дома офицеров стоял старикан лет тридцати, одет как на картинке: брюки дудочкой, ботинки на «манной каше», пиджак с плечами, галстук с обезьяной, кок на темени – ну всё. Я в восторге кинулся к приятелям – поделиться. А они моего восторга не поняли, идти смотреть на живого *стилягу* не захотели. Мало

того, оказалось, они не знали, что такое «стиляга», хотя сами этим словом дразнились! И из-за этого стиляга в моих глазах вырос, а мои приятели как будто уменьшились. И лицо-то у него на самом деле было человечье, и вел себя он разумно, не дергался, и в одежде его угадывалось некое правило (как позже выяснилось, стиль)...

Но и в едином строю ходить тогда было чертовски заманчиво. В 1957 году мы запустили в космос СПУТНИК! 4 октября 1957 года мы закинули 84 кг на орбиту – 947 км в апогее (новое слово). Это был первый в мире искусственный спутник Земли. Через месяц – второй, уже 508 кг на 1671 км. А там пошел и третий, гигант – 1327 кг на 1880 км. И все это – мы! Маленькие злые американцы отстали от нас на четыре месяца. И спутники-то у них были вшестеро мельче против наших, и запускали-то они их ближе и совсем не в мирных целях. Ну да что с них взять – империалисты, скоро помрут от зависти, без нашего вмешательства.

Бабки наши несознательные тоже на спутники ворчали: «Скоро разобьются». Стариков тогда заботили налоги на усадьбу, на кроликов, на яблони.

Пермь тогда была двухэтажная: бывшие купеческие дома, разделенные на 4 – 8 квартир: кирпичный беленый низ, бревенчатый черный верх; бараки – целые поселки бараков по уши в грязи, тропы мощены досками (Пермь – столица бараков!); но много было частных домов с фруктовыми садами – вот их-то и обкладывали налогами. «Частный сектор» мешал социализму. Начиналось массовое строительство знаменитых хрущевских пятиэтажек.

На деревянном наполовину Комсомольском проспекте открылся новый кинотеатр – «Октябрь».

1958. Дополиэтиленовая эра

Это когда полиэтилена еще не было, и хлеб носили в авоськах. А покупали его в «ямке» – полуподвальном магазинчике на улице Карла Маркса, где со двора продавали керосин для тех, у кого еще оставались керогазы. Всем жильцам нашего дома ставили газовые плиты (благополучие

росло), керогазы выбрасывали, и они валялись везде; пацаны их подбирали, выковыривали слюду из круглого окошечка сбоку и сдавали железо в металлолом, а именно – разбитному, коротко стриженному парню в рубашке-«расписухе», он объезжал дворы на зеленом фургоне, увешанном глиняными свистульками и воздушными шариками с волнующей надписью «Май». Пацаны хватали их в обмен на покореженное железо и бежали прочь, радуясь, как туземцы, объегорившие глупого и жадного конкистадора.

В «ямке» продавали всё: чернила, оконную замазку и куриные яйца из ящичков, набитых стружкой. За яйцами надо было стоять. Давали по десятку в одни руки, и мать сдавала меня в аренду соседке, чтобы той дали два. Я не протестовал, хотя стоять мне было ужасно скучно. Там, в очередях, я и научился созерцать – тарашиться на стружки или на муравьев под ногами. Муравьи тогда были близко...

Со стадиона доносился бравурный марш:

*Будет людям счастье –
Счастье на века.
У советской власти
Сила велика!*

А никто и не сомневался. Насчет ума были сомнения. Выскочка Никита Хрущев повсюду велел кукурузу сеять. Народ плевался, но сеял. А куда деваться?

*Сегодня мы не на параде,
Мы к коммунизму на пути.
В коммунистической бригаде
С нами Ленин впереди!*

Дома у нас стояла радиола «Даугава». Она была очень красивая и сложная, и еще очень важная, похожая на квадратную голову фантастического советского божества. Она очаровывала светом зеленого глаза и завораживала неземными голосами, которые, если покрутить ручку справа, то мелодично свистели, то вдруг пугали внезапным рыком. Я был уверен, что слышу космос. Кругом все говорили только о космосе, о спутниках, все мне объясняли, что это такое, и никто ничего не мог объяснить.

«Поймать передачу» умели только взрослые. «Передаем последние известия», – вдруг говорил уверенный голос

и рассказывал нам про целинные урожаи, про Лумумбу, про кубинских повстанцев, идущих на Гавану.

Китайская дружба кончалась. Еще шли к нам из Китая настоящий китайский чай, синие китайские кеды – мечта каждого мальчишки; синие мужские шубы овчиной внутрь и с капюшоном – гордость пап; нарядные китайские термосы с драконами – предмет вожеления мам. Еще шли теннисные шарики, авторучки с золотым пером и много чего еще – и все превосходного качества и с неизменным клеймом: «Дружба», «Дружба», «Дружба»... Но «редиска» Мао уже замыслил измену, Сталин как в воду глядел, назревал китайский культ и «большой скачок» в коммунизм... Тут у некоторых возникали вопросы, но они их предпочитали не задавать: в стране была «оттепель», конечно, но она могла кончиться в одну ночь.

А газовая плита – вот она, и баллон к ней в углу. Газ кончится – приедут дядьки на машине и заменят баллон. И никаких дров не надо, и дровяников, и керосином не воняет. Цивилизация.

1959. Сургуч на горлышке

Куба – любовь моя! Революционеры заняли Гавану, Фидель Кастро – премьер-министр народного правительства. 1959 год – начало новой большой дружбы.

В Перми всюду рвы и котлованы, на радость мальчишкам. Всюду толстые трубы, в которые жутко хочется залезть. Всюду стройки. Ломают старые частные дома, тянут водопровод, центральное отопление, газ. Возводят дешевые пятиэтажные дома из нештукатуренного кирпича – долгожданное счастье «барачников». О бараки! Английское слово «barack» (казарма) стало родным, советским, и вот – предел мечтаний – ордер в благоустроенную квартиру, конечно с соседями, но какие-то одна-две семьи всего-навсего! Зато с балконом, как у графьев. Восторг. Позже неблагодарное население их прозовет «хрущобами»: и некрасивые-то они снаружи, и тесные-то они внутри, и санузел совмещенный, и неудобная планировка... А когда заселяли – ох как праздновали! Вино тогда

сургучом запечатывали поверх обычной железной пробки, и на дне каждой рюмки лежала крошка сургуча.

А балконы скоро и навсегда превратились в кладовки. С улицы до сих пор можно видеть изнанку частной жизни пермяков. Парадные хрустали у них в комнате выставлены, у всех одинаковые и оттого неинтересные. Зато на балконе! Бочки с соленьями, пыльные пивные бутылки, ложки, невымытый велосипед и ломаные санки, старинный буфет, синие трусы на просушке... Для писателя – панорама подлинной частной жизни, для райисполкома – головная боль. «БАЛКОНЫ НЕ ЗАХЛАМЛЯТЬ!» – требуют власти, блюдя красоту улиц. «Будем штрафовать!» – грозят пожарные, в тревоге за безопасность. Бесполезняк. Барачное сознание только могла исправит.

Как мы, мальчишки, были одеты? Плюшевое пальто, байковые шаровары поверх валенок, шапка с дерматиновым (обязательно! – такая мода) верхом, шарф завязан почему-то на спине. Бабушкины варежки на резинке с обсосанным в ледышку большим пальцем. И везде дырки, штопки и заплатки. Против новых вещей мы протестовали до слез: во дворе засмеют.

В четыре года первый раз пошел в кино, смотрел фильм про шпионов. Потом гонялся за шпионами со щепкой наизготовку, шпионы были за каждым кустом, но и у меня патроны не кончались. Однажды при мне поймали настоящего шпиона. Какой-то мужчина бежал по нашему двору, за ним трое резвых людей в штатском, они сбили его с ног, скрутили в клумбе, переломав наши цветы, и увели за угол – всё молча. Больше в эту игру мы не играли.

Год Луны. Все разговоры о ней, о нашей соседке. Мы запросто летаем к Луне, огибаем ее, фотографируем ее спереди и сзади, осыпаем вымпелами. Ее так и рисуют в «Огоньке»: Луна в платочке улыбается от уха до уха, как возлюбленная соседка Дуня, а вокруг нее хороводом наши спутники.

Популярны лекции о космосе. Мама с папой ходят и потом всем знакомым рассказывают с большим волнением.

Всё новое в стране называют «Спутником»: велосипед, электробритву, радиоприемник, лыжи, подстаканник – все

«Спутник», и расческа – «Спутник». В каждом городе есть кафе «Спутник», одноименный кинотеатр и пионерский лагерь.

Обилие «спутников» никого не смущало: вокруг Земли их летало уже больше десятка (не считая американских). Запускали на орбиту грибки, бактерии, собак Белку и Стрелку (наша стиральная машина называлась «Белка») и еще дюжину геройских дворняг. Поговаривали о «человеке в космосе»...

И никто этого человека еще не знал, только мы с вами уже все знаем про него. Как приятно!

1960. Мальчики в лифчиках

1960 год. Все дети в чулках. Мальчики и девочки пристегивали чулки резинками к лифчику, и никто не считал лифчик принадлежностью пола. «Вова, ты надел лифчик?». У мальчиков на коленках вечно были дырки от ползания по полу с машинками, в целях экономии нам в садике разрешали скатывать чулки бубликом, девочкам – нет. Такая дискриминация.

Домашний интерьер тех лет: лакированная мебель светлого тона, портьеры на дверях, скатерти с бахромой, оттоманки (диваны с турецкими валиками по бокам). Белые шторы на ниточках закрывали только нижнюю половину окна. Фарфоровые статуэтки на этажерках: балерины, кудрявые мальчики, голуби. Сувенир «Спутник» – шарик с четырьмя длинными усиками – был у всех.

Картины на стены вешали повыше и под углом к стене. Так же под углом вешали портреты партийного руководства – это в общественных местах, и зеркала. Симптом сталинского комплекса: зритель смотрел на партию снизу вверх, а свое отражение в зеркале видел прижатым к полу. При Хрущеве в моду вошли эстампы вплотную к стене – вровень со зрителем.

Шарики на спинке железной кровати, отвинтить – и в рот. Если между прутьями спинки засунуть голову, назад ее не достать никогда, хоть заревись.

По радио в тот год разучивали песни. Эфирное время тогда ничего не стоило, поэтому затейница не спешила: «Березы... Березы... Родные березы не спят. Записали? А теперь поем вместе с Владимиром Трошиным:

*Я трогаю русые косы,
Ловлю твой задумчивый взгляд...».*

Той зимой мой язык впервые примерз к санкам. На железном полозе был такой красивый иней – я лизнул... Вообще я в детстве примерзал языком трижды: к санкам, к конькам и к дверной ручке. Трижды! Я уже тогда отличался недюжинным умом.

Ручьи, солнце и ожидание сухого асфальта. У меня был деревянный мотороллер с педалями, копия «Тулы», и мне не терпелось его оседлать.

Лето. Белая панамка – три лепестка застегивались сзади на одну пуговицу, расстегнул – и она плоская, очень удобно стирать и гладить (маме). Песок в сандалиях. «Секретки» – фантик под стеклом, закопанный в укромном месте, – девочки прятали, мальчишки их разоряли.

Мальчишек стригли наголо, но оставляли зачем-то челочку (чубчик). Стричь неслухов следовало ручной машинкой с тупыми зубьями, осыпая хлюпающий калганчик проклятиями и подзатыльниками.

Помню старый деревянный трамвай с рекламой 3%-го займа на крыше: веревка вдоль окон, тормозное колесо рядом с местом кондуктора, звонки, грохот и колыханье, визг стали на поворотах. Кондукторша тогда с места не сходила, сидела барыней: «На передней площадке, передаем на билеты!» Передавали. Двери не закрывались, большие парни на ходу соскакивали где хотели. Их ругали.

Почетные грамоты работникам несли уважение, ими гордились, хранили. Хранят до сих пор, смеются да хранят. Портрет на Доске почета у проходной возносил трудягу до небес. Недавно пожилая доярка показывала мне платок – подарок от райкома партии за рекордные надои, сорок лет хранит, ни разу не надевала. Она счастлива тем годом, она уверена, что *пожила*, и только калека с примерзшими к компьютеру мозгами решится ее разубеждать.

1961. Наша весна

Весна 1961-го. Планетарная весна, планетарная любовь: люди, страна, планета – всё моё, мы все едины, мы счастливы. Где-то там, на другой стороне Земли, копошится вредоносный старикашка «дядя Сэм» в звездно-полосатом цилиндре, но что он может против нас, против нашей весны!

И тут – как подарок – Юра Гагарин. Ясным апрельским утром голос Левитана по радио: «Передаем важное правительственное сообщение...»

Мурашки по коже от голоса Левитана. Вот уж кто умел говорить о веках без фальши. Нараспев:

«Слава в веках первому космонавту Земли!

Слава советским ученым, конструкторам, инженерам, техникам и рабочим – покорителям космоса!

Слава советскому народу – народу-творцу, народу-победителю!

Слава родной Коммунистической партии – вождю и организатору всех наших побед!

Вперед к коммунизму!»

Ура! Такой позовет – безногие встанут и пойдут. Колоннами, с флагами, с песней, хоть куда – лишь бы вместе.

И Никита Сергеевич на трибуне с белым голубем на ладоши. Наша весна.

Гимн кому? Влюбленному человеку!

Захочет он – взлетит в ракете,

Изменит русла древних рек...

И, широко шагая по планете,

Идет влюбленный человек!

Готов трудиться он на славу,

И я нисколько не шучу –

Ему любой маршрут по праву,

Любое дело по плечу!

Если вдуматься – жутковатый текст. Но вдумываться я лично еще не умел. Хотя пора бы, у меня были уже две проблемы: горячий суп дома и дисциплина в садике. О эта дисциплина! Эти грозные напутствия по утрам: «Веди себя хорошо!» – и вопросы вечером: «Как ты себя вел?»!

Это при том, что хулиганом я не был. Настоящих хулиганов у нас в садике привязывали к шведской стенке скакалкой, укладывали в постель без трусов или ссылали в чужую группу – нарушитель выл белугой, цеплялся за косяки, терял сандалии...

Зато после садика был бесконечно длинный оранжевый вечер.

Частная жизнь в ту пору не умещалась в квартирах, вылезала во дворы. Взрослые играли в волейбол после работы, танцевали во дворах под Кристалинскую – летом это было каждый вечер. Парни мастерили деревянные самокаты на подшипниках и с грохотом гоняли вокруг дома.

Парни, парни – это в наших силах:

Землю от пожара уберечь! – гремело радио.

А то затевали строить ходули. Качели. Подкидные доски – как они прыгали, наши парни, на этих досках: выше облаков!

На лавочке соседки судачили про новые деньги. С 1 января деньги ходили нового образца и меньшего достоинства. А пучок лука на рынке как был 10 коп., так и остался. И Кубу бомбят...

В Перми застраивался микрорайон Городские горки: бульвар Гагарина и улица имени национального героя свободолюбивого конголезского народа Патриса Лумумбы, зверски убитого проклятыми колонизаторами.

1962. Эра синтетики

Ждали лета. С наступлением сезона пермяки семьями отправлялись отдыхать на юг. Такси, самолет и море в 1962 году были доступны и слесарю, и учительнице. Такси – первая модель «Волги», опоясанная шашечками. Самолет – реактивный лайнер Ту-104, в нем никого не тошнило, не то что в Ил-14. Море – Черное: Кавказское побережье, Крым. Все – к морю.

Там, конечно, давка. Теснота, духота, горячая манная каша, детские капризы, шлепки, дикие очереди всюду. Зато – море. Волны! Георг Отс:

*Самое синее в мире –
Черное море мое!*

Через месяц возвращаешься домой загорелый, глядишь в окошко такси – города не узнать, кругом новостройки: где был забор, там дом заселяют, где ломали «частника», там котлован. Мама, папа, а вон новый асфальт! Можно мне на велосипеде? У меня уже был велосипед.

Велосипед назывался «Школьник». Я ходил по нему с ума. Велосипеды тогда выпускали нормальные и «дамские»: ущербные, без рамы (для девочек). Бестолковые родители купили мне «дамский», и мне приходилось кулаками, палками, плевками и камнями добиваться уважения сверстников. Забавно, но подлый народец, дразнивший меня непонятными словами, под палкой удивительно быстро проникся и полюбил мой велосипед. Мы стали верными друзьями и иногда даже менялись великами.

Велосипеды мы часто оставляли в подъезде на ночь. Воров не было. Воры и грабители были в кино, у нас были пьяницы и хулиганы. Пьяницы – небритые смешные мужики, мы встречали и провожали их, как клоунов, мы помирали от них со смеху. Хулиганы – старшие парни, которые в темное время суток бродили компаниями, курили и, предположительно, могли обидеть ребенка. Поэтому ребенку в это волнующее время надлежало спать.

Слово «гулять» мы понимали по-своему: гулять – значит бегать. Позвали домой ужинать – «Меня загнали». Между едами самый смак – пулей слетать домой и пулей вылететь обратно с куском черного хлеба с маслом и сахаром. «Сорок семь – делим всем!» – орет пацанва. «Сорок один – ем один!» – отбивается обладатель бутерброда, но скоро сдается ради еще одного удовольствия – дать откусить каждому из своих рук. Подвижные игры тех лет: чур-не-моя (горелки), сопки (царь горы), штандар, уголки, белочки-собачки, лапта, городки, нагонялы, вышибалы, ножички (не очень подвижная игра), цепи кованые, казаки-разбойники, 12 палочек, 12 записок, войнушка, чехарда, футбол. Велосипед! В то время была манера разбивать клумбы посреди дороги – приходилось объезжать. Клумбы огораживали кирпичами, под кирпичами жили симпатичные жуки.

Осенью – первый раз в первый класс. В классе массивные деревянные парты с откидными крышками (которыми так

весело хлопать). Чернильницы-непроливашки – чернила они действительно не проливают (пока не потрясешь как следует). Кляксы. Промокашки. Ручки со стальными перьями, перочистки мы делали сами на уроке труда из тряпочек. На уроке чистописания трудились до потери пульса над «жирными» линиями и «волосьяными». Авторучки нам разрешили в пятом. Они были с закрытым и с открытым пером, с пипеткой и со штоком, бороться и бегать на переменах с авторучкой в кармане было чревато чернилопролитием и порчкой.

Один старшекласник за школой показывал чудо – самодельный радиоприемник в мыльнице! При этом он страшно переживал за свою безопасность, из чего я заключил, что радио священо, и что негоже кому попало запикивать его в мыльницу. И еще мне ужасно захотелось, когда я вырасту, сделать то же – запикинуть. Год жизни в сто строк текста, например.

Началась эра синтетики. Новый стиль жизни. Он был толково синтезирован в соответствующих кабинетах и успешно введен в массовое сознание. Лозунг «Химию – в жизнь!» сработал на сто процентов: в нашу жизнь вломились полиэтилен, оргстекло, пластик – новые материалы, новый футур-дизайн. Нейлон просто взорвал советскую эстетику и задел саму нравственность. В моду вошли нейлоновые блузки фривольной прозрачности, «газовые» шарфики, легкомысленные шубки из искусственного меха, капроновые чулки, «черевички» на кожимите. Поваяло пижонством.

1963. Очереди за хлебом

В 1963 году в подвале нашего дома работал детский клуб имени Павлика Морозова, и никого там не пытали и не расстреливали. Классный был клуб. Как мы тогда говорили, «законный». Мамаши по своей инициативе собрали книжки, настольные игры и устроили детям счастливую жизнь: темными зимними вечерами вместе читали Пушкина, играли, пели. Смотрели диафильмы: сидели кучей на полу перед экраном, крутили ручку по очереди, а один читал подписи – старался невероятно. В воздухе было разлито неподдельное братство, волшебство и запах сырых валенок. Там я научился играть в шахматы.

22 апреля, в день рождения вождя, у кукольного театра катали на машине! В открытом кузове, на ветру, в трепете флажков мы пели сами по себе, без команды «Пусть всегда будет солнце!».

И оно было. «Кукурузник» летал над городом, разбрасывал цветные бумажки – листовки. Они долго мерцали в вышине, мелькали, вспыхивали на солнце – мы с разинутыми ртами и с расставленными руками, как замороженные, выбегали на дорогу, лезли напролом, напрямик, ловили, рассматривали... А там была агитация.

Потом выстроились очереди за хлебом. По радио объясняли: засуха. В очередях говорили: Лысый доигрался. Сеять на самолетах выдумал. Много чего говорили в очередях. Коммунизм потух в очередях 63-го.

Хлеба не было. Была кукуруза в початках, маринованная в банках (14 коп.). Хозяйки пекли кукурузные лепешки, кляня Лысого с его коммунизмом, скупали последнюю вермишель и размачивали ее на оладьи. Стирального порошка не было, мама терла хозяйственное мыло на терке и засыпала в стиральную машину со странным именем «Белка».

Полет Терешковой в этой связи обрадовал не всех. Эйфория прошла, люди уже поняли, что всему народу в космос не улететь: кто-то будет летать, кто-то по земле ползать.

Из земных радостей главнейшая – кино. «Коллеги», «Последний дюйм», «Деловые люди», «Полосатый рейс», «Королева бензоколонки», «Балтийское небо», «Друг мой Колька», «Королевство кривых зеркал».

Детские сеансы в домах культуры были испытанием на выносливость: сперва давка в дверях, чтобы занять место, в течение сеанса гогот по поводу и без повода, а когда пленка рвалась – ну, тут будто «ирективный» самолет взлетал, такой подымался свист.

Осенью в дождь под грибком – игра: угадать название фильма по первым буквам. Обычно скоро переходили к анекдотам про Хрущева.

Вот один. Старый дед пошел в кино «Шайку бритоголовых» смотреть. Посмотрел кинохронику и, пока пленку перезаряжали, встал и ушел: думал, конец фильма. Дома бабка спрашивает:

– Ну, как «Шайка»?

– Шайка на «Волгах» ездил, а главарь в кукурузе прятался.

Слушатели давятся от смеха и блудливо озираются: никто не слышит?

Или вот еще. Сфотографировали Никиту на свиноферме для газеты. Стали думать, как снимок назвать: «Хрущев среди свиней» – нехорошо (*слушатели давятся от смеха*), «Свиньи с Хрущевым» – тоже не годится (*слушатели уже хохочут*). Вышла газета со снимком и подписью: «Третий слева – Хрущев» (*слушатели падают*).

Отсмеявшись, кто-нибудь непременно шикал:

– Тихо ты, а то посадят.

За анекдоты никого не сажали. По улицам ездили мрачные «воронки» – собирали пьяных, форма у «мильтонов» была темно-синяя: китель, сапоги, галифе с красным кантом и маленькие фуражки с красными околышами.

В моду вошла новая игра – бадминтон.

1964. Здоровеньки были!

Первомай в 1964-м. На шариках голубь мира, символ хрущевской эпохи. «Мы за мир!» Ура-а!

Гулянье весь день. Помню деревянную карусель с верблюдами в саду Горького, жуткий аттракцион «Мертвая петля», комнату смеха. Деревянный летний театр там же, в Горьковском, скамейки под открытым небом, на сцене духовой оркестр Пермского гарнизона под управлением Лицмана. Мороженка стоила 9 коп. Трамвай тогда шарашил напрямик по Карла Маркса до самого оперного.

В Перми много мотоциклистов, все без шлемов. Единственная иномарка в городе – скорая помощь «Шкода» (Чехословакия). На Компросе фонари с «ананасами», крашенные «серебряной» краской, перед 9-й школой памятник Ленину с кепкой в кулаке, крашенный «бронзой». К лету над витринами магазинов навешивали козырьки – полосатые с оборками маркизы.

Популярны мотороллеры «Тула», мотоциклы «Чезет» и «Ява» (опять чешские, как та иномарка «Шкода»). «Явы» –

вишневые, с колясками и без, оборотистые, красивые – пижонские мотоциклы. Владельцы «Яв» первыми надели шлемы – потому что стильно.

Девочки играли в «классики» «чечкой». Мечтали о каблучках-шпильках, подпирали пяточки деревянными катушками из-под ниток. У старшекласниц в моде был пышный начес на голове. Их мамы делали перманент и выпускали на лоб две прядки – «завлекалочки». Секрет прически «тюльпан»: для пышности модницы подворачивали внутрь рваные чулки. В таковых недостатка не было, капроновые чулки при малейшей зацепке давали стрелку – длинную прямую прореху. Дамская мечта – капроновые чулки особого плетения, «нервущиеся». На ногти наносили хищную красную полосу вдоль.

Младших мальчишек стригли под «полубокс», старших – под «канадку». В школе носили форму военного образца: мышиного цвета китель с желтыми пуговицами, ремень, фуражку с желтой эмблемой – раскрытая книга в дубовых листьях. Обязательны белые подворотнички, их чистоту в классе проверяли «санитары». Обязательна на груди октябрятская звездочка с кудрявым Володей. Самые распространенные имена в школе: Люда, Наташа, Саша и Сережа. Немодные имена – Иван да Марья.

Вдруг сняли Хрущева. Поставили какого-то Брежнева. Стали писать о «позорном десятилетии», о «волюнтаризме», потом вдруг замолчали наглухо.

Пик строительной моды на крупнопанельные дома. Домаскороспелки подарили жильцам идеальную слышимость и проблему вбить гвоздь в стену. На кухне синие до плеча панели, выше – побелка, ниже – газовая плита с черной чугунной «декой», алоэ на подоконниках – у всех. Самодельная печать на панелях: ромашки по трафарету. Идеал советского мужчины – мастер на все руки. Идеал женщины – добытчица корма. Мужчины строили мебель из щепок, женщины готовили лакомства из ничего.

Радость в доме: купили телевизор! «Сигнал» называется, 348 руб. с рассрочкой на 8 месяцев, первый взнос 88 руб. (это дорого: средняя зарплата трудящихся – 78 руб.; бутылка водки – 2.87). Дикторша-зануда читает по бумажке

«Вести с полей». Но вот удача – концерт Людмилы Зыкиной, «Лён»:

*А тот, который нравится,
Не в меня влюблен...*

Обожали Зыкину.

Тарапунька и Штепсель, разговорный жанр 1964-го, с фирменной фишкой: «Здоровеньки булы!» – мягкий юмор, русско-украинские каламбуры. Райкин был поострее.

Образ пьяницы в народе: красный нос и песня «Шумел камыш...».

Почему именно она? Загадка.

1965. Твист! Танцуют все!

Проигрыватель-чемоданчик «Концертный», стопка пластинок в простеньких, вечно перепутанных конвертах, пыль столбом – молодежь оттягивается под Миансарову:

*Руди-руди-руди-руди-ри,
А по-русски – рыжик.
Руди-руди-руди-руди-ри,
Окажись поближе.*

Новый танец твист. Телодвижения отвратительные: советские юноши и девушки извиваются, выгибаются, поднимают руки, будто снимают платье. Хуже рок-н-ролла!

Хуже!

В стране канун 20-летия Великой Победы. По телевизору идет «Вызываем огонь на себя» – 1-я, 2-я, 3-я, 4-я серии. А они извиваются.

Кругом победы. Наши хоккеисты разбили шведов, как под Полтавой, – 5:3; чехов – 3:1; канадцев – 4:1; американцев, как стоячих, – 9:2! Рев болельщиков и срывающийся тенорок невидимого Николая Озерова: «НАШИ РЕБЯТА – ЧЕМПИОНЫ МИРА В ТРЕТИЙ РАЗ!!!» А эти выгибаются.

Леонов вышел в открытый космос. Приземлился с Белявым чуть не перед школой. А эта зараза, твист, уже и октябрят наших скрутил – дети задергались:

*Я пушистый беленький котенок,
Не ловил ни разу я мышей...*

Наши фигуристы – лучшие в Европе, лучшие в мире! Торжество советской идеологии на всех фронтах. Народ кивает, а сам аполитично любит ножками фигуристок. Чемпионат Европы в Москве, чемпионат мира в Колорадо-Спрингс. Голос под куполом: «...файв-найн...файв-найн...», волнение, и вот – золотые медали за парное катание у Людмилы Белоусовой и Олега Протопопова. Экстаз. Всенародная любовь. Спорт, конечно, праздник и все такое, но ведь фигурное катание – это не что иное как советская эротика: короткие юбочки, плапочки в тон, умелые ножки – и все это под музыку.

Где еще такое увидишь? Кино, эстрада – все кастрировано, везде истуканы... Да, еще на балете! Но там сушенная эротика, а на фигурном катании – сочная. Позже появился гибрид – балет на льду, потом водный балет (это когда девочки из воды ножку высовывают), мюзик-холл... Буржуазная идеология лезла во все щели. Здоровые силы боролись. Писали письма во все инстанции, били во все колокола, били по всем обтянутым задницам. Они чувствовали (интересно чем?), что ВОТ ЭТО ВОТ, чему нет названия в советском словаре, угрожает самому строю. И они оказались правы. Ибо не «демократы» развалили страну к концу века, а девчонки своими попками – базовый инстинкт сработал, что вы хотите, нельзя его долго прятать.

Или надо было телевизор приравнять к множительной технике и опечатать.

А его вместо этого признали «растущей потребностью» каждой семьи. Телевизор дома накрывали ажурной салфеткой – уголком по центру экрана. Телевизору полагались комнатная, выматывающая нервы антенна и тяжелый до весок – автотрансформатор (позже стабилизатор, не менее тяжелый и совсем уже непонятный: ни ручки, ни индикатора – зачем он? И название дикое – «Олень»). Включаешь, а там заслуженный артист Муслим Магомаев оперным баритоном поет твист!

*А я иду тебе навстречу,
А я несу тебе цветы –
Как единственной на свете
Королеве красоты!*

1966. Знамя в розницу и сигареты «Спорт»

19 мая – день рождения Всесоюзной пионерской организации.

Не устаю восхищаться этой организацией. В ней была дьявольская красота.

Эти песни, салюты, рапорты, стенгазеты, ясность задач и яркость красок, взгляните:

*В синем небе я вижу зарницы
Золотых пионерских костров.*

Пионерская романтика увлекала детей стопроцентно. Но среди педагогов было столько дураков, а вокруг столько несоответствий – через год-другой звенящие детские души провисали и начинали болтаться. Девочки оставались преданными идеалам дольше мальчишек.

В первом классе всех принимали в октябрята, у них было десять заповедей, типа: «Октябрята – ДРУЖНЫЕ ребята».

Мальчик или девочка, склонные к задумчивости, назывались «недружными», их начинали воспитывать и вовлекать разными способами. Изучали жития пионеров-героев. До сих пор помню: Леня Голиков, Володя Дубинин, Марат Казей, Павлик Морозов, Зина Портнова, еще кто-то – каждый со своим подвигом. Сейчас-то я знаю, как сочинялись эти легенды, а тогда восхищение было искренним.

Хорошо помню прием в пионеры: волнение на грани обморока.

«Юные ленинцы! К борьбе за дело Коммунистической партии будьте готовы!» – «ВСЕГДА ГОТОВЫ!» – отвечали юные ленинцы со слезами воодушевления. Первый год воодушевление сохранялось почти у всех в классе. Выборы командира отряда, звеньевых – опять волнение: выберут ли? Хотелось. Красный галстук на шее действовал возбуждающе сам по себе и как знак принадлежности к дружине, к стране. Галстуки продавали в «Детском мире», и это было обидно. В том же отделе продавали и знамена, и вымпелы разных победителей, за которые следовало бороться не щадя жизни.

Цена знамени была 465 руб. 90 коп. Долго я стоял перед той витриной, страдая за свою маленькую веру... Придя домой, крошка сын спросил отца: «Почему?!»

Впервые в жизни мой всезнающий отец только вздохнул в ответ.

Во дворе шпана играла на деньги в «чику», «трясучку», «пристенок», курила папиросы «Север», сигареты «Спорт» (тема для шуток). Благодетельные дети копили этикетки со спичечных коробков. Страстная мальчишеская мечта – папка с «молнией» вместо дерматинового портфеля. На физкультуру полагались черные сатиновые шаровары, девочкам – «пыжик», ультракороткие шаровары. Маленькие женщины тайком подворачивали лишнюю материю под резинки – вовсе не затем, чтобы кого-то там соблазнить, им и в голову это не приходило! Просто для таких маленьких «пыжиков» материи было многовато... На ноги надевали чешки, если в зале. На стадион – кеды. Зимой выдавали лыжи с ботинками на полужестких креплениях.

Брюки в ту пору заглаживали в стрелку до бритвенной остроты. Ткани «костюмное трико» тогда были ужасно мнучие: брюки приходилось утюжить каждую неделю.

Проблема 1966 года: МОЖНО ЛИ ЖЕНЩИНЕ НОСИТЬ БРЮКИ? Одна девочка в десятом классе пришла в школу в брюках. Был скандал, истерика.

Перемены в домашнем интерьере: обязательен торшер, журнальный столик и «полумягкое» кресло. Напротив – телевизор, тоже на ножках, все на ножках. Стены комнаты было модно красить в разные цвета, самые отважные пижоны чертили на стенах геометрические фигуры и полосы. За них было страшно: отщепенцы, пропащие люди. Любимая телепередача – КВН с молодым Масляковым:

*Берите в руки карандаш,
Мы начинаем вечер наш
Веселых любознательных друзей!*

Еще – веселый «Кабачок 13 стульев» с панами Директором, Спортсменом, Вотрубой, Гималайским и разными обязательными пани. Интриговала странная дружба пани Моника с паном Профессором: что-то между ними было! Не зря же он ее так слушался.

1967. Сто грамм и пирожок

1967 год. В нашем словаре «хунвэйбины», «цзаофани», «дацзыбао» – китайская экзотика. Самая интересная тема политинформаций – «Положение в Китае». Там, в Китае, судя по фотоснимку в газете, какой-то необъяснимый кошмар: много-много узкоглазых китайцев в одинаковых кителях и картузах терзают седого китайского старика. А потом бегают с винтовками по кругу или стоят и неистово кричат, держа перед собой цитатники Мао.

Все наши «пионерские дела»: металлолом, макулатура, стенгазета «Фонарик» (младший брат «Комсомольского проектора»), культпоход в музей «Подпольная типография», равно как дела комсомольские и вообще все ДЕЛА в нашей сказочной стране, – посвящались славной дате, 50-летию Великого Октября. Юбилейная трескотня была оглушительна: кимвалы, литавры, фанфары весь год, с ума сойти. Уж не в тот ли год я научился материться? Свои красные галстуки мы в пятом классе уже носили в кармане, это точно. Пионерские сборы: проблема дисциплины на уроках. Помню людоедский призыв тоненьким девчачьим голоском: «Исключить его из пионеров!» Страшная кара, исключаться не хотелось никому.

Первая шариковая ручка в нашем классе появилась в 67-м. Ее простота вызвала пренебрежение, и напрасно: через пару лет паста вытеснила чернила. На Центральном рынке был пункт заправки шариковых ручек, где перемазанный синей пастой с головы до ног инвалид наполнял пишущие стержни за 8 коп. Трамвайный билет стоил 3 коп. Столько же стоил стакан газировки с сиропом: на улице стояли тележки с двумя мензурками на штативе – апельсиновый и малиновый сироп на выбор, газ – из баллона, вода – из трубы. Детей завораживали фонтанчики для мытья стаканов. Сиропы завораживали пчел. Одну копейку стоил стакан газировки «безд сиропа» (второгодник Иван Семенов).

На смену продавщицам скоро пришли автоматы – как, кстати, и обещала Партия, – но «светлого будущего» не получилось: народ стал совать в автоматы всякие шайбочки, бить автоматы кулаком, взламывать кассу и воровать стаканы.

В транспорте железные кассовые аппараты взвешивали мелочь (3 коп. трамвай, 4 – троллейбус, 6 – автобус) и отрезали билет посредством рычага сбоку. Народ и этих железных продавцов с удовольствием бил по затылку – якобы механика заедает. Мальчишки их обманывали теми же шайбочками.

Крайне любопытный был опыт со стеклянными кассами. Никакого взвешивания: покрутил ручку – и отрывай себе хоть сто билетов. Но! Кто, что и сколько бросил, было видно под стеклом. Это чтобы люди стеснялись хитрить!

В то время была мода на роботов, вообще на технику. Журнал «Техника – молодежи» публиковал описания роботов – самодельных человекоподобных «секретарей». Мой отец склепал самодельный автомобиль. Ездил.

Народное изобретательство вообще достигло в ту пору фантастического развития. Если бы спиртовой вентиль не перекрыли, то скоро какой-нибудь местный Кулибин запустил бы из подполья свой собственный, ЧАСТНЫЙ, спутник. Дело в том, что к 1967 году в стране заместо неработающей экономической системы сложились неформальные производственные отношения по схеме «сто грамм и пирожок». Люди сами решали свои проблемы – частным образом. Работяги разных цехов и итээры договаривались между собой о шабашках для дачи, «для дома, для семьи» – и все за спирт. На заводах спирт лился рекой, растекался ручейками, выносился за проходную во фляжках самых замысловатых конструкций. Спирт воровали, вымогали у мастеров. За спирт можно было выменять хороший инструмент, сырье, продукцию, первое место в соцсоревновании, выбить фонды в главке. Спиртом опаивали комиссии, платили художникам, коммунальщикам, артистам, за спирт можно было построить дачу и, шутили, коммунизм.

Грипп лечили норсульфазолом – 6 таблеток в картонном пенальчике. Сульфадимезином лечили горло. Еще были порошки в конвертиках.

Пластинки – моно. Жизнерадостный Владимир Макаров в скачущем ритме пел:

*Нам столетья не преграда,
Нам столетья не преграда,
И хочу я, чтоб опять*

*Позабытым словом «лада»,
Позабытым словом «лада»
Всех любимых стали звать!*

Мне больше нравились другие песни: «Здесь вам не равнина – здесь климат иной». Вышел фильм «Вертикаль», там был Высоцкий. Мне так и сказали: «Пойдем, там Высоцкий»... А «Ладой» через три года назвали любимый всеми автомобиль.

Джинсоподобные штаны у нас назывались «техасы»: желтая строчка по синей ткани, много карманов, заклепки. Никакого ажиотажа, уличные штаны.

Первая рюмка: с друзьями втихаря отпили батиного «модельвейса» (спирт, кофе, лимонный сок), прокашлялись и – на демонстрацию, девок пугать.

Таскали у родителей презервативы (4 коп. пара), надували их или наливали воды из-под крана, литра три, и сбрасывали с балкона девкам под ноги. Говорили, кто-то на спор налил в презерватив три ведра. Еще можно было подбросить «резиновое изделие» соседке в дневник. Такой юмор, и без Фрейда все понятно.

Л.И. Брежнев на юбилейном заседании сказал: «Будущее Страны Советов станет таким, каким его сделают сегодняшние октябрята, пионеры и комсомольцы». Дорогой Леонид Ильич оказался прав: так оно и вышло. Сделали.

1968. Шейк на «бану»

Танки в Праге пермские трудящиеся одобрили, как всегда, единодушно и с чувством глубокого удовлетворения. Прага далеко, а тут, в Перми, у наших родителей были заботы поважнее: где достать остромодный плащ «болонья», например, или нейлоновую сорочку. Плащи были польские, сорочки – чешские. Если загулявший муж снимал нейлон через голову, не расстегивая пуговиц, то в темной комнате становилось светло от искр, и жена просыпалась. Манжеты застегивали запонками.

Мне запонки не полагались по возрасту. А по убеждениям мне вообще полагался расстрел на месте: в шестом классе

я попытался подорвать учительницу самодельной бомбой. Огромная злая дура, она должна была преподавать нам русский язык и литературу, а преподавала ложь. Она была вся пропитана ложью и деспотизмом – с нее прямо капало. Я сколотил террористическую группу (которая развалилась при первом шухере), изготовил снаряд устрашающего действия, заложил его учихе под стол и... был взят с поличным. Взрыв даже не понадобился – такой силы был скандал. Враг мой бился в истерике, я гордо горел на костре за правду – лучшей участи не выдумать. Из школы меня не выгнали. У меня были «пятерки» по русскому, не говоря уже о литературе, и свести акцию к личным счетам им не удалось. Отец меня понял. У меня классный отец, как тогда говорили, «путёвый батя».

Летний отдых для детей в то время был организован идеально. Детсады выезжали на дачи, школьники – в пионерские лагеря, спортсмены – на базы, туристы – по маршрутам, больные дети – в санатории «Мать и дитя». И все практически бесплатно. Родители ценили в лагерях дисциплину, дети, наоборот, ее отсутствие. Лучшее место на планете – спортлагерь «Звезда» образца 1968 года. Теплая Сылва, горячие сосны, скалы, палатки, никаких вожатых и воспитателей – тренеры, и деление не по возрасту, а по секциям: «Гимнасты, штанга, фиг-катание, баскетбол – на завтрак!» Тренировки два раза в день, кроссы по горам до хрипа, купание вволю. Танцы каждый вечер, с фигуристками.

Начальник лагеря – седой акробат-низовик с мускулатурой Геркулеса. Как он колол дрова позади столовой – песня, античный гимн. Врачу нечего было делать: полный лагерь здоровых, красивых людей. А наш тренер? А пловцы на воде? А футболисты на поле? А наши девчонки-гимнастки, грация и пластика? Всяк в своей стихии – бог. Вот место, где никого не обманешь, вот где правда.

Радиозузел крутит модные песенки: «Самолет поднимается выше и выше...» – Анатолий Королев, «Ходит одиноко по свету одиннадцатый мой маршрут...» – Валерий Ободзинский. Радиоприемник на батарейках называли «транзистор».

В 68-м в моду входит шестиструнная гитара. Гитарная эпидемия. Именно болезнь: молодежь бредила гитарой, заводилась от резкого медиаторного звука. «Поющие гитары»

почти не пели, этого не требовалось, они лабали «инструментал», навороченный неслыханными электронными эффектами (вибрато, реверберация): «Апачи», «Цыганочка».

Новый поп-шаблон – медленный запев:

Жил в горах целый век человек (пауза)

С бородой и по имени –

Шейк! –

и прорыв ритма, электрического, шагающего, никакой твистовой вертлявости, никаких саксофонов, новый танец шейк «долбали» только под электрогитары, и голос вокалисту полагался высокий, визгливый – ну вот как у Полада.

Гитары во дворах, в скверах – везде. По Комсомольскому (по «бану») гуляли, бренчали на ходу всякую дрянь в рок-н-рольной манере или «восьмеркой». Цыганским перебором, со слезой, исполнялся ночью спящему городу романс «Дорогая пропажа». Позже мы узнали, что это Вертинский, опальный, как и мы. Такое вот неожиданное родство душ: на волне подростковой отверженности, необъяснимого сиротства и глобальной тоски по идеалу.

Что вкусного? Конфитюры болгарские. Зеленый горошек венгерский «Глобус» в железных банках. Шоколадные конфеты «Ромашка», «Маска», «Василек» – 3.50. Изредка попадал на зуб «Мишка косолапый». Самые дорогие – «Трюфели» – 8 руб. за кг. За пределами разума были шоколадные зайцы в цветной фольге – 9 руб. штука, никто их не покупал, они годами стояли на самой верхней полке витрины.

Народные конфеты: леденцы в круглой жестяной банке (10 коп.), «подушечки» «дунькина радость» (50 коп. кило), ириски «Золотой ключик», «Кис-кис» (1.40), твердая карамель «Дюшес», «Барбарис» (1.80). Не переводились финики вяленые (80 коп. кило). Косточки фиников мы втыкали в цветочные горшки, рядом с алоэ, – замышляли пальму. Грызли брикеты какао с сахаром (8 коп., на морозе обалденно вкусно). «Рачки», «Гусиные лапки», к Новому году – мандарины, если повезет.

Малышня копила фантики, собирала их под дверями магазина «Белочка». «Сгущенка» стояла 55 коп. Сгущенный кофе с молоком (77 коп.) никто не брал, пирамиды банок стояли на витринах. Растворимого не видали, кофе молотый был с цикорием, говорили: из него КГБ выпаривает кофеин.

1969. «Дрянск»-антисоветчик

«Мы рады вас приветствовать, товарищи ребята!» – запевали два взрослых лоботряса Лившиц и Левенбук. – «Конечно, если дома вы, а не ушли куда-то», – резонерствовал дедушка Николай Литвинов.

И все невольно припадали ухом, забросив все дела: «Радио-няня» в гости к нам пришла! Грешная троица валяла дурака с каким-то невероятным, преждевременным антисоветским блеском.

Все, что тогда делалось с блеском, вызывало восторг и опасение: ну ведь запретят же! Разрешено «блестеть» было: советскому балету, советскому космосу, советскому спорту. Идеология мощно продвигала эти свои отрасли, она же их и губила, лишала простого человеческого смысла. Она не дура, идеология, просто она «мертвая вода». Так, в 1969 году в Стокгольме на чемпионате мира по хоккею сборная ЧССР дважды обыграла сборную СССР. Казалось бы, драма из частной жизни. Ан нет. Чехи нам мстили за нашу танковую прогулку по их столице, за свое унижение – это было ясно всем. Горечь и стыд. Еще стыднее было бы ВЫИГРАТЬ у изнасилованных танками чехов. Сволочи. Эти вонючие политики всегда отравляли людям жизнь.

Государство правило нравы своих граждан: в вытрезвители клиентов стригли наголо. Всех. До тех пор, пока у нас тут в Перми одна женщина не повесилась. По ошибке ментов (или по плану сбора) она попала в вытрезвитель, вышла стриженной и не вынесла надругательства. Еще одним человеком в СССР стало меньше.

Магнитофон – антисоветская машинка. Это он привел в наши дома «Битлов», Высоцкого, позже Жванецкого. Магнитофоны: огромный трехмоторный «Тембр» («гроб с музыкой»), рижский «Aidas», брянский «Брянск» по прозванию «дряньск», на нем «только с горки кататься». Пленка на катушках – тип 2, ломкая (склеивали уксусом, спьяну – вареньем), лучше – тип 6. В «магах» всегда что-то заедало, кинематику надо было подпирать отверткой, оттого советская техника работала без верхних панелей или вовсе «раздетая».

Насчет «Битлов». Сперва прошел слух: битлы, о! Потом стоим мы во дворе, и вдруг Шардак кричит наверх: «Репа! Сделай погромче!». Репа у себя там, на четвертом этаже, прибавляет звук – немного, осторожно, и из окна выпрастывается частями этот джинн – «The Beatles». Я сдался ему не сразу: подумаешь, битлы, Репина музыка, высокими противными голосами поют что-то на ненашем языке, вертлявое, даже не шейк.

Потом зауважал, завибрировал в унисон со сверстниками всего мира. Как эти вибрации нам, советским подросткам, в те годы передавались – непонятно. Загадка природы, мистика какая-то. Ведь мы были надежно экранированы железным занавесом, удалены в глубинку, выращены в закрытом городе в особой среде... Не понимаю. Просто помню: влюбился в *иное*. Незнание языка позволяло наделять чужие песенки своим смыслом, я сел в чужой поезд со своими грезами – и уехал. И мне было хорошо – ехать. К тому же нас было много, у нас появилась своя тема, СВОЯ, недоступная старшим.

Добывали фотки, записи из десятых рук, аккорды, копировали мотивы – уезжали. Не в Америку, конечно, и не в Ливерпуль. Дальше.

А по «Маяку» играл сочинения Людмилы Лядовой ансамбль электромузыкальных инструментов под управлением Мещерина. Мертворожденная музыка. Новинка – ВИА: «Поющие гитары», «Веселые ребята». Живые, но бледные копии «Битлов», адаптированные под наше Министерство культуры.

*Трудно было человеку
десять тысяч лет назад:
Он пешком ходил в аптеку,
на работу, в зоосад.*

Юмор «Поющих»: аптека десять тысяч лет назад. «Добры молодцы» с гитарами выступали в красных сапогах на сцене пермского Дома офицеров, с ними в связке приезжала Бичевская.

Подростковая мода во все времена была «хулиганской». Весной 69-го парни носили пальто с устрашающе поднятым воротником и резиновые сапоги с вывернутыми голенищами.

Никаких головных уборов: все вокруг должны видеть, какие у тебя замечательно длинные волосы, как дико они лезут на уши и спускаются на нос. Немытость волос прибавляла куражу. Если надел кепку, не снимай ее нигде: ни в школе, ни в кинотеатре. Уважающий себя семиклассник пионерский галстук носил в кармане и надевал его только в случае крайней опасности со стороны директора школы, не ниже.

Драки назывались «махаловками». Ценились солдатские ремни как оружие, офицерские – как понт. Боец накручивал ремень на руку одним щелчком и размахивал увесистой бляхой, как кистенем.

Мечта юного спортсмена – синяя «олимпийка». Классический шерстяной «олимпийский» костюм с белой полосой по рукаву и с молнией от груди до носа стоил 90 руб., большие деньги. Мастерам спорта их выдавали бесплатно. Девчонкам гимнасткам-первокурсницам выдавали тонкое, облегчающее ногу «трико», позже получившее всенародную известность под названием «колготки». С 70-го года колготы стали носить женщины всех возрастов. Кончилась эпоха поясов с резинками.

У мужчин, кстати, тоже были резинки – под коленом, для носков. Носки-то раньше были хлопчатобумажные, сползали... Безразмерный «эластик» в конце 60-х упростил мужскую жизнь, ускорил снятие-надевание, прибавил динамизму приключениям.

Появились магазины самообслуживания. Сперва булочные. И вот еще, автопоилка в кафе «Спутник»: бросил полтинник – автомат отпускает тебе стакан крепленого вина. Несовершеннолетние радовались, а взрослые мужики ворчали: автомат бессовестно недоливал.

По достижении четырнадцатилетнего возраста всех повели в ВЛКСМ – тот самый, у которого шесть орденов и «демократический централизм».

Стало можно носить гражданский галстук. В моде были короткие, до середины груди, с крупным узлом. У пиджака маленький вырез, лучше всего круглый под горло, как у «Битлов» на фотке.

1970. Про любовь

Лупа времени, круглая, как юбилейный рубль с профилем вождя. Его тоже кто-то любил, вождя.

А мы любили шоколад «Аленка» за 80 коп. Мы были «акселераты», взрослым мужским басом мы выкрикивали на собраниях детскую чушь. В кино «до шестнадцати» нас уже пускали без вопросов. И напрасно, ничего мы в кино не видели, кроме намеков на интим. Зарубежные фильмы были откровеннее наших, но случались недоразумения. Так, однажды в школьной «курилке» прошел слух, что в ДК Свердлова идет «Испорченная девчонка». Побросав «бычки», мы рванули туда, по пути «нашкуляли» денег на билеты, купили, сели – а кино оказалось про малолетнюю воровку. Ничего «такого», ноль. В огорчении мы переломали стулья и убежали. Зато в фильме со спортивным названием «Спартак» мужик держал бабу за грудь целую минуту. Через пару дней грудь из фильма вырезали. А вот интересно, кто этим занимался? КГБ? Облит? Да сами киномеханики, заразы, вырезали «клубничку», делали из нее слайды и угощали друзей!

Любили «Анжелику», ох как мы ее любили... В «Комсомольце» шла, третьим экраном, за билетами – убийство. Оттуда уже ничего не вырежешь, там вся ткань фильма пропитана аристократической похотью. «Анжелику» просто сняли с проката, чтобы советского зрителя не нервировать.

Любили футбол. В период игр над городом носился рев болельщиков. Гнезвился он на стадионе «Центральном» (ныне «Юность»), там наша «Звезда» встречалась с «Пахтакором», за их свиданием мы подсматривали через щели забора и с окрестных крыш.

Любили пластинку Ободзинского. Ту самую:

*Льет ли теплый дождь,
Падает ли снег –
Я в подъезде против дома
Твоего стою.*

Аранжировочка там была – нормальная. «Зарубежную эстраду» обожали, она к нам тогда просачивалась по капле. Вот ее рейтинг по возрастанию: сперва эстрада соцлагеря – Караклаич, Димитров, Готт; над ними – польский рок

(«Червоны гитары», «Скальды», о! Марыля Родович – она первая вышла на сцену в рваном пончо!), французов не было в природе. На самой вершине господствовали англоязычные исполнители. Боги из богов – надсадные крикуны с мощной бас-гитарой, «drive and shout», грязный «shout». Чистый звук мы прощали только «Битлз». Вкусы других людей для нас не существовали. Любая чужая музыка для нас была лажа.

«Лажей» – чужой музыкой – для нас было вообще все вокруг: помпа 100-летия Ленина, всенародный субботник, лунный трактор, дурацкие тиражи «Спортлото» по телеку, конкурсы «А ну-ка, девушки!», «А ну-ка, парни!» – всё подлежало осмеянию и уничтожению. Или вот еще – какой-то писатель Солженицын из Москвы «настучал» на нас, на нашу кривую жизнь, иностранцам. Да у нас в лагере за это делали «темную»! Но в этом пункте между нами, парнями, согласия не было. «Темную» Солженицыну делала газета «Правда», от которой нас тошнило, приходилось мыслить – так наша стая распалась на индивиды. В 1970 году в Перми судили «тайное общество» – молодых людей, собиравшихся по ночам у сторожа детсада не вино пить, а читать диссидентскую литературу – «Хронику текущих событий» московских правозащитников. Посадили не всех. Мир становился сложнее.

Становились сложнее магнитофоны. Портативный, на батарейках, катушечный – «Орбита», кассетный – «Весна» (у нас на электроприборном выпускали). Подумать только, теперь «Роллингов» можно было слушать на пляже! Излюбленный пляж – КамГЭС, там работали буфеты: «Солнцедар» с ресторанной наценкой стоил 1.70 – образцовая, кстати, мерзость, им «травили негров», «красили заборы», а дурачье вроде нас принимало внутрь, да еще в жару. «Солнцедар» давал невероятную отдачу в голову, потрясающие приключения и тяжелейшее похмелье. Читатель, выживший после «Солнцедара»! Жму твою лапу, ты знаешь жизнь.

«Битлов» путали с хиппи, с битниками. Почти ничего не знали ни о тех, ни о других, ни о третьих. По фотографиям кумиров отращивали волосы до плеч и распускали клеши. С прическами блюстители нравов боролись тремя способами: осмеянием («Ты парень или девица?»), убеждением («Даже битлы постриглись. А ты?»), насилием (да просто ло-

вили волосатиков и стригли). А брюки клеёшь мы шили сами или у молодых портних – пожилые в резкой форме отказывались, и тогда мы вставляли в прямые брюки клинья от колена, цветные клинья – нате вам! Клеши накрывали туфли на высоком каблуке целиком и волочились по асфальту. Радикалы подшивали их бахромой, «молнией», гнутыми монетками. Любили мулт «Бременские музыканты» за точный образ волосатика и еще за талантливую пародию на западный рок.

Любили свою музыку активно, не то что нынешние. Мастерили своими руками звукосниматели и приспособивали их на простые гитары, втыкали в «кинап» – без штекера, так, на спичках, скорее и – громче, громче! Играли «Ventures» (в переводе с обожаемого английского *сплошной риск*)...

Лупа времени. Ровно тридцать лет назад, день в день, стояла жара. Я потел с конспектами в руках под палящим солнцем на крыше, безуспешно пытаюсь что-то выучить к экзамену и одновременно загореть, – двойная попытка. Конспекты были, конечно же, не мои – откуда у меня конспекты? Их дала мне девочка, которая меня любила. Ей ничего не надо было от меня, она была искренне рада, что я существую, что ей есть кому писать, не ожидая ответа. А я чувствовал себя идиотом, потому что ответить мне было нечем. Но я тогда понял простое правило: настоящая любовь никогда не говорит: «Дай», она всегда говорит: «На». Девочку звали Любовь. Через несколько лет она умерла от родов, мне сказали: «Ее больше нет». Я не верю этому, предпочитаю думать, что она теперь – ангел и реет между нами, спасая нас, давая нам шансы без счета и не спрашивая ни о чем...

1971. «Гулливеры» в «огороде»

В 1971 году мясо, если было, то стоило 1.90 за кг. Но его не было. В магазине «Мясо – рыба», который располагался на Компросе напротив «Кристалла», на лотке лежала груда трупов – синие куры с ногами и головами: бледный гребень, смертные бельмы, тощая волосатая шея. Ее надо было, ведьму, опалить на огне, четвертовать и хакакирить

перед готовкой. Но хозяйки говорят, те страшные куры были наваристее нынешних. Стоила «синяя птица» 2.20. Водка – 3.62.

Наступила эра Чебурашки. Первый показ мультфильма состоялся два года назад, и к 1971 году по стране разлилась всенародная любовь к ушастому «бомжику», который строил Дом дружбы. Лучший подарок ребенку – мягкая ушастая игрушка, книжка Эдуарда Успенского – Чебурашкиного папы, пластинка с голосом Клары Румяновой – Чебурашкиной мамы. «Чебурашками» называют детские сады, пивные бутылки, беззащитных идеалистов. Друг Гена – второй номер расчета. Все Гены в стране стали «крокодилы». Про Чебурашку слагают анекдоты.

Наступила эра Дефицита – могильщика коммунизма. Партия его породила (своими органами распределения), он и Партию, маму свою, схавал, Дефицит. Но не будем забегать вперед.

Мы жили хорошо, от временных трудностей не унывали. По воскресеньям слушали радиопередачу «С добрым утром!», восхитительный щебет: «Вела передачу Галина Новожилова, режиссер Лев Штейнрайх...» Вечером – «Встреча с песней», печальный голос Виктора Татарского: «Нам пишет радиослушательница Мишуткина Дарья Тимофеевна из деревни Ключики...» Еще ничего не сказал, а уже плакать хочется – такой уникальный голос.

*А где мне взять такую песню –
И о любви, и о судьбе,
И чтоб никто не догадался,
Что эта песня – о тебе?*

У старшего поколения в моде были рубашки на трех пуговках – «бобочки». У молодежи – «водолазки», они же «битловки». Кофточки «лапша». Эластичный трикотаж на прилавке выглядел лапшой, зато выгодно облегал девичьи формы. Коварные надевали «лапшу» без лифчика, с мини-юбкой. Транспорт вставал на дыбы, когда «кадры» выходили в таком виде на улицу, старухи лопались от злости, брызжа ядом. А на пышной груди у красавицы – комсомольский значок! Да, такого сильнодействующего аксессуара нынешние модницы не знают.

И куда они все это несли? А на танцы! Танцы зимой были во всех домах культуры и на речном вокзале, летом – в «огороде»: на танцплощадке в саду Горького играли «Гулливеры». Великанский звук их электрогитар властно созывал молодежь с окрестных улиц, а самый фронт «гулливерских» децибел был обращен (знаменательное совпадение) к Дому чекистов. Чекисты три раза в неделю имели счастье слушать виртуозные «соляги» лидер-гитариста Толи Полякова и дикий визг его поклонниц. «Гулливеры» играли «Ventures», инструментал.

Их очень скоро вытеснили с пермского Олимпа покоющие группы: «Лесные братья», «Ровесники» (в репертуаре у них были «The Beatles»). В саду Свердлова играли «Рифы»; «Не выходи замуж за железнодорожника» они исполняли лучше авторов. «Shoken Blue» отдыхало, как они играли: бас-гитара РЕВЕЛА!

Источники тогдашнего кайфа: электрогитара – черная, элегантная, «Музима Этерна Делюкс» с усилителем «Регент-60», ударная установка «Трова». Ниже разрядом: свердловская «Тоника», самодельная басовка в виде скрипки (как у Маккартни!) со струнами от рояля, ударная «тройка» – барабан, тарелка, «чарлик»-хэт. И, конечно, «Ионика». Сюда же неизбежно рифмуется портвейн «777».

В ребячьей жизни тогда гигантское значение имела «улица». Это сейчас все дети по домам сидят, от «ящика» не оторвать, а тогда смотреть было нечего – дети носились во дворе, играли в тысячу игр, осваивали окрестности, бились с врагами. Самый страшный тогдашний враг – шпана, организованная и безжалостная. Но по отдельности они все были дураки, простодушные парни, наври им при встрече, что знаком с их «шишкарем», – отступят. Первобытное почитание вождя. Именем «шишкаря» они собиралась в «шоблы» до ста рыл, зловещей толпой шли «махаться» с чужим племенем. Добродушные вне толпы Сашки и Сережки в толпе могли убить.

Молодежь постарше топталась на «пятаке» перед «Кристаллом». Слова «тусовка» еще не знали, а неформальные группы с лидерами, явками и собственной тематикой встреч уже были: студенческие компании; отдельно – «мажоры»; их папы-«шишки» – преферансисты и распутники. Помню

«рыболовную секцию» юных интеллектуалов-затейников, они дурачили прохожих «живыми картинками» (термин «хэппенинг» к нам пришел позже).

Интересно жили. Где-то в стороне проходила линия Партии. Случайно пересекся. Привел девушку в кино, а там хороший такой парень, искренний, ищет ЧАСТНЫМ ОБРАЗОМ следы сверстника, погибшего на войне. И поет:

*Бьют дождинки по щекам впалым,
Для вселенной двадцать лет – мало.
Даже не был я знаком с парнем,
Обещавшим: «Я вернусь, мама».*

Что-то тронуло даже, или присутствие девушки расслабило.

*И живу я на земле доброй
За себя и за того парня.*

Целовались, конечно. Выходим – а на дворе новый почин, комсомольский призыв красными буквами на заборе: «Работать за себя и ЗА ТОГО ПАРНЯ!». Тьфу! Последний раз я купился на лирическом фантике все той же дряни.

Из анекдота:

- Ты почему не работаешь?
- А я и есть ТОТ ПАРЕНЬ.

1972. Джинсовый зуб

Американец, молодой и наглый Фишер, обыграл нашего Спасского в шахматы, конец всему! С американцами мы тогда соревновались, жалели их, безработных, бесправных и бездуховных, боролись за их негров, за Анджелу – кудрявую – Дэвис. И вдруг такой удар. Мечту о сатисфакции угадал Высоцкий, он сыграл с «этим Шифером» в свою игру. Мы валялись, мы плакали от смеха, когда слушали в напористом ритме: «Да я его замучу, зашахую! Да мне бы только дамку провести!» – это было про нас. Это мы королей вечно путали с тузами, это мы с дебютом путали дуплет. Невероятный, лучший в мире советский характер, «пешки на рюмашки», он еще даст себя знать в 90-х годах, когда наше поколение – поколение путаников – проведет свои дамки во власть.

А я в 1972 году свои фишки двинул в вуз. Черта ли мне в том вузе надо было – не знаю. Программа сработала, матрица жизни: школа – вуз – работа – пенсия. Программа, кстати, была хорошая, если ею правильно распорядиться, и все пункты в матрице тогда были на месте, не то что сейчас. Сейчас наши дети если кому и нужны, то только наркокурьерам. А нам после школы все двери были открыты, факт, всюду звали, на любой завод – с лапками, и зарплата через полгода как у инженера. Так что программа жизни, если честно, была не одна... Дух захватывало от пестроты возможностей, от горизонтов кружилась голова. Ранним июньским утром после выпускного бала брели мы по набережной Камы, нарядные и усталые, и уже немножко не узнавали друг друга – прощались...

*Этот синий вечер летний закружил ребят,
Я на школьный вальс последний пригласил тебя...*

Ты была в модном кримплене и гипюре. На мне безукоризненно сидел модный длинный пиджак с двумя шлицами сзади. Нам пели «Песняры» про Александрина, а «Ариэль» – про белый парус в море: «Верю, что услышишь ты». Блистали «Самоцветы», картинно расставленные на сцене, как шахматы. На них были белые костюмы с аппликацией на широких лацканах, брюки клёш и – новинка! – туфли на платформе. «Колеса диктуют вагонные, где срочно увидеться нам...». Украинцы (тоже в белых клёшах) пели в том же ритме: «Червону руту нэ шукай вечорами...». Но популярности «Песняров» не превзошел никто:

Няма таво, што раньш было...

Молодые люди отращивали усы подковкой, как у Мулявина, и баки, как у Пресли. Взрослые модницы носили сапоги-чулки – страшный дефицит и дорогие, заразы. Батник носили приталенный с планочкой, блейзер. Платье-халат на пуговицах, с квадратным воротником. Все приталенное, все в обтяжку.

Джинсы. В 1972 году это уже не мода и не болезнь – сложилась особая, джинсовая субкультура. У нее был свой язык, фольклор (помню анекдот, как богатый грузин, не зная уже, куда девать деньги, вставил себе зуб не золотой, не платиновый – джинсовый!), у нее была своя иерархия ценностей,

свои мифы. Люди посвящали свою жизнь джинсам – добыванию их (или подделке) и сбыту. Стоили импортные «трузера» до 250 руб. – две инженерские зарплаты. Везли их через Болгарию и другие соцстраны, покупали в «Березке» за чеки, продавали на «балке», вместе с дисками, за рубли – рисковали на каждом этапе. Все это называлось «спекуляция», по фене – «фарцовка». Ловили, сажали, общество в целом презирало спекулянтов, а люди по отдельности охотно пользовались их услугами. Одно время из областного центра за джинсами ездили в леспромхозы. Те уральский лес меняли за границей на импортную одежду, и наши фарцовщики просекли это дело – ездили за шмотками не в столицы, а в леса.

Телевизор. По телевизору наши играли в шайбу с канадскими профессионалами – впервые в истории. О, то был наглядный урок на тему «их нравы». Профи держались нагло, играли грубо, дрались подло, катались без шлемов и жевали жвачку, задирали наших ребят попусту. «Нет, такой хоккей нам не нужен», – заключил Николай Озеров, и эта фраза стала крылатой. То ли дело Всесоюзный конкурс артистов балета. В 1972 году в Москве всех победила пермячка, ученица шестого класса хореографического училища Надя Павлова. Это было приятно. Это было красиво.

Такси: от «Кристалла» до вокзала «Пермь II» – 50 коп. Студентка универа, опаздывая на лекцию после кино, ловила такси. Имела возможность: у нас же бензин был дешевле воды! Seriously: бензин – 7 коп. за литр, минералка – 10 коп. поллитра (с посудой – 22). Таксисты в 1972 году давали сдачу. Неохотно, правда, ну как официанты, стиснув зубы. Но мы этим не сильно огорчались, мы были привычные, никто нас не любил со стороны государства: ни продавцы, ни приемщицы химчистки, ни закройщицы ателье. Везде было государство, везде были барьеры, объявления, посылающие подальше, хамские окрики с крашенных стен: «НЕ курить! НЕ сорить! НЕ подходить!» А в нерабочее время, кстати, все эти продавщицы и приемщицы становились нормальными людьми, классными девчонками, они смотрели на нас другими, своими собственными, глазами, шептали другие, свои собственные, слова... Оттого, наверное, и люблю я только «своих собственных», ЧАСТНЫХ, людей. Вас.

1973. Ветер с Запада

По вечерам ждали «мусорку». В любую погоду в шесть часов вечера во двор выходили жильцы с ведрами и стояли в молчаливом ожидании. Некоторые, как бы гуляя, выходили на дорогу, потом бежали: «Едет! Едет!», хватили свои ведра и становились к «мусорке» первыми. Динозавр 70-х – мусоровоз – медленно вползал во двор, разворачивался, отворял свою огромную вонючую пасть, из которой вечно что-то капало. Люди, зажав носы, толпились с ведрами, вываливали поскорее мусор и отбегали, подходили следующие. Когда пасть мусоровоза наполнялась, водитель нажимал рычаг сбоку, и стальная челюсть медленно сглатывала порцию. В эту минуту следующим полагалось стоять и не рыпаться, пока челюсть не вернется, а если какая-нибудь рассеянная бабка вываливала раньше, водитель жутко матерился и грозил убить бабку лопатой.

В 1973 году отмечали 250 лет орденосной Перми. Перед оперным театром вместо тополей посадили голубые ели. Воздвигли стелу по дороге на Пермь II. Выпустили значок с чудо-молотом. То был советский герб нашего города – Чудо-Молот. Больше того, он был идолищем горожан (он и стоял на горе), а священным духом служил Производственный План. Половина пермских семей за ужином рассуждала тревожно: будет в этом месяце План или нет. В конце года мужчины ночевали в цехах во имя Плана, их семьи молча ждали Его, а над их головами летали незримые молоты...

Сколько инфарктов, скольких жизней стоил Перми Орден Ленина, пожалованный городу в 71-м... Он был огромный, Орден, крашен серебрянкой, водрузили его на Октябрьской площади лицом туда, к Башне Смерти, откуда дважды в год спускались колонны трудящихся в ювенильном, котлованном веселье...

Трудились горожане на часовом (электроприборном) заводе, карбюраторном (заводе Калинина), патефонном (велозаводе). По обе стороны красавицы Камы дымили химические гиганты, медленно отравляя все вокруг. Предписывалось молчать, что на часовом заводе собирали гироскопы для ракет, а на заводе Калинина – ракетные двигатели.

По ночам на три версты вокруг был слышен вой аэродинамических труб Свердловского завода: там, тссс, испытывали авиадвигатели. Говорили, что стенки тех труб полые и засыпаны самым лучшим звукопоглотителем – семечками. Над Камой грохали пушки завода Ленина, их целомудренно называли «длинномерные изделия».

Знаем еще один подземный завод в черте города. Его легко найти, там вонь до сих пор и трава не растет. Плешивая земля и мертвый лес всегда выдавали секретное производство, к бессильной ярости «особистов», как и желтые руки работниц. Работницам приплачивали за вредность, они прессовали взрывчатку и твердое топливо. Пресс-формы часто взрывались. Как у кого муж запьет или дочь загуляет – так взрыв.

Хорошо, отвод волны предусмотрен, погибших не было – одни зайки.

Понятное дело, самым престижным факультетом в Перми был «Авиадвигатели» ППИ. Вечный недобор абитуриентов – на горном. Предмет шуток – специальность «водоснабжение и канализация» на стройфаке, она же служила лодырям убежищем от армии. В Пермский университет шли в расчете на высокую стезю, отнюдь не учительскую. По городу, однако, расклад был такой: «Ума нет – иди в «пед», стыда нет – иди в «мед», ни того, ни другого нет – иди в университет». Еще было ВКИУ, многим парням тогда нравилась армия. Туда нанимались девчонки на работу, чтобы выйти замуж. Выйти замуж можно было и не нанимаясь на работу, просто пройдя по набережной перед военным училищем в день увольнения голодных до женской ласки курсантов. «Женские» институты и училища приглашали к себе на танцевальные вечера «вкиушников» – тоже шанс.

В 1973 году всех гоняли сдавать нормы ГТО, все возрасты: поголовная физкультуризация страны.

Народ кряхтел: «Опять кому-то наверху моча в голову ударила», – и добывал справки-освобождения от новой прилюдливки.

Ездили на природу. Клещей тогда не было, не изобрели еще. «Экологии» не было, СПИДа не было, «нюхачей» не было – девственный мир! Зато были очереди за колбасой.

Диалектика. Радовали «Семнадцать мгновений весны» и новый мультсериал «Ну, погоди!». На их появление народ немедленно отозвался волной анекдотов.

В 1973 году в молодежной аудитории утвердился хард-рок. Слово «ансамбль» устарело, стали говорить «группа»: «Роллинги», «Дорз», «Лед Зеппелин» – волосы до пояса, полуголые, гиперзвук, гипер-экспрессия, все у них гипер. В ДК Пушкина, что на Кислотных дачах, пермская группа «Склавины» заиграла «Deer Purple»! К ним любители хард-рока ездили на электричке, сильно напивались в дороге и имели неприятности с милицией. Что, кстати, целиком укладывалось в их рок-философию «протеста».

Серьезные меломаны заговорили о новом стандарте качества звука Hi-Fi («high fidelity» – высокая точность, *англ.*). Модные темы – шумоподавление Долби, квадрофония и цветомузыка.

Все шло с Запада, вообще все. Лично мне это не нравилось, но это был факт: атмосфера с той стороны железного занавеса была гуще, идеи горячее, людские пороки активнее, все это со свистом сквозило через дыры сюда, к нам, и будоражило души уже целого поколения. Дыры в занавесе множились и расширялись, от западного ветра захватывало дух.

Вот кто мне скажет, когда в Перми шел документальный фильм «Спорт, спорт, спорт»? Мы ходили на него ради пяти секунд нью-йоркских небоскребов, двух секунд загорающего на крыше автомобиля хиппи и живых «битлов» – вообще мельком. Но эта малость была как пилка в батоне, как свернутая авторами в точку (чтобы просунуть нам) чужая свобода. Мы ходили на «Спорт...» не по разу. В нужном месте мы напружинивались, чтобы схватить и развернуть точку, чтобы домыслить и вообразить иную жизнь. Зеркальные дома до небес. Чудак на крыше – ну вот вздумалось ему полежать на крыше своего автомобиля, и никто ему не указ. Живые «битлы» поют. Что они там пели? Забойное что-то – «Can't be my love»? А может, и нет. А может, и не пели, а может, не «битлы». А может, и не было никакого фильма, и пилка в батоне мне только пригрезилась...

Душно было.

1974. Не плачь, девчонка

Вечер. Шепот, робкое дыханье, трели соловья... А в армии вечерняя прогулка выглядела так. Дневальный с тумбочки блажит дурным голосом: «Строиться на вечернюю прогулку!» Солдатики чибонят сигаретки и прячут их кто куда, спешат к месту построения: последний призыв бегом, постарше – шагом. «Старичье» вообще не идет на прогулку – сачкует. Вечерний моцион: подразделение колонной марширует по дорожкам военного городка, ни на что не похожий «военный» голос по команде запекает:

*Как будто ветры с гор
Трубят солдату сбор –
Дорога от порога далека.
И уронив платок,
Чтоб не видал никто,
Слезу смахнула девичья рука.*

Припев подхватывают сорок глоток. Сзади, с повадкой дрессировщика, дефилирует сержант-хохол, его окрик-бич: «Казарян, твою мать! Шо, снова слова забыв? Будэмо рэпетировать!».

Все служили под одним знаменем: хохлы, ары, чурки, чукчи, прибалты, бульбаши, москали кляты – все одним дождевиком мочены, одним матом крыты, все одну «школу жизни» проходили. Расставались, однако, со слезами, адреса в дембельские альбомы писали. Что это за «школа» такая диковинная? И как там насчет «частной жизни» у казенных людей – может, не было? А была! Даже мода была у солдат. Заглаживали поперек спины рубчик. Укорачивали шинели (на «гражданке» в том году носили короткие пальто). Продавливали шапки а'ля кубанка, прогибали фуражки – «шоб як у СС». Совали пластмассу под погоны, зашивали у шинелей шлицы, меняли пуговицы – пустые солдатские на цельные офицерские, меняли ремни – искусственные на кожаные, на конце ремня бритвой ставили зарубки – месяцы службы. К дембелю готовили «парадку»: обшивали неуставным кантом шеврон и нашивки, цепляли на грудь самодельные значки. Командиры обрывали «самодетельность» с мясом, блюли форму одежды ретиво. Вообще, всякую форму в 70-х блюли ретиво.

Самоделок в армии хватит на целый музей: часовые браслеты, финские ножи, шкатулки, рамочки, копии танков, ракет, самолетов и кораблей, зажигалки, чеканки – больше, чем в тюрьме, намного больше, потому что с материалами проще. Сходство с тюремной, лагерной жизнью, кстати, тогда, в 1974 году, было незначительным, неопасным. В 74-м еще жива была идея защиты отечества от мирового империализма, в военной службе был смысл. Бойцы офицеров уважали и боялись, отданным Родине долгом гордились. Родина – была! Елки-моталки. Как сейчас там, в армии, не знаю. Подумать страшно.

Прелесть армии, любой казенной жизни: вовремя накормят и спать уложат, раз в неделю в баню отведут – чистое белье уже заготовлено: летом – синие трусы, майка и тонкие портянки, зимой – рубаха, белые кальсоны с завязками и портянки байковые. Никакой заботы. Каждый день после ужина – личное время: волейбол, письма, пинг-понг. Каждое воскресенье – кино в клубе, кофе с плюшкой в солдатском кафе. Увольнение в город всякий раз оборачивалось приключением с любовной интригой, переодеванием и бегством от патруля. Порядки были жесткие, и оттого каждый час на воле ощущался как праздник жизни, он требовал суперактивности, душа просила «балдежа»... Гауптвахта у нас называлась «губа», нары – «вертолет» (там арестованные вертелись от холода), курить не давали, на работы водили без ремня под дулом карабина СКС-10 с примкнутым штыком. Было стыдно почему-то, что именно без ремня.

Ремень носили на я... В общем, к концу службы ремень опускали ниже пояса. Это был знак. Никакого практического назначения у ремня не было – только сакральное, причем очень большое. Все командиры это знают: ремень подтянут – солдат исправен; ремень распушен – сачок; без ремня – вообще не солдат, выродок. Через двадцать лет в армии фактически упразднили солдатские ремни, вот армия и выродилась.

Телевизор в казарме – особое развлечение. Стоял он в «ленкомнате», смотрели его после ужина до отбоя («деды» – и после). Передачи были дрянь, развлекались комментариями, преимущественно – матом. Юмор был настоящий, казарменный.

У каждого «деда» была своя любимица из певиц или актрис. Когда она появлялась на экране, кирзовая публика орала: «Где Серега? Сергей Иваныч, ваша!» – соответствующий «дедушка» мчался из курилки в шлепанцах или издалека поручал свою любимицу кому-нибудь – тот смаковал вслух ее достоинства. Коитус виртуале.

«Дедовство» у нас в части было мирное. «Деды», независимо от звания, первыми брали пищу и последними лопату. Буквально: «Молодым везде у нас дорога, старикам везде у нас почет» – закон жизни, справедливый и незыблемый. Молодые «пахали» безропотно («борзость» пресекалась) и ждали своего часа. Карусель армейской жизни крутится быстро, какой-то год – и молодой уже «постарел»: пересел ближе к кастрюле, перелег ближе к окну, вот он спит уже до самого развода, и «пайку» ему другие молодые прямо в постель несут.

Самая потайная часть солдатской частной жизни – письма с родины. Это святое. Невеста, мать, родина – эти вещи только солдат знает, больше никто, и не спорьте. О них не говорили – ими жили, особенно первый год службы. Говорили в казарме о бабах и о дембеле. Самые драгоценные письма читались в сортире, на очке, была в том бравада, самозащита, потому что зависимость солдата от почты – гигантская, буквально жизненная: из-за плохого письма бывали в армии самоубийства. Девчонка не то слово напишет – парень к ней рванет, по дороге шестерых укокошит, и никакая прокуратура не сможет объяснить, почему военнотружущий оставил расположение части. Такие дела. А вы говорите – частная жизнь...

1975. Говорит радиостанция «Юность»!

Чистым, ликующим голосом (ну прямо как сегодня в рекламе «Sprite»: «Не дай себе засохнуть!») сперва девушка, потом юноша звонко: «Говорит радиостанция “Юность”!». И дальше все про Чили с тревогой, про пленного генсека Корвалана: «Эль пуэбло! Унидо!» – это мы солидарны, значит. Все едины, все непобедимы: Боярский, Фрейндлих,

Вознесенский, Вуячич душу рвал «Над расстрелянной песней не плачь», Градский целую пластинку записал «Стадион», Боровик – пьесу «Командировка в Буэнос-Айрес». Сильно мы тогда Пиночета ненавидели, помните?

А песни в те годы было принято объявлять по полной форме. Например: «Песня Туликова на стихи Пляцковского “Бамовский вальс”». Исполняет вокально-инструментальный ансамбль “Самоцветы”».

*Пусть плывет смолистый дым
Сквозь густые ветки.
Будет самым молодым
Этот вальс навеки!*

Благообразие в эфире нарушали «радиохулиганы». Для них был кайф просто выматериться на всю страну. Хулиганы покультурнее, «шарманщики», играли в диск-жокеев, в запрещенном диапазоне крутили музыку «эмигрантов» и «битлов». В Перми западные станции не прослушивались, за исключением мощных орудий идеологического фронта вроде «Голоса Америки». Коммерческое вещание можно было услышать, только прижав ухо к самому «железному занавесу». Там, у них, шла музыка нон-стопом круглые сутки, выворачивались наизнанку ведущие, изощрялись операторы так, что, даже не зная языка, их можно было слушать часами. Тяжелый рок, поп, немного джаза и – диско, диско, диско – бесконечная «бамалама». В Пермь, кстати, «Bamalama» пришла с неожиданной стороны – через обычный телевизор под новогоднее утро в телепередаче «Мелодии и ритмы зарубежной эстрады». Полуголые ведьмы в адских сполохах света вертели над головой цепи и выли: «Уу-е!». Такая была диверсия на ЦТ. Я был в восторге целый год.

Ликбез в области музыкальных стилей проводил журнал «Ровесник». Весьма корректно промывал наши мозги журнал «Америка» на русском языке, ходил из рук в руки свободно, никто не изымал. Наши выпускали симметрично журнал «Советский Союз» – образцовая, кстати, была полиграфия, лучше американской. Читатель вздыхал, листая: «Могут ведь, если захотят». Советский миф и реальность стремительно разбегались: «настоящий» Советский Союз находился уже где-то далеко, не в нашем городе.

А у нас в Перми открыли институт культуры, тоже хорошо. Рядом с ним, в кинотеатре «Комсомолец», по понедельникам на последнем сеансе крутили так называемые некассовые фильмы. Скромно, без афиш, но попасть невозможно, билеты только с рук. «Пепел и алмаз», помню, «Иваново детство», «Зеркало»... «Зеркало», о! Оно отгородило нас, умных и тонких, от «них», глупых и толстых. «Они» смотрели «Есению» по четыре раза. «Они» смотрели «Любовь земную» с Матвеевым, они «Сладку ягоду рвали вместе...». Ну, про ягоды и мы не забывали.

Герой года – Олег Блохин, лучший футболист мира в 1975 году, – а никто и не сомневался. Чемпион мира по шахматам – Анатолий Карпов: «Шифер» вконец оборзел, и шахматную корону передали Толе, и правильно. Космические новости уже никого не волновали, но полет четы «Союз» – «Аполлон» по-хорошему взбудрил: у нас, у супердержав, все о-кей. Правда, кушать было нечего в одной из них...

1975. Нет мяса. Колбаса соевая, кошки ее не едят – только люди. Молоко восстановленное, нормализованное (разбавленное) или вообще белковое, из-под него бутылки мыть не надо. Да что молоко – масло было с водой! «Бутербродным» называлось. «Книга о вкусной и здоровой пище» становится диссидентским чтивом: только так можно узнать, что на свете существуют карбонат, сервелат, тамбовский окорок. Слагаются легенды о временах, когда икра лежала, и никто не брал. Фетишизируется красная и белая рыба, мясные копчености, крабы и печень трески в банках. Армянский коньяк, конфеты с ликером, растворимый кофе – советские символы гастрономического разврата. Дефицит конфет. С темной начинкой – только в театральных буфетах.

Символы благосостояния: большой холодильник и стиральная машина «Сибирь» с центрифугой – не надо крутить ручкой валики. Предел мечтаний: цветной телевизор – полированный кубометр с окошком. Довольствовались черно-белым.

По телевизору в тот год шел четырехсерийный фильм «Люди и манекены» с Райкиным: сцены в интерьере, монологи. Крылатая фраза оттуда: «Дифсит – вкус спицифитский». Веселили народ Студент «калинарного техникума»

(Хазанов), Вероника Маврикиевна (Вадим Тонков) и Адотья Никитишна (Борис Владимиров). Все у нас смотрели фестиваль болгарской песни «Золотой Орфей», там Гран-при дали песне «Арлекино», ее новенькая певичка пела – ну как ее, ну у которой еще щель между передними зубами... Шедевр «производственной драмы» пьеса Гельмана «Протокол одного заседания» – про то, как бригадир от премии отказался. Любимая эксцентрическая телекомедия «Здравствуйте, я ваша тетя!» тоже вышла в 75-м. Набрала популярность передача «Что, где, когда» – интеллектуальная викторина с соевой и книжками в подарок победителям.

В 1975 году впервые крутанули по телеку «Иронию судьбы, или С легким паром!» в новогоднюю ночь. И с тех пор – каждый год, как пластинку заело. Символ той нашей жизни: пластинку заело – по «Иронии судьбы».

1976. Подпольный клип

У Брежнева юбилей, в декабре будет 70! Страна очумела от счастья, ликование прибывало с каждым днем, мы все умрем от счастья в декабре! По телевизору показывали: простая женщина у себя на грядке вырастила розу и дала ей имя «Борец за мир Леонид Ильич Брежнев» – розе! Салтыков-Щедрин встал из гроба, глянул на этот шизняк, плюнул и помер снова, отныне навсегда – кому он здесь нужен.

Да к ить все нормальные люди в подполье жили, как их увидишь? Писали книги «в стол», картины «в чулан», фильмы снимали «для полки». Я, кстати, тогда на кино запал: любительской камерой снял в 1976 году нечто невероятное под названием «Novy Horizont» – свои ассоциации на музыку польской джаз-рок-группы «SBB» (4 мин., ч/б, 8 мм), смонтированные как коллаж. Через пять лет этот жанр пришел на советское телевидение с Запада под названием «клип». Еще через десять лет стартовала клип-индустрия, и к концу века уже сложилось клип-мышление – люди и не заметили, как стали мыслить иначе... А тогда кино мое выглядело до крайности странным, ко мне домой стали приходиться такие же странные люди, чтобы посмотреть. Мы были молодые

и нескучные, сидели до утра, острили в клиповой манере, пили, пели. Строили безумные планы, с безумной надеждой принимались их воплощать... Кто-то воплотил и прославился, кто-то помер... В 76-м еще все были живы.

Новый комсомольский почин – возрождение агитбригад. Это была такая форма самодеятельности – театрализованная якобы сатира. На всех предприятиях новые «синезблужники» высмеивали местные недостатки: пьяниц, прогульщиков, несунув. Ерничали на тему загнивающих бедолаг-империалистов и блудных сыновей Советской страны – диссидентов. Это называлось политическая сатира, очень поощрялось сверху. В рамках смотров агитбригад пели «Белфаст» – песню протеста малоизвестной пока группы «Boney M», этакая суровая отповедь экстремизму в стиле диско. То и дело врубали рок, потом вешали лапшу кураторам, что рок – негритянская народная музыка. Вообще, сплошь и рядом держали пальцы крестиком и протаскивали под шумок всякие «вредные» идеи.

Студенты оттягивались на своих смотрах. Самые популярные концерты в ту пору были у филфака ПГУ: в переполненный зал не попасть, духоту взрывали бури аплодисментов. На «Студенческой весне-76» филологи разыгрались не в меру – устроили капустник из пьесы Горького «На дне», наговорили двусмысленностей про нашу жизнь. Дух захватывало от намеков: Актер читал стихи про уток, коих поднимает упадничество на эпической волне; Клещ дразнил жюри красной рубахой; а Настенка-проститутка звала всех на БАМ. Ребята просто пошутили, но органы рассвирепели всерьез – всем влетело по первое число, а педагогам – по сто тридцать первое. Один из них вместо степени доктора получил инфаркт.

Закат живой музыки на танцплощадках. Гитарное десятилетие кончилось, началась эпоха дискотек. Помню первую дискотеку в ППИ: гремит музыка из магнитофона, мигает цветной фонарь, двадцать человек стоят в пустом зале и смотрят с недоумением на сцену: там пляшет ведущий, или, как он велит себя называть, «диск-жокей». Сбоку поднос с сушками. На экране мультфильм про Парасольку. Задание публике: грызть сушки, смотреть мульт и танцевать –

все одновременно. Впечатление ужасное. Ведущий остался публикой недоволен: дураки какие-то, в Москве давно уже дискотеки, а у нас всё какое-то болото...

Но скоро, в считанные месяцы, и у нас завертелись дискотеки не хуже столичных. Живые гитаристы разбрелись по кабакам. Электрогитара из культового объекта превратилась просто в музыкальный инструмент. Случайные люди схлынули, а самые преданные «рыцари медиатора» стали сочинять свою музыку, строить свой гордый антимир. Поднялась волна советского рока – мощная не-музыка: истовая, искренняя, мусорная, злая. В жестком ритме хрипели придушенно:

*Пробирался я куда-то,
Что-то локтем задевал,
Чьи-то скорбные надежды
Мимоходом разбивал.*

Подпольная запись, не знаю чья. Моя. Следующие 15 трагических и прекрасных лет советского рока вылились на турбину шоу-бизнеса, вся их энергия благополучно ушла в баксы...

Мощная не-поэзия Высоцкого, тоже из подполья:

*Грязью чавкая, жирной да ржавою,
Вязнут лошади по стремена.
Но влечет меня сонной державою,
Что раскисла, опухла от сна.*

Немытые стаканы, пивные лужи, рыба чешуя на газетке. Скупые мужские сопли.

Пришествие в Пермь Иисуса Христа в качестве суперзвезды от Уэббера и Райса. Наше атеистическое сознание было взволновано незнакомым образом Спасителя – во-первых, и незнакомой формой мюзикла – во-вторых. И вообще, в моду входила сложная сюжетная музыка: «Пинк Флойд» – «Обратная сторона Луны»; Эмерсон – «Картинки с выставки»; Уэйкман – «Легенды и мифы короля Артура»; чуть позже «Куин» – «Ночь в опере». Бетховена протащили по шпалам диско, Баха. Пошла вширь психоделия «Дорз», медитация Махавишну, стало модно «балдеть» сидя на полу. Или лежа на диване, упаднически уставя очи в потолок. Вот откуда мой фильм – с потолка. С потолка нашего подполья.

1977. «Шанхай» на Крохалевке

К 60-летию Великого Октября по ЦТ прошел документальный телесериал «Наша биография». Привет из советского далека:

*Мне не думать об этом нельзя,
И не помнить об этом не вправе я –
Это наша с тобой земля,
Это наша с тобой биография.*

В 1977 году частную жизнь пермяков украсил великий эксперимент по продаже книг повышенного спроса в обмен на сданную макулатуру. Государство-монстр со свойственной ему неуклюжестью решило сыграть на увлечении своих граждан хорошими книжками. Принесешь 20 кг старых газет на приемный пункт – если приемщик на месте, получишь талон. С талоном подежуришь у магазина недельку – если не обманут, получишь книжку. Все просто. Особо ценились: Ильф и Петров, А. Толстой, А. Конан-Дойль, Войнич, Дюма, Коллинз, Андерсен. Недостижимая «Женщина в белом», так и не прочту я Вас никогда, и не надо, пусть Вы останетесь загадкой... А их и не надо было читать, их надо было «доставать». Как дымчатые очки, как замшевый пиджак.

В 1977 году в Перми начали возводить «башни» – жилые дома «московской серии»: шестнадцать этажей, просторная кухня и прихожая, изолированные комнаты и санузлы, два лифта, пожарозащищенная лестница. Вошло в обиход новое слово «лоджия».

В обычные крупнопанельные пятиэтажки расселяют барачный поселок Крохалева – пермские трущобы. Их стоит помянуть: в них выросло целое поколение пермяков. Ряды полуразвалившихся, заросших грязью одноэтажных строений, все удобства во дворе: на два барака один сортир о тридцати дырках – «мадамам» и «жентельменам» напополам. Это не при царе Горохе, это каких-то двадцать-тридцать лет назад. Воду брали из колонок, носили ведрами издали по дощатым тротуарам летом и по обледенелым тропкам зимой. Печурка была в каждой комнате своя. Дровяники во дворе рядами. Само собой, помойки, вонь, хлорка, мухи миллионы, на чердаке блохи: туда пойдешь белье вешать – без ног

вернешься, обгрызут. В комнатенках клопы, тараканы – кровати стоят ножками в баночках с керосином. Экзотика.

Старожилы вспоминают бараки тепло: здесь жили по-особому. Дружно! Окна и двери не запирали. Крикнешь в коридор: «Девки, луку надо!» – сейчас кто-нибудь и принесет. До позднего вечера играли в карты, спали летом между бараками на травке под кустами, семьями и поодиночке. Бегали за вином. «Вермут», «Солнцедар», «Волжское» – «чайка набок» на этикетке. Пьянка каждый день. Драки за ссоры не считали. А рядом был «пьяный барак» – так там пили еще суровее, и все население без вычетов. Спьяну порубить шифоньер, грохнуть телевизор – обнакновенное дело. Но среди соседей были и усердные хозяева: отделявали комнатенку паркетом. Были воры. Воров уважали: «Они где живут – не крадут». К ним шли за защитой.

В 70-х кончилась в бараках дружная жизнь. Повырастали детки, начали шариться у соседей, красть с окон, пакостить, задирать прохожих. «Сявки», вооруженные «хеврами», стали налетать на авторитетов. Не стало житья на Крохалях. Очень вовремя Крохалья расселили в 77-м. А Владимирский «шанхай» гнил еще года три. Двухэтажные бараки гниют до сих пор. Только называют их не бараки – «ветхое жильё».

Для новоселов пермская мебельная фабрика «Дружба» заваливала магазины книжными полками с раздвижными стеклами, «полумягкими» креслами на ножках, раскладными, нарочно для малогабаритных квартир, диванами: двухспальными (180 руб.) и полуторными (157 руб.). Шифоньеры двух- и трехстворчатые, с антресолями и без; в моде темная полировка.

Молодожены охотились за столом-«книжкой» и лысьвенскими утюгами с регулятором и паром (10 руб.). По приглашительному билету в салоне для новобрачных вылавливали разный дефицит. Обручальные кольца в моде были широкие. В день свадьбы полагалось объехать на такси городские памятники, возложить цветы и сфотографироваться у каждого. О венчании не было и мысли. Справляли: в пятницу в ресторане; в субботу – у ее родителей; в воскресенье – у его. Водку покупали только на первые тосты, после пили спирт и брагу из экономии – «и крылья эту свадьбу вдаль несли»...

И заносили, конечно: гости блевали, падали. Как правило, дрались, тут же братались – а какая свадьба без буяна? Трезвые гости на свадьбе – позор хозяевам. Любой ценой гостей полагалось повалить.

После свадьбы молодожены ехали в Болгарию, попроще которые – в Сочи. Там море...

Но море вечное, а мы о преходящем. Черты года такие. За авиабилеты могут убить. «Аэрофлот» в 77-м дешев, как пара кунгурских туфель, и так же невыносим. В кассах убийство – жара, давка, драки, предсмертные крики: «У меня бронь! Бронь!..» И кассир-убийца, хладнокровно: «Нет у вас брони. Следующий». Жванецкий еще не виден, но уже слышен.

Всесоюзное радио подсказывало выход, ненавязчиво так:

*Мне к теплomu морю нисколько не хочется –
Душой не кривлю я, о том говоря.
Тебя называю по имени-отчеству,
Святая, как хлеб, деревенька моя.*

Спыхватились. За двенадцать лет, как колхозникам стали выдавать паспорта, все, кто пошустрее, из деревень разбежались, а оставшиеся погрязли в пьянстве. Атеисты тартанулись – запричитали о святости, возвели каравай на алтарь: «Хлеб всему голова!» В столовках развесили шедевры казенной словесности: «Хлеб – драгоценность, им не сори! Хлеба к обеду в меру бери!» Ломти стали резать пополам и еще раз пополам. При этом нефтедолларами, гады, даже не сорили – веяли их по ветру миллиардами. Опять я о политике, неизлечимый...

Женская мода в ту пору была – макси: юбка-колокол, юбка-спираль. Сумки из бортовки с портретом Демиса Русоса. «Гуд бай, май лав, гуд бай!»

1978. Всем было «по фиг»

Сосед дядя Гриша, ветеран Великой Отечественной, каждый вечер напивался перед телевизором и матюками комментировал программу «Время», при этом он смачно харкал на экран. Время ветерану не нравилось, и одноименная программа тоже. Там все ввали и лизали зад Брежневу, дарили

ему Звезды Героя, как барышне брошки ко дню рождения. К 23 февраля 1978 года Брежневу подарили орден Победы. «За что?! – вылетел на кухню ужаленный в самое нутро дядя Гриша. – Орден Победы положен ПОЛКОВОДЦАМ, а не полковникам!»

А Брежнев уже был Маршал Советского Союза, и скоро будет Генералиссимусом, как Сталин. По всей стране ветераны плевали в экраны, ходил анекдот про «дворники» на телевизор. Просто выключить «ящик» никому из них не приходило в голову. Да и что толку, заодно надо было отказаться от радио, от всех газет и журналов, не ходить по улицам. Запереться и помереть что ли? Брежневские льготы ветеранам немного приглушили брань бывших фронтовиков.

Фронтовики тоже ведь были разные. Около любой очереди терлись пожилые ловкачи с ветеранскими книжками, они продавали свое место у кормушки. Хотя никакой нужды они не испытывали, пенсии в то время были большие и доставлялись исправно. Летом какой-то заморский гость подарил Брежневу орден «Золотое Солнце Перу». «И золотое кольцо в нос», – посмеивались мы несколько придушенно. Кругом был сплошной дефицит, дефицит всего, а нашему генсеку награды уже некуда было вешать. Один отважный клоун в цирке показал залу спину в орденах – зал взорвался хохотом. Чувствительность народа к иносказанию была потрясающей.

Между награждениями шел телесериал «Следствие ведут ЗнаТоКи». Часть публики почему-то фыркала от песенки «Если кто-то кое-где у нас порой честно жить не хочет...». Вероятно, она, эта часть, догадывалась об истинном уровне преступности в нашей стране. Большинство же населения находилось в счастливом неведении, в безмятежном спокойствии за свою безопасность. Так только, кое-где некоторые милиционеры допускали рукоприкладство... Слегка калечили задержанных, кто-то обирал пьяных – неизвестно кто... Порой сажали не тех... А в основном все было тихо, факт. Звукоизоляция была идеальной.

И вдруг – Вознесенский по телеку: «Я – горло! Повешенной бабы, чье тело, как колокол, билось над площадью голдой!..» – это он с Родионом Щедриным написал ораторию «Гойя». Неужели можно?..

У нас в Перми, в ДК Гагарина, при людях – и вдруг такая текстуха в затемненном зале: «Человек надел трусы...». Что-о?! Да нет, нет, это стихи того же Вознесенского, стихи на тему времени: «По утрам, надев трусы, не забудьте про часы». Шутка гения. А на экране диапозитивы известных пермских фотохудожников. Всё литовано. Фокус, однако, был в том, что шутливые стихи в соединении с безобидными диапозитивами да под «космическую» музыку поднимали тему ВРЕМЕНИ именно в абсолютных, несоветских координатах. Тему, уже ставшую болезненной, хотя слово «застой» еще не прозвучало. Обстановка в затемненном зале была грозавая.

Никто не хотел свергать советскую власть, она сама приставала. Человек вне политики не имел права быть. Или ты будешь общественник – или тебя не будет вообще. Ты обязан ходить на службу, платить разные взносы, посещать промывания мозгов, выписывать себе промыватели (газеты), обязан одобрять, обязан любить до гроба. Иначе задолбают, отовсюду выгонят, а потом посадят за тунеядство. И не выпустят, пока не перекуют.

Звени, отваги колокол!

В дороге все, кто молоды.

Нам карта побед вручена.

Понятие «частная жизнь» было вражеским. Личная жизнь подлежала контролю. Жены жаловались на мужей в парткомы, и парткомы обсуждали интимные подробности «поведения коммуниста в быту», выносили постановления: «вернуть в семью», раг ехеuple. То же в комсомоле, в пионерской организации. «После уроков будем тебя разбирать». Разбирали.

Всех тошнило, довоенные моральные нормы уже сто раз устарели, инструкторам приходилось покрикивать: «Поактивнее, товарищи!» Всем уже было глубоко «по фиг». На протесты, однако, не хватало духу, оставалось тихо саботировать мероприятия.

Казус. На заводе Орджоникидзе работал простым инженером легальный богач по фамилии Бородянский. О размерах его состояния ходили легенды: будто он как-то раз всему заводу зарплату выплатил. С банком вышла заминка,

обратились к Бородянскому, и тот выручил, одолжил – всему заводу хватило. Он не был бизнесменом, просто накопил, одной морковкой питался, одинокий. Безобидный чудак, к нему каждую неделю по понятной причине невесты сватались, так он их чаем напоит, до дому проводит – и все. На старости лет хотел дать деньги на постройку детсада, но с одним условием: чтобы был тот садик его именем назван. Власти долго колебались, но так и не решились.

Тем временем Брежневу подарили Ленинскую премию в области литературы за ту его трилогию, помните? Которую ему Чаковский со товарищи написал. Штирлиц – Вячеслав Тихонов – читал нам по ЦТ книжку Брежнева «Малая Земля», как сказку малышам.

Вот и еще один кумир вдребезги. Не было никакого Штирлица. Ауфвидерзейн.

Не-ет, не «ауфвидерзейн»! Ты у нас ее тоже читать будешь! Герой! Мы тебя заставим «Малую Землю» сдавать на экзамене по философии! А вот фиг вам. В билете два вопроса, выеду на втором, но читать не буду. Зрение пропало, куриная слепота от систематического недопития.

Осенью Брежнева провезли через Пермь. Знакомая телефонистка рассказывала: на полдня остановили все поезда в округе, выгнали всех со станции Пермь II: пассажиров, служащих, вообще всех, кроме дежурного диспетчера, оцепили площадь и пути на километр. Не дай бог, советский народ к вождю приблизится. А народ и не пытался. «Заколебал» – словечко из 70-х, маскированный мат, произносится сквозь зубы.

В 1978 году я крутил свой второй фильм – уже вполне попсовый клип – на дискотеке в Доме офицеров и в Институте галургии. В отличие от первого, «интеллектуального», его можно было крутить под любую музыку без остановки и даже задом наперед. Что мы и делали цинично, удаляясь тем временем в буфет и насасываясь там портвейном до побурения, пока в танцевальном зале шла вся эта катавасия.

В моде были «АББА», «Би Джиз» и «Бони М»: хей, хей, Распутин, рашен крейзи лав машин!

1979. Отвяз с оттягом

Отдел заказов образца 1979 года – очень удобная вещь. Кому общего ассортимента не хватает, иди в отдел заказов, прямо тут же, в «Гастрономе», и набирай: венгерский зеленый горошек, болгарские сухие вина, куры в упаковке, соки. Главное – не меньше десяти наименований. Кандидаты наук очень радовались, потому что денег им тогда платили достаточно, а к спецраспределителю не подпускали. Жаль, скоро отделы заказов истощились и стали работать по спискам: венгерским, многодетным и т. д.

А вот ресторан в 1979 году был доступен даже инженеру – в смысле цен. Поэтому вечером попасть – «Мест нет», естественно, или «Ресторан на обслуживании». Столик заказывали за неделю. Ну, или стояли в очереди у входа, а куда деваться? Кажется: жизнь – там, за спиной швейцара... А там был отвяз уже безо всяких церемоний, отвяз и съём. Ресторан как культурное заведение, куда наряжались, как в театр, канул в прошлое. Были попытки поднять престиж. В «Каме» открыли программу варьете – настоящий буржуйский кордебалет в плюмажах! В «Элладе» оборудовали элитную дискотеку – билеты через райком комсомола! Во всех ресторанах ввели обязательную культурную программу перед выпивкой. Мужчин без галстуков не пускали. Но все это было уже впустую. Народ терпеливо ждал, когда кончится концертное отделение и начнут подавать водку. Первого официанта с графинчиком встречали урчанием, лица светлели. Через пять минут начинался обычный бардак. Бардак правил бал, чесал всех под одну гребенку: входили в ресторан разнообразные чело­веки, выпадывали одинаково растрепанные скоты. Ловили «тачки», ехали совокупляться, таков был порядок – следовало «продолжать».

Панорамируя рестораны и танцплощадки второй половины XX века, видим: дело шло к отвязу давно, регламент поведения убывал плавно. Танец рок-н-ролл, при всей его экстравагантности, был еще как-то регламентирован, это был парный танец. Отвяз пришел с твистом в начале 60-х. Твист можно стало танцевать в одиночку и в толпе, поперла импровизуха. Шейк танцевали уже кто во что горазд. После

шейка, с 70-х и доныне, наступил пластический беспредел, не имеющий названия, условно – «быстрый танец», отвяз с оттягом. После шейка никакие конкретные танцы не приживались. Налицо медленное разрушение ритуала, разложение сознания язычников. Мы же язычники, «козе понятно» (эта самая «коза», кстати, через десять лет родит «козла» – постсоветский тотем).

Глядим с завистью на стариков, танцующих кадрили под баян: они сохранили свою общину, им тепло вместе. Нам туда, к ним, не попасть: у нас другое сознание – никакое. Кстати, танцуют они в Черняевском лесу; характерное место языческих камланий – лес. Храни их Господь.

В 1979 году повысили цены в ресторанах в вечернее время – на треть.

Курили: сигареты «Стюардесса», «Родопи», «ТУ», «Опал», «Интер» – это «хорошие», с фильтром, 35 коп. «Дымок», «Астру» («Астму»), «Приму» – «чтоб продирало», 14 коп. «Беломор» – папиросы для настоящих мужиков! Для престижу – болгарские в твердой пачке «ВТ». Зубы чистили – болгарскими опять же пастами «Магу» и «Ротогип». Латинские буквы на тюбиках льстили обывателю, он уже не верил лозунгу «Советское – значит, отличное!». Советский «Знак качества» дураки и жулики лепили куда попало.

Пили: водку «Русскую», 4.12. «Боровинку» (не помню почему). Шампанское было разных сортов – от «брют» до «сладкого», все 4.70. Новинка: водки «Сибирская» и «Пшеничная» с винтовой крышкой вместо «бескозырки», теперь допивать бутылку стало необязательно, но что-то я не помню, чтобы этим удобством кто-то пользовался. «Старка» еще была. Бренди «Сълнчев бряг». Ром как-то завезли в Пермь – «Гавана Клуб». Пиво, блин, пльзенское в алюминиевых бочках. Хорошее пиво, быстро выпили. С ромом вперемешку.

На слуху слово «пивбар»: «Жигули» в Балатово и «Подкамник» в подвале ресторана «Кама». Поначалу там культурно было. Подавали копченые ребрышки, пиво в кувшинах почти не разбавленное. Мебель в «Подкамнике» была ужасно неудобная, вылезть из-за стола – проблема, после трех кувшинов – вообще нерешаемая. Голубого официанта в «Жигулях» помню, язычок всем показывал, балерун.

В 1979 году в моду вошли «дипломаты» – дюралевые «мыльницы», облитые черной «шагренью». Дубленки стали самой престижной верхней одеждой: 600 –1000 руб., если достанешь. У «масс» своя мода: зимняя куртка «аляска» с болоньевым верхом, мужские туфли на высоком скошенном каблуке, у девушек – духи «Быть может». За Пикулем гонялись. За пленками с Высоцким.

Высоцкий был последним национальным героем. Фронтовики, ээки, алкаши, менты, спортсмены, жлобы, романтики, диссиденты и партийные бонзы – всех охватил Высоцкий своей харизмой и повел «по-над пропастью». Никому с тех пор не верили так, как ему. Даже Кашпировскому.

Тот же Высоцкий был замечен мной в потрясающей пропартийной халтуре. В радиоспектакле «Сухэ-Батор» он сотрясал воздух бездарными лозунгами главной роли. И не сгорел со стыда, ничего. И я, услышав, не расстроился. Привык уже. Все так жили тогда – в двух измерениях, и я так жил. Это было несколько не обременительно, даже придавало будням пикантность. До поры...

1980. Диковатые жители закрытого города

В 1980 году ко мне в гости приехал эстонец Юло Мустамяэ. Я водил его по разным компаниям и наслаждался эффектом: мужики, услышав иностранное имя и акцент, терялись и разговаривали с моим эстонцем, как с глухим; девчонки таяли и вообще лишались речи.

Обожали иностранцев. За их отсутствием обожали пермских немцев, но только если у них были «шмотки» и акцент, обрусевшие немцы в пиджаках от «Пермодежды» никого не интересовали. Однако и те, которые с акцентом, и те, которые без, при первой возможности уезжали на родину предков, подальше от советского обожания. Уезжали семьями, оставляя друзей и плоды трудов своих, уезжали навсегда. В 80-м пермских немцев отпускали неохотно, а встречали в ФРГ радушно. В 93-м все стало наоборот.

Вообще, любой западный акцент имел над нами магическую власть. Ну кто бы стал слушать певца Тыниса Мяги, не будь у него западного акцента?

*Сэгодня никуда от спорта не уйти,
От спорта эт спасэ-эния!*

Это где-то там, в Москве, был большой праздник с иностранцами – Олимпиада-80. Вся страна ее обслуживала, голодная, разутая страна. Обслужила, а потом села к телевизорам и посмотрела на свое величие и утешилась. Отдельные злопыхатели рассказывали анекдоты про Мишку Талисмана, который на воздушных шариках в Израиль улетел.

Большая точка в нашем мозгу: Израиль. Истерия в прессе по поводу выезда евреев из Советского Союза подняла муть со дна, с близкого доньшка обывательского сознания: Родина-мать их вскормила-де, вспоила, а они кинули ее, обокрали, смылись, не расплатившись за образование, и т. д. – предатели, короче, старая песня на новый, советский, лад. Погромов не было, но вот в троллейбусе к еврею приставал подвыпивший мужик, сам видел. Глупо приставал, бесцельно, бредил тупой ненавистью вообще. И все молчали, попутчики.

Мнили себя великим народом. Дряхлого косноязычного правителя считали обидным недоразумением, какой-то необъяснимой досадной случайностью. Объяснение: «Каждый народ заслуживает своего правителя» – нас не устраивало. Мы, по нашему представлению, заслуживали лучшего. По пьянке способны были признать свою избыточную терпеливость – ну ладно, малодушие, – но только не кретинизм. Дойти до сути никак не получалось: участники дискуссии к утру отрубались и падали прямо тут же, на кухонный пол. Нам до зарезу нужно было «зеркало», чтобы увидеть себя со стороны. А «зеркала» не было, вокруг была тухлая, прокуренная вата. Был «Сталкер»: две серии бурьяна, мусора и страха – сеансами в «Комсомольце». Хороший фильм, кстати, три раза смотрел. «Только этого – мало»...

В 80-м умер Джо Дассэн, мсье Комфорт, шансонье с необычайно уютным голосом и огромной популярностью в Советском Союзе.

«Ты слышал – Высоцкий умер!» – «Что?!» – шок. Это была уже ощутимая потеря. Потеря воздуха, будто остановилась

вентиляция: значит, скоро и мы сдохнем. А эти паразиты ему Государственную премию присудили – посмертно. Смешно, Высоцкий был «наш», никак не «государственный». А вот интересно, отказался бы он от госпремии, будь он жив?

Застрелили Джона Леннона. Мой знакомый хиппи заплакал: «Ну, это уже вилы». Из отдушин одна Пугачева осталась. Анекдот-80: в XXI веке выпустили словарь – там на букву «Б»: *Бред... Бредень... Брежнев – политический деятель эпохи Аллы Пугачевой.*

Бешеная популярность была у Пугачевой. Потому что сама она была... Ну скажем так – независимая женщина среди рабов. В этом все дело, вокал-то у нее довольно средний. Но – независимая! Она первая заявила о своей личной жизни как о высшей ценности. И первая дала по носу ее блюстителям: не ваше дело.

*А как стану я немилрой –
Удалюсь я прочь,
И, скатившись по перилам,
Упаду я в ночь.*

Неслыханная дерзость. Рабы, кстати, очень быстро учились дерзить. Как слабинку хозяина почуяли – давай дерзить, носы друг другу квасить. А сегодня новая дерзость нужна – другого человека за ценность признать.

В 1980 году пермский клуб самодеятельной песни провел свой первый фестиваль – во ВКИУ. С тех пор КСП много лет подряд проводит фестивали: нашли деньги или не нашли – в лесу у костра все равно споют про «солнышко лесное».

В 1980 году вышел на экраны первый отечественный боевик *а'ля Гонконг* «Пираты XX века». В Пермь прилетел исполнитель главной роли Еременко-младший собственной персоной, выступал перед зрителями в кинотеатре «Россия» в грязных резиновых сапогах и с выражением крайнего высокомерия на красивом лице. В фильме впервые показывали карате. Карате, короче, это типа бокса, только бить надо ребром ладони или ногой. Недавно рассекретили древнее искусство. Тысячи юношей крутили в воздухе ладошками и ломали себе кисти на кирпичках. Отменялась мышечная сила, это устраивало девушек, они тоже крутили и пинались, зачастую превосходя юношей агрессивностью.

Кстати о девушках, анекдот в тему. Американский турист соблазнил комсомолку. На прощанье дает ей доллар – та не берет. Сидит плачет. Он ей 10 долларов – она не берет. Плачет, не уходит. Американец забеспокоился: «Ну, может, купить тебе чего-нибудь? Обувь? Еду?» – «Ничего не надо, мистер, – говорит девушка. – Только уберите, пожалуйста, ваши “Першинги” из Восточной Европы».

1981. Как мы чокались

Открываю глаза – все те же лица. И еще какой-то человек поет под гитару: «Я уплываю, и время несет меня с края на край...» Ты сказала, что человек этот верит в *переселение душ* и что нам с ним надо идти за пивом. Я пошел, заинтригованный обоими обстоятельствами. Про «переселение душ» я в тот день так ничего и не узнал. И пиво мы не купили – его нигде не было. НИГДЕ.

Прихожу на работу – там везде рыба разбросана. Тюлька пряного посола, судя по запаху. Крошки черствые на столе, фильтры обкуренные, магнитофонная пленка по полу серпантинном – ага, это мы вчера «Чингисхана» отплясывали. Начинаешь вспоминать.

В другой раз, тоже с бодуна, прихожу на работу, глядь в окно – под окном труп лежит. Ну, думаю, мой. Протер шары – девчонка. Голая. И менты в траве шарятся. И что обидно, ничего вспомнить не можешь. Слава богу, обошлось. Пошли с другом «лечиться» – пива не нашли, пришлось водку купить. И все по новой.

Стихи скандировали: «Хорошо быть молодым!..» Влезали в окна к любимым женщинам. И просто к женщинам. И просто в окна, а также на телефонные будки и квасные бочки, изображая памятники самим себе. На церковный двор через забор проникали – службу посмотреть. Во лужах, вздымая кубки, декламировали Пушкина: «Пора! Пора! рога трубят; псары в охотничьих уборах чем свет уж на конях сидят...» И горланили, перемежая тостами, песни Дольского, Визбора и нашей Ларисы Пермяковой – в тоске неизбывной:

*Бреду, бродяжка, как в бреду,
Как будто книгу на ходу
Знакомую читаю.*

Девушки красились самодельной тушью. Крошили в железную баночку черный карандаш «Живопись», строгали туда же мыло и плавили все это на газе при помешивании смеси и рассудка. Когда жижа застывала, резали ее на дольки и укладывали в «фирменную» коробочку. На ресницы наносили обычным порядком. Ресницы делались черные-черные, длинные-длинные, и все это для нас...

А мы, подлецы, принципиально не желали ничего доставать: ни косметику нормальную, ни сапоги румынские, ни электрические самовары – последний писк. В 1981 году в моде были полотняные платья «сафари». Форсированный вариант – платья «милитари»: погончики, нашивки, шевроны. Ансамбль дополняла модная прическа – хвост над ухом. Деловые мужчины в 1981 году носили дутую золотую печатку на жирном волосатом пальце и мужскую сумочку, называемую почему-то «визитка». Мы их не любили, деловых. Кстати, ОБХСС – тоже.

Зато они были хорошими отцами (не то что мы), и именно им, как выяснилось, светило будущее. Своих детей они называли по моде: Дима, Денис, Маша, Оксана. Из моды незаметно выпали Миши и Бори, почти не стало маленьких Люд. Одни только большие Люды сидели с нами на кухнях и слушали наши стихи – кодированные исповеди. Курили кишиневское «Мальборо» – до полуночи, а после – «кизяк» и что закатилось под холодильник с прошлого раза. Слали гонца за винцом, он возвращался не один: проплывали какие-то воры, журналисты, балерины, хирурги, окулисты-гинекологи, десантники и просто забияки – хоровод собутыльников. Эстафета диванов, кушеток, козеток, соф, раскладушек и просто матрасиков на полу. Дух бродяжий, ты всё еле-еле.

Как мы чокались? Часто. Фигурно: «камушками», «по-водолазному», под речевки типа: «Не желаем жить – ЭХ! – по-другому!» или под выдох скорби: «Ну, давай». Пили стоя, сидя, лежа, с кулака, с локтя, с мостика, перекатом «по орденам», с переворотом и подскоком. Пили спирт гидролизный («галошу»), неразведенный почему-то. Почему было не раз-

вести? – непонятно. Сами были неразведенные потому что. Ну, то есть действительность не устраивала – улетали таким образом, от спирта ведь разгон знаешь какой – как будто под зад пнул слон. Да и как иначе, если стакан по-турецки «бардак»... Стоп, дальше ни слова, секса при советской власти, будем считать, не было. А была всякий раз *литература*: романтическое грехопадение с последующими терзаниями себя и жертвы. Ну, ты в курсе.

Кодировать свои исповеди – единственное, что мы хотели и умели делать хорошо. Все остальное не имело смысла, а особенно «служение обществу». Просто «общества» уже не было – были пальцы крестиком у вождей и фиги в кармане у «масс». А нам это зачем? Мы уже летали (во сне и наяву, помнишь?), видели какое-то сияние на горизонте – бог его знает, что там было, может, Истина? Ходили на работу, прикидывались полезными и скромными, смывались оттуда пораньше и расслаблялись на конспиративных квартирах.

Самая экзотическая из них была, конечно, на улице Матросова – избушка на курьих ножках, полная чертей и гениев. Один из чертей на четвертые сутки белогвардейского кутежа кинул-таки в хозяйку круглый тяжеленный стол и сломал ей ногу. Говорят, это был я. Ну конечно, «я», условно-конкретный персонаж этой драматичнейшей из хроник. Смерть моя, я знаю, будет страшна. Худой и немощный, я буду лежать на раскаленной постели, глядеть с тоской на облака и молить о минуте покоя, а стадо чертей будет с хохотом бить в барабаны, орать под гитару «Колыбельную» Гершвина и читать мне последние известия через мегафон прямо в ухо. Люди! Все, кому я докучал в 1981 году своими ночными оргиями и кухонными бреднями о благоустройстве Советского Союза, – если вы живы, простите меня. Я больше не буду.

Избушку на Матросова уже снесли, место продезинфицировали и застроили. Но доску мемориальную мы все равно там приколотим. Памятный знак установим в виде багрового кукиша на все четыре стороны.

...На прощанье ты подарила мне деревянного истуканчика с улыбкой олигофрена – подставку для карандашей. У него в голове было двенадцать дырок. Вот мой образ той эпохи:

двенадцать дырок в голове и улыбка олигофрена. Кто не помер, тот выжил. Вместо дарственной надписи ты начертала одно слово у истукана на пятке: «Забудешь?» Забыл.

1982. К Червякову в гости!

Кто-то из пермского андеграунда довольствовался своим частным кайфом, а кто-то пытался легализоваться. В 1982 году компания молодых поэтов и художников сумела столкнуться с комсомолом, получила у него «добро» и стала называться Клуб творческой молодежи «Эскиз». Через своих людей в газете «Молодая гвардия» клуб пробил для себя постоянную рубрику. И стала «Молодуха», оплодотворенная клубом, очень даже ничего. Отыскивала и публиковала хорошие стихи и прозу, в стенах редакции проводила выставки авангардистов и концерты бардов. В 1982 году открыла первую в области брачную контору – «Служба содействия браку».

Так что застою застоюем, а жизнь, если вспомнить получше, кипела. Дыбился (анти)советский рок, впервые в жизни я записал русскоязычных исполнителей: Майка Науменко, БГ и паренька этого, с гнусавинкой, ну как его – Андрея Макаревича: «И когда мне тесно в старом доме, я сажусь у третьего окна».

Глаголом жгла сердца «лейтенантская правда о войне» Бондарева, Быкова, Бакланова, Адамовича. «Иностранка» поднимала и предъявляла нам пласты культуры «антиподов» – латиноамериканцев – то самое «зеркало» (одно из), которого нам так недоставало, чтобы увидеть себя со стороны.

В книжном у ЦУМа появились репродукции Босха (шизик, наш в доску). На дому кое у кого можно было посмотреть самодельные диапозитивы Сальвадора Дали, к 1982 году он стал самым модным художником в Перми. К тому времени наша сказочная жизнь уже полностью совпала с бредом Дали, и любимое словечко стало у нас «сюр».

К слову – анекдот. Таксист ночью пристает к пассажирке, лезет к ней под подол, а она ему: «Мущина, предупреждаю:

я – натурщица Сальвадора Дали», – «Ну и что?» – «А то. То, что вы ищете, находится у меня за ухом».

У народа в 1982 году «поехала крыша» – новая идиома. Актуальная тема. Вариации: «Ждите. Еду. Ваша крыша», «Серым шифером шурша, крыша едет, не спеша». Любимая песня – «Под крышей дома – никого». Через десять лет «крыша» к нам вернется на бандитском джипе.

А тогда на сцене телестудии Останкино злобствовал пародист Александр Иванов, тоже примета времени. В его эстрадных концертах «Вокруг смеха» обнаружил себя Жванецкий, он читал монологи с листа: «Нормально, Григорий? – Отлично, Константин!». Валялись от хохота.

Да конечно, отлично, чего там. Это «у них» был застой. А «у нас» множились театральные студии. Новинка – «комнатные театры»: без сцены, актеры смешаны со зрителями – хэппенинг по сути. Пермские киноклубы размывали пошлость настоящим искусством, в клубе работников госторговли шли шедевры Феллини, Антониони, Вайды. Низкий поклон тем подвижникам, что добывали их для нас.

Так что в 82-м в Перми уже все можно было найти: и Кортасара, и Филонова, и Юнга – только захоти. И даже игрушечные железные дороги – немецкие, «РІКО»: рельсы, вагончики, пакгаузы, тоннели, стрелки, переезды, домики с цветниками – и все вот такусенькое, невиданной красоты, и все работает. У «Детского мира» стояли взрослые дяди-коллекционеры, менялись деталями.

Мужская мода-82: сабо – туфли без пятки на деревянной платформе. Престиж-82: кожаный кейс с кодовым замочком. И еще сауна. Это такая финская баня, там сухой жар до 120 градусов Цельсия! Если кольцо не снял – ожог. На выходе из сауны – купальня и «послебанник» с суксунским самоваром, грузинским чаем, «Жигулевским» пивом, «Русской» водкой и римским развратом. В банные номера записывались за месяц, «уважаемые люди» проходили без очереди. «Шишки» строили свои сауны.

Модницы к зиме вязали «шапку-ворот» – трубу, ниспадающую с головы на плечи. Дети просили «кубик Рубика», позже – одноименную «пирамидку», «змейку».

«Адидаас» путали с «Жальгирисом». Пели: «Адидаас – три полоски» на мотив ВИА «Ялла» «Учкудук – три колодца». (На тот же мотив: «В кучку дуй – и колотьяся» – песня наркоманов, приближающихся.)

Светская новость: Алла Пугачева рассталась со своим пожилым «маэстро» Раймондом Паулсом. Прима обнаружила неиссякаемую любовь к молодым дарованиям, рядом с ней взошли и прославились доселе никому неизвестные Игорь Николаев, Владимир Кузьмин...

*Две звезды, две светлых повести,
В своей любви – как в невесомости...*

А невозмутимый Паулс нашел свое счастье с «Кукушечкой»: «Бабушка рядышком с дедушкой». Говорят, потом его кинуло в министры – такая импровизация, зашибись. Латвийский рэгтайм.

В 82-м народ дивился на «Сан-Ремо»: Тото Кутуньо, Рикардо Фольи, «Рики э Повери», кхм, Пупо... Другая планета. Другой язык, иная манера держаться, костюмы, стили – все другое, Европа. Благополучие. Нега так и лилась с экрана в наши истерзанные сердца.

Нам зачитали Продовольственную программу в 82-м. И мы в сотый раз поняли, что на наше государство надежды никакой: программы не было. Была отписка – длинная, правильная и бесполезная: таких вокруг море, мы сами их сочиняли каждый день. А что будем кушать?

Придумали «подсобные хозяйства» – везде: на предприятиях, при школах, больницах, воинских частях. Газеты с восторгом рассказывали об овощных грядках в детсадах, о свинских сарайках позади столовых, о дачных обильных урожаях. Завод Орджоникидзе выращивал две сотни свиней у себя прямо на территории, под кислотным дождем. Привлечения горожан на сельхозработы приобрели зверский характер. Почитает доцент лекции студентам – и на совхозную борозду. А потом еще на собственном участке картошку копает.

Остряки прозвали свои огородики «дураково поле». Юмор горчит. «Куда собрался?» – «К Червякову в гости». Дача перестала быть символом успеха, теперь она – надежда семьи и ее проклятие.

1983. Феличита!

Это Аль Бано и Роминочка Пауэр нам пели, жмурясь от колючего невского ветра, как будто от счастья. В 1983 году по телевизору крутили их «фильм-концерт», записанный в Ленинграде с намеками на Венецию. Гранит теплел на глазах под ладошкой Роминочки, балтийские чайки перекрикивали Аль Бано.

Дуэт работал – влюбленной пары не было. А так хотелось, надоели уже имитации, жизнь наша буквально состояла из имитаций, симуляций, туфты и лажи.

Осень, все на картошку! Школьники в восторге: не учимся! Выезжали классами, бегали по полю, кидались картошкой друг в друга, набегавшись, садились в кружок с бутербродами и термосами (Калининского завода) – закусывали, жмурясь на осеннее солнышко: «Феличита». У парней в термосах был вермут. Начиналась захватывающая игра в кошки-мышки с классной дамой.

Студенты-первокурсники выезжали в колхоз на месяц – была такая хорошая советская традиция, праздник поступления в вуз, праздник знакомства, медовый месяц на свежем воздухе. Деготь в бочку меда капали всякие команды с их дурацкими сотками-сводками и еще – дожди: грязь, «копалки» не ходят, трактористы «пируют», ковыряешься вилами в грязи во имя страны, как Павка Корчагин, а девчонка-напарница, вся в полиэтилене, роет грязь руками и твои анекдоты про Андропова слышать больше не желает. Конец «феличите», распад и разложение в отряде, разговорчики в строю всякие антисоветские. На привале студенты поймали козу, привязали ей к хвосту банку из-под «Завтрака туриста», хлестнули. А она не побежала. И тут облом.

Все предприятия участвовали в ежегодной «битве за урожай», все учреждения (даже вредный обллит – их ждала морковь в районе Култаево). Городские «Икарусы» по утрам вывозили население на поля, вечером забирали обратно. Потери от тотальной мобилизации никто не считал, казалось, если горожане не помогут колхозникам, зимой наступит окончательный голод.

Сейчас никто селянам не помогает – и что-то не померли, не знаю...

Чтобы не заикливаться на бестолочи, горожане наловчились обращать насилие властей в развлечение: отвлечши внимание «стукачей» и парторгов, устраивали пикники в борозде.

А как выезжал трест ресторанов и кафе! Вместе со «стукачами» и с парторгами в обнимку. У моего приятеля мать работала в смежном с рестораторами тресте завскладом-«товароведом», она той осенью получила лестное приглашение поехать с ними «на картошку» и, не раздумывая, согласилась.

«Уважаемые люди» выехали в поле со столами, понятное дело с посудой, с баяном, с коробками «дефицита». Какая там, на фиг, картошка, какая такая «продовольственная программа»! Феличита!

*Малиновки слыша голосок,
Припомню я забытые свиданья,
В три жердочки березовый мосток
Над тихую речушкой без названья, –*

струили беспричинную радость «Верасы» из магнитофона. Ресторанские тетки в золоте верещали про «час розовый», «дефицит» к ним в утробу уже не помещался, валился изо рта. А наутро приезжали трактора и закапывали неубранный урожай вместе с мусором в землю.

Рестораны днем кормили нас «комплексами» за 1–1.50 руб. Кафе ничем не отличались от столовых: и там, и там самообслуживание, вместо столов – «стойла», окрики уборщиц: «А посуду кто уносить будет?!» Vonючая тряпка елозит перед носом, попрошайка ждет, когда ты ей оставишь кусок... В 83-м чаще всего попрошаек можно было видеть в кафе «Волга» на Компросе.

С ностальгией вспоминалась старая добрая рыба хек, в 83-м кормили нас минтаем и диковинной пристипомой уже не только по четвергам – всю неделю. Куры запахла рыбой! Прошел слух: кур на птицефабрике кормят рыбьими головами! Мясные пельмени еще были кое-где, стоили 36 коп. порция – 8 штук. Молоко продавали в треугольных дырявых пакетах, чаще всего «восстановленное» из сухого. Кефир

в широкогорлых бутылках, запечатанных фольгой. Проволочная тара пришла на смену деревянным ящикам. Как на лошадках, на проволочной таре детвора зимой каталась с горок.

Пиво бутылочное было в «чебурашках» с наклейкой полумесяцем, 37 коп. с посудой. Разливное пиво таскали бидонами, канистрами, но чаще всего стеклянными трехлитровыми банками под полиэтиленовой крышкой, 44 коп. за литр мутного суррогата без названия. Его еще надо было найти. По утрам встречные мужики с банками обменивались информацией о пройденных пивных точках. Найдя источник, стояли в очереди и час, и два, и три. Очередь за пивом с утра – это вообще русский «сюр»: что за рожи, что за одеяния! А что за концерты! Постой-ка с «люмпенами» два часа с похмелья да под палящим солнцем – фантастом станешь, третьим Стругацким, вторым Лемом, Лецем и Лехой Валенсой еще до кучи.

На работе в 83-м за дисциплину взялись: Андропов приказал. Завели на работе журналы прихода-ухода, начальники встали у дверей – ловить опоздавших. Вахтеры помолодели: пришло их время, настал их звездный час, они теперь главнее начальника – если что, напишут куда надо, что он попустительствует, и будет начальнику клизма. Никто не работал – все только соблюдали и отчитывались. Несколько месяцев по струнке ходили. Потом стали забывать журналы заполнять, потом и вовсе потеряли их нечаянно... Штраф за безбилетный проезд в том году нам увеличили втрое: три рубля стал – стократная стоимость проезда на трамвае. Работа контролеров была вредной, теперь стала опасной.

Новость: из Афганистана дембеля возвращаются с травмированной психикой. Ну, для пермяков это пустяки. Вот, к примеру, у меня знакомый из тюрьмы вышел, так он как водки хлебнет – вообще дикий делается: глаза белые, фиксы вперед и вилкой машет: «Всех порешу, суки!» И таких в нашем арестантском городе бродили сотни. Так что психами нас не удивить, мы сами психи. А вот «груз 200» – это что-то новое...

И поверх всего – чье-то маленькое личное счастье. Как всегда, поверх и вопреки.

1984. Последний год «застоя»

Долгая память хуже, чем сифилис,

Особенно в узком кругу.

Идет вакханалия воспоминаний –

Не пожелать и врагу.

И стареющий юноша в поисках кайфа

Лелеет в зрачках своих вечный вопрос

И поливает вином, и откуда-то сбоку

С прицельным вниманьем глядит электрический пёс. (БГ)

Последний год «застоя» – 1984-й. Все нарывы созрели. В моде словечки: «левак» – шабашник; «шабашка» – левая работа; «халтура» – плохо сделанная работа; «халтурка» – шабашка, которую можно сделать плохо.

Все мысли вокруг этого. Летучая фраза: «Где бы ни работать – лишь бы не работать».

И мы несем свою вахту в прокуренной кухне,

В шляпах из перьев и в трусах из свинца,

И если кто-то издох от удушья,

Отряд не заметил потери бойца. (БГ)

Пьяные исповеди на кухне надоели до чертиков. Какой-то рокер по фамилии Цой выискался: «Перемен! Мы ждем перемен!» Чудак. Всем же ясно: никаких перемен не будет НИКОГДА.

Теперь-то мы знаем: то был последний год. Уже следующей осенью повеселеет Центральное телевидение и оживут центральные газеты. Еще через год появятся умные и честные книги, одновременно повылазят откуда-то в невероятном количестве хитрые и жадные сволочи, и такая у нас начнется с ними интересная жизнь...

Все шло к тому давно и неотвратно, властям ничего уже не оставалось, как разрешать, разрешать... Запретить они ничего больше не могли, пытались – не помогало. Система прогнила, народ распустился, техника и та работала против советской власти: сокращала расстояния, сближала континенты, выводила людей из-под контроля. В 1984 году появились в продаже первые отечественные видеоманитофоны «Электроника ВМ-12» (а с ними и первое порно), любители строили самодельные персональные компьютеры (из теле-

визора «Юность» и магнитофона «Ритм»), громоздили на балконах самодельные спутниковые антенны. В деревнях появились первые частные трактора! Горбачев мог быть, мог и не быть, мог объявлять «перестройку», мог и не объявлять ее – все перемены состоялись явочным порядком, они не могли не состояться.

Но мы-то этого не знали. Мы чувствовали смрад. Вот похоронили Андропова. Новый генсек Черненко тоже на ладан дышит. Вояка Устинов увяз в Афганистане... Стоп! В Афганистане увязли наши ребята, а министр обороны Устинов нежился в Москве. Люди роптали, уже не оглядываясь на «стукачей». Наш «ограниченный контингент», похоже, воевал сам за себя. Одна бессмыслица нагромождалась на другую: зачем-то ввели зенитно-ракетную бригаду. Опомнились, начали выводить – опять бестолковщина: в тоннеле 16 солдат задохнулись от выхлопных газов собственной техники. Скрыть это уже не удавалось.

Мне это напоминает сегодняшний день (Очерк написан в сентябре 2000 г. Атомоход «Курск» лег на дно 12 августа 2000 г. – В.К.), наших подводников. Тоже «геройская» смерть по чьей-то глупости. Понятие «героизма» извратили при Брежневле – советском супергерое, образце для подражания. Неужели навсегда?

Все уже было. В 1984 году «Союзаттракцион» вовсю внедрил игровые автоматы – в фойе кинотеатров, клубов и ресторанов стояли хитроумные ящики с окошком и ручкой, за 15 коп. той ручкой можно было сбить самолет, потопить крейсер, настрелять дичи, насладившись при этом ее предсмертными криками. Дети могли покачаться на катере, тракторе. Уже тогда появились краны – хваталки игрушек – для особо жадненьких деток.

На ЦТ примета времени – шоумен Юра Николаев. В воскресной «Утренней почте» он кувыркался и переодевался, искренне, но бестолково стараясь сделать шоу из опостылевшего концерта по заявкам. Талантливые «веселые ребята» на советском телевидении не задерживались, а Юра держался годами.

Альтернативное – неофициальное – искусство цвело фосфоресцирующим подвальным цветом. В прозе шизовал

новый, «амбивалентный» герой. В поэзии заплетала извилина «метаметафористика». Больная, реактивная литература, она была сильна именно своей болью, страшна юмором висельника и притягательна подлинностью переживания почти документальной. Да без «почти» – ведь она существовала в рукописях, на листочках. И еще в живом общении, бытовал такой жанр изолированного искусства. Адресов известно много. Самый замечательный в Перми – Народовольческая, 42.

Там, в подвале общежития, было целое гнездо «эстетического разврата» – мастерская тогда еще неизвестного ни Европам, ни Америкам «Папы» Смирнова, слайд-студия Пашки Печенкина, клуб авторской песни Коли Шабунина, фотограф Андрей Безукладникова. Хватило бы одной ручной гранаты в разгар пирушки, чтобы покончить разом со всем пермским андеграундом. А обком слиберальничал – и вот где он теперь, обком? А наши орлы вона где – в зарубежных каталогах и энциклопедиях.

В 1984 году Пермский обком КПСС специальным постановлением осудил поэтические вечера в кафе «Театральное» за неправильные стихи и за граждански незрелую слайд-композицию, показанную однажды. Авторы имели дерзость оторваться от реальной почвы и уйти в самое себя, что приравнивалось к идеологической диверсии. Исполнительные власти немедленно прекратили вечера и закрыли слайд-студию на Народовольческой – чтобы никто не отрывался и не уходил.

Чуть было не закрыли клуб любителей фантастики. Там частная инициатива достигла неслыханных масштабов – распространилась по всей стране! Любители фантастики при попустительстве соответствующих органов организовали информационный обмен между клубами разных городов, устраивали регулярные слеты, читательские конференции, выпускали рукописные издания, читали nereкомендованную литературу и, что совсем уже невыносимо, переписывались с Западом. Воспитательные мероприятия положили конец любительскому бесчинству, фэны раскаялись, но не искренне – выждав время, взялись за старое.

Жить буке обкому оставалось ровно семь лет.

1985. Грог в самоваре

Первая новость 1985 года: теперь у нас молодой генеральный секретарь. На него и смотрели как на молодого, зеленого – с усмешкой. Малороссийский «ховор», какая-то клякса на лысине... Однако затеплилась надежда – не на что-то конкретное (исправить что-нибудь в нашей распрекрасной жизни уже не представлялось возможным), а так, смешная надежда вообще. Утомили старцы.

Вторая новость – бомба: знаменитый «указ 85-го года» о борьбе с нашим родимым пьянством-окаянством. Апофеоз административной самонадеянности. Велели народу пить чай – и все кинулись.

Как бы не так. Общественная жизнь к 1985 году загнулась бесповоротно и лишь гальванически подергивалась по сигналу сверху, поэтому частная жизнь осталась единственной формой жизни в СССР. Как презренный сорняк прорастает в ребрах брошенных механизмов, так гонимая частная жизнь в 80-х годах проникала, пролезала всюду. Она пронизывала производственную базу социализма и поражала все его надстройки. Никто не работал, все занимались своими личными делами на рабочем месте или вообще покидали его с утра, оставив шляпу для «эффекта присутствия». Личные дела равнялись личности: одни в рабочее время травили анекдоты и флиртовали; другие вязали или мотались по магазинам, выслеживая дефицит; третьи мастерили «для дома, для семьи» то, чего не сумели купить в магазине, причем мастерили, естественно, на казенных станках из «сэкономленных» материалов.

Ничтожно малая часть трудящихся тратила рабочее время на изучение полезных книжек и сочинение стихов или прозы.

И все пили. Отмечали на работе все общенародные праздники, все дни рождения, повышения, отцовства, уходы в отпуск и на пенсию, обмывали покупки. Увернуться было невозможно. Пили по пятницам, по понедельникам. Пили во вторник-среду-четверг. Пили по выходным – у себя дома, на «дураковом поле» или в гараже. О гараж! Типично советская, типично «застойная» форма досуга – мужской клуб в гараже!

Рыбалка, грибы, сельхозработы, командировка, встреча, прощание, футбол, баня – всё с выпивкой. Бабы пили не меньше мужиков, называлось «девишники». Городской фольклор: «Природа шепчет: “Займи и выпей”». Выезжали «на природу», орали: «Из полей доносится: “Налей!”»

Селяне гоняли за водкой на комбайнах. Горожане по ночам в недопитии ловили такси и принимались раскалывать «шефа» на «водяру». Таксист кочевряжился, набивал цену, кружил по городу, выскакивал у стоянок, шептался с коллегами-таксерами, потом тащил теплую бутылку «Русской», замотанную в газету. Компания ликовала, совала ему красный «чирик» с Лениным (10 руб. двойная цена). Купить выпивку вечером до указа было целым приключением. После указа стало проблемой купить спиртное даже днем.

Во исполнение грозного повеления спиртные напитки убрали из поездов, столовых и гостиниц, стали продавать только в «особых местах» и строго с 14 до 19 часов. Толпы людей томились в очередях к винному отделу, перед его закрытием вскипали нешуточные страсти – без наряда милиции закрыть магазин было невозможно. Цену на водку удвоили. Очереди от этого не уменьшились – пропал сахар: люди гнали самогон. За появление на работе под хмельком могли уволить не только тебя, но и твоего начальника – начальники вызверились, аки псы: «Никаких дней рождения! 7 Ноября отметить чаем!» Черта с два, 7 ноября 1985 года в нашем учреждении в самоваре подавали «гrog» – спиртягу с нагретым соком. О соках, кстати, дальновидно позаботилась Партия: все лето-85 на прилавках было полно всяких соков, минералки и кваса в самой неожиданной (уж какую раздобыли напуганные циркулярами производители) посуде – здоровая альтернатива пагубному зелью.

Ай спасибо Михаилу,

Ай спасибо Горбачу –

Я вчера не накирлся

И сегодня не хочу! –

пошучивал народ. А сам напал на «Тройной» одеколон и голубенький «Нитхинол». Уж как только его ни просвещали, этот народ. Сильнее всех действовали машинописные звания профессора Углова, по его частным исследованиям

выходило, что мы все – дегенераты, что само существование русской нации под угрозой. Шок. В те времена ничего подобного «великий советский народ» и не слыживал, то был первый шок от первой правды. И отзывчивый Евтушенко подхватил:

*Твои очи, Русь, поблекли,
И в ослабших пальцах дрожь.
Вниз по матушке по Водке
Далеко не уплывешь...*

Пропагандой здорового образа жизни занялись поспешно созданное Партией Всесоюзное общество трезвости и журнал «Трезвость и культура». Да все газеты, журналы, радио, ТВ свихнулись на одну тему. Из старых кинокартин вырезали сцены с тостами, любимую «Иронию судьбы» объявили врагом народа номер один. Все оставшиеся силы вложила советская власть в тот последний решительный бой. И что?

Напоследок совсем незаметная новость: первым секретарем Московского горкома КПСС назначен какой-то Ельцин из Свердловска.

К слову – анекдот. В ЦК КПСС приходит телеграмма из Свердловского обкома: «Срочно пришлите эшелон водки. Народ протрезвел, спрашивает, куда царя-батюшку дели».

Зловещий юмор. Привет Борису Николаевичу.

1986. В Перми все спокойно

«Перестройка» где-то там, а в Перми все «по-брежневу». Люди покорно терпят пытку очередями: пообедать, постричься, зарплату получить – «Кто крайний?» – и стоят, тупо читая наглядную агитацию, и час, и два... Терпят пытку дефицитом: то лампочек нет, то тетрадей, то обоев, как обычно. Потолок приходится белить зубным порошком, краску «приносят с работы». Терпят хамство продавцов. Бегают за автобусом с рулонами туалетной бумаги на шее. Стоят за колбасой. Всё как всегда.

Анекдот из тех времен. Ученый залег в анабиоз до 2000 года. Проснулся в назначенный срок, идет по улице, заходит в продуктовый магазин, а там семь сортов колбасы лежат! И все незнакомые. Он смотрел, смотрел, и к продавцу: «А ливерная

у вас есть?» – «Нет, милый человек. У нас этой дрянью бывших бюрократов в лагерях кормят!»

Такая была мечта у народа в 1986 году: пересажать к концу века всех начальников и забить им ливерную колбасу в глотку.

Начальники кушали хорошо. У меня приятель работал инструктором райкома партии. Хороший парень, решил меня подкормить и повел в ихнюю столовку. Мне так понравилось! Клюква в сахаре, харчо, гуляш с картофельным пюре, какао с плюшкой – и все это копеек на сорок, да так любезно – как родному. Свезло, что называется. Я все боялся, что меня расшифруют и побьют. Приятель предлагал: ты звони, будем вместе ходить сюда обедать. А я молодой был, глупый, не воспользовался.

А однажды мне перепал праздничный «обкомовский набор» (через газету «Звезда», она тогда органом обкома КПСС была). На всю жизнь запомнил: подвывая от голода, семению это я по улице основоположника научного коммунизма Карла Маркса, зажав в кулаке особый талончик, подхожу к Центральному гастроному, к хитрой дверке со двора, и там, в заднем проходе, получаю картонную коробку, а в ней... Погоди, дух переведу... Шампанское «Советское», шоколадные конфеты «Ассорти», икра красная, шпроты, кета, вырезка, колбаса копченая, мандарины, яблоки... Половины из этого я не видел никогда в жизни. А «им» – к каждому празднику. Вот в такое мы вляпались «равенство» и «братство» в конце концов.

А в Москве уже новые лозунги готовы: «демократизация» и «гласность». Конечно, народ в ответ даже не почесался: новая лапша на уши. Милиция тоже плевала на новый курс, напротив, перестала прятать дубинки. Раньше прятала, теперь по улицам пошла с дубинками. Народ немедленно прозвал их «демократизаторами».

Однако в толстых журналах появились невозможные прежде публикации Набокова, Булгакова, Ходасевича, Ахматовой. «Котлован» и «Чевенгур» Платонова.

Интересно стало читать газеты. Там Василий Белов рубился с аэробикой и рок-музыкой, как тот рыцарь с ветряками, – чудаки, лучше бы прозу писал, проза у него превос-

ходная, а публицистика – дрянь. Там пластались защитники «индивидуальной трудовой деятельности» с одной стороны и противники «нетрудовых доходов» – с другой. Драматизм ситуации потрясающий. Я был против «рынка», озабочен его пагубным влиянием на личность (Фромма начитался), но в споре не участвовал (прозу писал).

В «Литературке» появилась статья провокационного содержания «Так ли плохо быть богатым?», творческие интеллигенты один за другим объявляли себя «обывателями» и гордо при этом смотрели по сторонам. Формировался новый стиль журналистики: всех начальников только по именам, как артистов, без отчеств. Горбачев разрешил – его же и развеличили первым. «Михаил Горбачев» поначалу звучало дико по сравнению со слащавым брежневизмом «Дорогой Леонид Ильич».

По экранам кинотеатров пошли «полочные» фильмы: «Комиссар», «Одинокий голос человека», «Долгие провода», «Интервенция», «История Аси Клячиной» – честные работы, но лучше сказать – правдивые. В них было очарование искренности и веры в правду – целомудренной веры без истерики и спецэффектов, дававшей силу жить.

Телевизор радовал свежестью встреч в Останкино, запомнился академик Лихачев и еще молодой Юра Поляков, автор «Апофегея». Массового зрителя радовал итальянский сериал «Спрут» про смертельную схватку с мафией комиссара Катани (Микеле Плачидо) и советский – «Возвращение Будулая» с Михаем Волонтиром в главной роли и Кларой Лучко. Честность и свежесть, ненависть и любовь – восхитительная была атмосфера в эфире, жаль, не в жизни. Но и то вперед.

В жизни – модные штаны-«бананы». Фуксиновые леди – дамочки с голубыми волосами. Пластиковые пакеты «Мальборо», которые для долгией сохранности усиливались изнутри нашими пляжными сумками.

В Перми в 1986 году ТЮЗ переехал в красивый особняк на ул. Большевиксткой (где раньше был драмтеатр). В ДК Гагарина заиграла фолк-рок-группа «Дом». Гневно обличал империю лжи любительский рок: пермские группы «Трест», «Парламент», «Акция». В Закамске громыхал «металлом» «Замок».

Первые компьютерные игры «Реверси», «Ковбой» – и первые городские компьютерные клубы. Вот как выглядел наш город накануне компьютерного бума. В институтах – ИВЦ с электронно-вычислительными шкафами, пачки бумажных перфокарт и магнитные диски размером с тележное колесо. В типографиях – свинцовые литеры и пневмопочта. В бухгалтериях – деревянные счеты и калькуляторы с газоразрядными индикаторами. В магазинах – гремящие кассовые аппараты «Ока» и неоновые вывески «Гастроном», «Универмаг». В учреждениях – электромеханические пишущие машинки «Ятрань» и бакинские кондиционеры в окнах. Слова «офис» еще не слышали, как и многих других слов.

Копировальная машина «Эра» (трехметровый динозаврище с двумя киловаттными фонарями по бокам, дышащий ацетоном) являлась спецобъектом с ограниченным допуском, защищалась железной дверью с сигнализацией. По-прежнему контрразведка глушила вражеские радиоголоса.

Телевизоры были с барабанным переключателем каналов. Когда сосед переключался с 6-го на 12-й, тарактенье слышал весь дом. Но тогда каналы переключали не часто – рекламы-то не было! Вообще! Заставки были – фото. Дерзостью в духе времени считалось поставить рядом с диктором телевидения штатив с осветительным прибором, показать камеру. Прежде телевизионную «кухню» тщательно прятали.

На послабление режима немедленно отреагировали уголовники. В поездах активизировались шулеры, чемоданники и брачные аферисты, по вагонам пошли «глухонемые» – торговали календариками с портретами Сталина, Гитлера, Мао и Иисуса Христа.

На самом деле это были наводчики (или чекисты, черт их разберет).

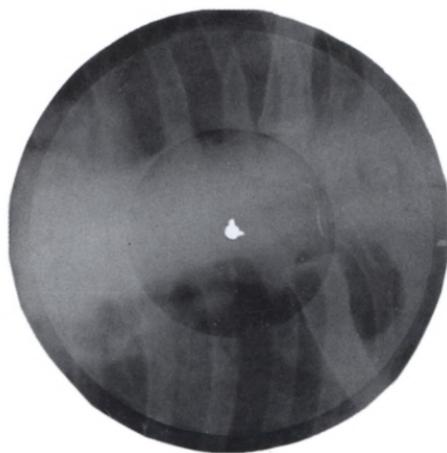
Поплыла нравственность. Девушка из «Модерн Токинг», оказывается, юноша – Томас Андерс! А солист «Куин», оказывается, девушка. «Королева» – это он, Фредди Меркюри. Раньше его хит «My best friend» воспринимался по-советски – «мой лучший друг», а правильно-то – любовник! Но главные наши открытия были впереди.

Знаки времени. Середина 1950-х. Два поколения, два стиля. Драп напирает, кожа сдает позиции...

1957 год. Первый телезритель: еще не было в Перми телецентра, была только любительская телестанция во Дворце им. Сталина, а этот уже приобрел телевизор «Рекорд». Ждет сеанс телевидения.

Пошлые песенки «на ребрах» советских тружеников.

Это в Ленинграде, в неприметном киосчке под вывеской «Звуковое письмо», отважные люди по вечерам печатали записи песен запрещенных исполнителей: Лещенко, Вертинского, Токарева, западных джазистов. Пленки не хватало – пускали в дело старые рентгеновские снимки

В окне ателье мод выставлены образцы тканей. Возросший, как тогда писали, ассортимент вызывает живой интерес служивого человека.

На обороте карточки подпись чернилами: «Это наша комната. На тумбочке «чудо» техники – калмановский увеличитель (я его называю ракетой, с которой запущен искусственный спутник). Январь 1958 г.»

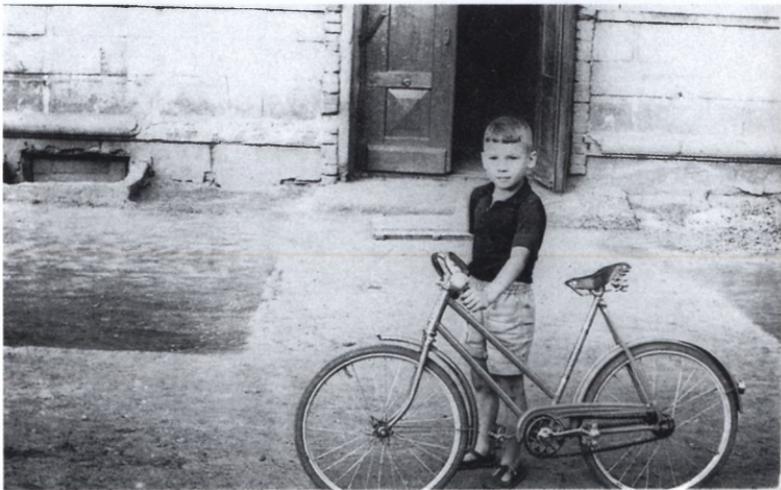

Вот она, фея Частной Жизни! Сейчас подойдет – и все сбудется. (1960 год. Ресторан теплохода «Мамин-Сибиряк», колесного еще)

– Папа, ты тяжелый!

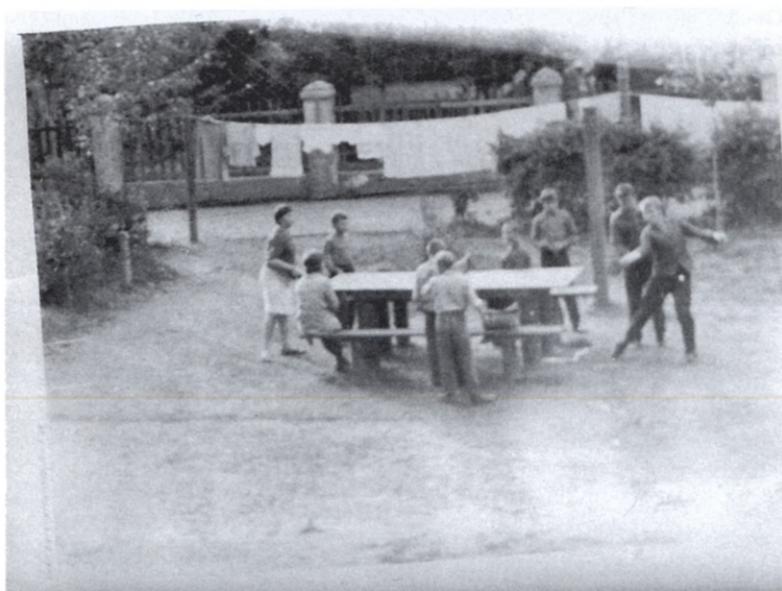
Санки – мягкое сиденье с кистями – это для девочек. Парни требовали себе санки без сиденья, без перил, чтобы на них падать с разбегу животом и мчаться вперед ракетой

1961. Велосипед «Школьник» – дамский: косая рама

Середина 1960-х. Серое армейское одеяло, железные армейские кружки, транзистор, гитара, книги... Женщина, понятное дело, вне времени

«Виденье старого двора». Много детей, много белья, много солнца... Наш с вами двор, драгоценные ровесники

1966. Маг украшен «переводкой» (переводной картинкой). Дембеля из Германии привозили актрис и эротику, раздавали друзьям – те лепили картинки на мотоциклы, чемоданы и, конечно, на гитары. Характерно изображение гитариста на крышке магнитофона. 1966–76 – десятилетие гитарного сумасшествия. Гитаристы – боги. Прежде чем взойти на Олимп, культовый предмет изготавливали вручную: выпиливали корпус, размечали гриф, красили деку, наматывали датчики, паяли темброблок... У кого хватало куража, группировались – сколачивали квартеты, бацали «шейк» по подвалам, на квартирах. Обрастали свитой, поклонницами, играли на танцах и в ресторанах. Боролись с администрацией за «забойный» репертуар, копили деньги на хорошие инструменты и не знали, увь, что гитарное десятилетие на закате, что впереди Эра дискотек и новых кумиров – диджеев.

Это не соцарт. Это время в чистом виде. 1965 год

Кримпленовое платье, туфли-лодочки. Ботанический сад ПГУ в 1977 году был доступен для прогулок

Эпическое полотно неизвестного автора под названием «Застой». До боли знакомый сюжет, до крика знакомое настроение... Безликий 1978 год

карточка на приобретение хлеба в дистри 1990 г.
 члены семьи:
Маев И. М. взрослых (И. М.) детей _____

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24
25	26	27	28	29	30	31	32	33	34	35	36

М. П.

ВИЗИТНАЯ КАРТОЧКА

№ 249897

Ф. Баландина
 И. Ирина
 О. Яковлевна

г. Пермь, 1990—1991 гг.

Другому лицу не передается.

ФЕВРАЛЬ 1990 г. Свердл. р-н	ФЕВРАЛЬ 1990 г. Свердл. р-н	ВИНО ФЕВРАЛЬ 1990 г. Свердл. р-н
ВОДКА МАРТ 1990 г. Свердл. р-н	ВОДКА МАРТ 1990 г. Свердл. р-н	ВИНО МАРТ 1990 г. Свердл. р-н
ВОДКА АПРЕЛЬ 1990 г. Свердл. р-н	ВОДКА АПРЕЛЬ 1990 г. Свердл. р-н	ВИНО АПРЕЛЬ 1990 г. Свердл. р-н
ВОДКА МАЙ 1990 г. Свердл. р-н	ВОДКА МАЙ 1990 г. Свердл. р-н	ВИНО МАЙ 1990 г. Свердл. р-н
ВОДКА ИЮНЬ 1990 г. Свердл. р-н	ВОДКА ИЮНЬ 1990 г. Свердл. р-н	ВИНО ИЮНЬ 1990 г. Свердл. р-н
ВОДКА	ВОДКА	ВИНО

Символ послесоветского межвременья – продавец, и именно в китайском пуховике

26 июня 1993 года отменили советские деньги и ввели вот эти. Разрешили обмен в течение месяца на сумму до 35 тыс. руб. (это 35 долларов; можно купить куклу «Барби»). Жуткая паника была, очереди в сберкассах. Обмен продлили до конца года и увеличили до 100 тыс. руб. (к тому времени – меньше 70 долларов)

В конце 1990-х в Перми сложился красивый местный обычай: в день свадьбы молодые с друзьями приезжают на тачках в Сосновый бор, отыскивают там Камень любви (уморительно похожий на фаллос), разбивают о его головку бутылку из-под шампанского и фотографируются на фоне кучи стекла

А в начале XXI века дикий Камень прихватизировал хозяин Балатовского городка аттракционов. Он вывез глыбу из Соснового бора и установил «фаллос» у себя в городке. Позади возвел кирпичную стену (чтобы любой, даже самый косой метатель куда-нибудь да попал), покрасил стену в белый цвет и приколотил к ней железную доску с новым названием аттракциона – «Корабль любви». Многотонный «корабль» пользуется популярностью у молодежи (в том числе и холостой) – пьют за специальным антивандальным железобетонным столом, мечут бутылки в каменную мишень. И слава Богу, скажу я вам, – лишь бы не стреляли друг в друга

«Люби свой район» – характерное для наших мест повелительное наклонение

Типаж – бич балатовский. Превосходно дополняют друг друга шуба и сандалии. Белый свитер и черная рубашка – не случайное сочетание, а интуитивная декларация инобытия. Взгляд – косой арестантский: «Не верь, не бойся, не проси». Подлинное лицо Перми, и именно на фоне выморочной рекламы «Пепси»

Огородик позади каменного «барака». Вместо забора – ограждение, упавшее с крыши; вместо кашпо – гигантские тракторные шины. Убогое, но личное хозяйство, оттяпанное у общего двора. Маленькая победа Частной Жизни

1987. Пермь – открытый город!

В 1987 году в ежегодном списке закрытых городов не оказалось Перми. Все штатные мероприятия по обеспечению режима секретности, такие привычные строгости наших родных «особых отделов» теперь снимались. Отменялись тысячи запретов сотен надсмотрщиков, отменялись надсмотрщики, отменялся надсмотр вообще как таковой: лишался смысла. Горожанам этого, конечно, не объявили. Просто отцепились органы от замотанных продовольственным кризисом горожан.

В 1987 году вдруг подошли цензоры обллита, отпустили на волю часть газет. Потом еще часть. Потом вообще цензуру торжественно отменили. Нет, этот момент надо прочувствовать: вчера еще все редакции были обязаны каждый материал отдавать на проверку, вчера еще каждое сообщение по радио и ТВ проходило (или не проходило) цензуру, где сидели свирепые «непушталы», а сегодня – гора с плеч, не надо бояться, унижаться, объясняться. Публикуй что считаешь нужным. Что хочешь. Что в голову взбредет, никто не спросит. Воля! Но уже назавтра народ заскучал по цензуре: началась пятилетка беспредела, эпоха листовок и сортирной литературы. Маятник улетел в другую крайность.

Конечно, все это случилось не в один год. Еще со времен Андропова шло сокращение перечней засекреченных сведений, сокращение штата редакторов Главного управления по охране государственной тайны в печати, в просторечьи – Главлита. К началу перестройки у нас в области осталось только три «охранки»: в Березниках, Кудымкаре и в Перми – обллит. В 1987-м их перевели – такой прикол – на хозрасчет. То есть газетам предлагалось самим блюсти государственные тайны или заключать договор с цензорами на консультационные услуги. Лигачев в Политбюро посылал голову пеплом: «Упустили прессу». Но это у них там, в Москве, сразу вскипела «гласность», а у нас в Перми все было тихо. У нас всегда тихо, всякое спокойствие только снаружи.

Например, «Легко ли быть молодым?» – документальный фильм литовца Подниекса шел. Беременные женщины падали в обморок, очень страшный был фильм, жестокий какой-то.

С той поры наше кино пошло вразнос, ни одного фильма без битья по нервам. Тонкие натуры отшатнулись, «толстые» полезли в кинотеатр, как в баню на верхнюю полку – на истязание для здоровья. Именно так. Все дальнейшее показало: катарсиса не было. Даже на «Покаянии» Абуладзе – не было.

Массовое покаяние не состоялось, зато полезли наружу нательные крестики. Писк моды-87 – золотой крестик поверх блузки. Народ семьями направился в церковь креститься, крестанулся – и пошел грешить, тотчас позабыв «дорогу к храму». Но об этом позже.

«Новая волна» – это молодые поэты. В ДК строителей состоялся их концерт – «поэтический ринг» («ринг» – это круг, кольцо, а не тот квадрат, в котором боксеры морды бьют, – так хотелось бы понимать формат встречи). Участвовали поэты из Перми и Свердловска. И еще в том же ДК, кстати, состоялся турнир бардов, опять же из Перми и Свердловска, двух вечных соперников.

«Новый курс» – это первая независимая киностудия в Перми. В 1987 году она была образована как рекламное агентство (слова-то какие – «рекламное агентство» – чистый Запад!) при МТО «Моторостроитель» и приступила к съемкам своего первого фильма.

Все было впервые. Выставка авангардистов под видом «театральных художников» в новом выставочном зале на Комсомольском, 10 (где еще недавно был обувной, галоши продавали). Первые кооперативные кафе (кафе-троллейбус даже ходил по городу, с занавесочками), первые шашлычницы с этими чудовищными жаровнями и подозрительным мясом. Частные – простите – «индивидуальные» извозчики на личных «жигулях» помчались по городу, фотографы-индивидуалы уже на законном основании пошли по школам и детсадам в поисках заработка. Новые коробейники, и всякий-то копеечный товарец и все пустяковые услуги у них, помнится, были по рублю. «Хочешь, расскажу анекдот про кооператора?» – «Да». – «Рубль».

В толстых журналах – девятый вал перестроечной прозы: «Дети Арбата» Рыбакова, «Новое назначение» Бека, «Зубр» Гранина, «Жизнь и судьба» Гроссмана, «Ночевала тучка золотая» Приставкина – звездный час «толстяков». В библиоте-

как выстроились очереди к полкам с журналами, организовали предварительную запись. В 1987 году я потерял «Белые одежды» Дудинцева: думал, забыл в аудитории, а у меня украли. Как я горевал (ведь за мной 40 человек записалось!), вычислял вора – вычислил и вытряс из него все «Белые одежды» до последней. Такие были страсти.

Кстати о страстях. Помню я ту девушку на «телемосту» у Познера, которая в 1987 году оговорилась: «У нас секса нет». Она имела в виду: нет этого слова! Нет этого понятия на пристойном уровне, о нем у нас говорят исключительно матом или латынью. Но публика взвыла, не дала договорить и мгновенно сама про себя сочинила анекдот.

Хотя в пору было плакать – в «Литературке» в том же году прошел острый материал об ублюдочности нашего сознания и, в частности, об обращениях: «девушка», «молодой человек», «женщина с сумкой», «мужчина в шляпе». «Товарищ» – уже не выговорить, срамное слово стало, а что взамен? Ничего. Немота. Оттого и разорались все – с перепугу, край почували.

А я что? Я ничего, я все лето воду ведрами на пятый этаж носил – пеленки стирать. Сын у меня родился – радость.

1988. Культ колбасы и правды

Парадокс 80-х: уровень жизни стремительно падает, а уровень сознания стремительно растет. В 1988 году – золотое равновесие: мы еще не все проели и уже кое-что в жизни поняли. Точнее, почували, потому что понимание предполагает разум, а где его взять? Дальнейшее показало – нами двигало все что угодно: ужас, зависть, злоба, любовь, телевидение – все, кроме разума.

В 1988 году люди закупали все впрок, вообще все, съедобное и несъедобное. Ну, это-то как раз можно было понять: глупо, выстояв час, брать помалу. Но ведь что получалось. Разбирали весь товар разом, потом куковали: товар, ты где? Ку-ку. Товар привезут – снова очередь, хвост на улицу,

«велели больше не занимать». Дурацкий круг с умным названием «ажиотажный спрос». Вот бы договориться, чтобы каждый брал в меру...

Тогда еще не было настоящей тревоги, угроза бескормилцы нас ждала впереди, так что этот ажиотаж имел отчасти спортивные цели: добыть «золото». Ну, или сотню других призов, больших и маленьких. А «золотом» была колбаса. Колбаса вообще. «Колбасу дают!» – боевой клич 80-х, он действовал помимо сознания: трудящиеся бросали трудиться, служащие – служить, кормящие матери – кормить, – все занимались колбасой. Ездили за ней в Москву. Раздавали талончики на предприятиях, интриговали из-за них, естественно. По этому талончику в специально организованных «отделах заказов», опять же выстояв очередь, можно было получить такой увесистый, такой упругий и ароматный, такой круглый толстенький сверток... Счастье нести колбасу домой неизвестно нынешним, избалованным хозяикам! В нагрузку давали сахар и лавровый лист.

В магазинах было пусто, но наши холодильники «Бирюса» исправно что-то сберегали к каждому празднику. Мало того, в 88-м году начала наступление на пермские желудки *итальянская пицца*. Это шаньга такая с помидорами и сыром сверху. Можно и без сыра. Можно и без помидоров – тогда с луком, главное, чтобы во время еды непременно что-нибудь на колени падало.

Закрепились новые пермизмы: «Чё смеяться-то!» и «Ну ты ваще!». В ходу пошлость. «Красиво жить не запретишь» – реплика на какие-нибудь сушки к чаю.

Частная инициатива добилась хозяйственной самостоятельности. У меня глаза на лоб вылезли: мой дружок, простой инженер, создал кооператив – теперь заключает договора с иногородними предприятиями, принимает от них груз вагонами, нанимает работников... А ведь еще вчера сам вагоны разгружал за четвертак – шабашил!

Один кооператив у нас клепал самодельные компьютеры для пермских школ, другой завалил пол-Перми своей финифтью. Кооперативные издательства, все как одно, печатали Дюма (сильно модный был автор), вынашивали невероятную по дерзости идею – сборник анекдотов. МТЦ

«Инициатива» на комсомольские деньги *продюсировал* (новое слово!) съемки фильма Рязанова «Небеса обетованные».

А в «Кристале» уже шла «АССА». И с ней новая тема – «продвинутая» молодежь: приколы с прибабасами, политика – по барабану, частная жизнь – по праву рождения. Забавненькие. Прячем грусть: обнаружилось, что мы уже не молодежь. Но ничего, удивить «продвинутых» мы сумеем еще не раз. За кадром Борис Гребенщиков спел стихи Анри Волохонского под музыку Франческо да Милано и выдал эту компиляцию за свою песню! – я возмутился вполне молодежно. А это просто стартовал российский «постмодернизм» – коллоидный раствор цитат вместо старомодного «творчества».

Рок-музыкантов в газетах называли «рокерами». Из их среды вышли в массы слова «тусовка» и «кайф» (умники говорили «кейф»). Гордым словом «аутсайдер» стали величать поэтов-кочегаров, прозаиков-дворников и просто мыслящих домоседов (за тунеядство больше не привлекали).

Если есть в кармане пачка сигарет,

Значит, все не так уж плохо на сегодняшний день, – утешал тусовку Виктор Цой. Слава Бутусов сдирал коросту на аутсайдерском сердце рефреном «Я хочу быть с тобой». Модную линию респектабельного рока вели «Scorpions». Для радикалов ковали «heavy metal» сатанисты «Kiss», гнали «скоростной металл» «Пантеры». Раздевались догола на сцене «Sex Pistols» – где-то кто-то видел на видео. И абсолютно всем влезал в ухо без мыла сирота Юра Шатунов:

Белые розы, белые розы,

Беззащитны шипы.

Набирала силу публицистика. То был год идеальной слышимости, народ еще не оглох, публицистика еще не изощла криком. Весь советский народ, как один человек, читал экономистов: Н. Шмелева, А. Аганбегяна, П. Бунича, Г. Попова. Вдруг выяснилось, что мы не умеем «считать деньги». А раньше казалось, мы только тем и занимаемся, особенно перед получкой...

На «Авторском ТВ» резали правду-мать гости Киры Пролетарской. Новые темы дискуссий: экономика и сталинские

преступления. По всей стране интеллигенция снимала галстуки, надевала свитера и выходила из КПСС. Все жаждали правды – самой колочей, самой горькой – и ничего, кроме правды. Тревожил еврейский вопрос, крайне беспокоила нравственность вообще и секс в частности.

Утвердилось слово «трахаться». Прежде это слово было редким перлом в речи красная, оно несло ассоциацию смертельного акта, скорого и шумного, без продолжения – потому что «трахнуть» второй раз было уже просто некого: жертве каюк. Теперь все эти нюансы стерлись, слово вошло в обиход. Отмена цензуры кроме очевидных плюсов дала неожиданные по силе и вонючести минусы. Дело в том, что право голоса получили не только порядочные люди – варежку раскрыли ВСЕ. А ничего не поделаешь, теперь у нас плюрализм.

1989. Люди за «слоновыми» перилами

1989 год. От телевизора не оторваться. Самые интересные передачи те, от которых еще четыре года назад мухи дохли, – предвыборные дебаты кандидатов в народные депутаты СССР. Вот уж никогда не думал, что буду следить за ходом их съезда. Но там были такие люди! Знаменитые писатели, популярные артисты кино, священники в рясах (вот уж чудо: священники в советском Дворце съездов!). Помню Юрия Власова, «самого сильного человека планеты» и, как мне тогда показалось, самого сердечного. Юрия Черниченко, самого страстного и, похоже, искреннего агрария. Таких давно уже нет на экране. Были и негодяи на том съезде. Тогда они казались забавными недоразумениями, но почему-то к власти пришли именно они... Как это получилось? Кто их туда привел?

Женщины в транспорте пересказывали друг другу «Раббыню Изауру». Больные и увечные верили в Чумака, в его «заряженную энергией» воду. В Кашпировского верили даже умники – посмеивались робко: а вдруг!.. Вокруг так много

нового, неисследованного: мануальная терапия, экстрасенсорика, буддизм... Молёбка: биолокация НЛО, фотографирование невидимок и другой шизняк. Бодибилдинг. Прикладной бодибилдинг – это рэкет. Кстати, «качаться» начала не только криминальная молодежь, но и нормальная – для самозащиты. Для уверенности. Ее всегда нам не хватало, а к концу 80-х она стала главным дефицитом. Именно тогда в окнах квартир появились первые решетки. Прохожие показывали на них пальцем и смеялись нервно.

Зато музыки стало много, и всякой, главным образом импортной. Не выдерживая конкуренции, советские рок-группы затихали одна за другой по причине непрофессионализма, но не только. Наши «рокеры» верили в то, что поют, – и напрасно. Они жили в рок-режиме – режиме непригодном ни для серьезной работы, ни для жизни вообще. Скоро выяснилось, что верить-то как раз и не надо – надо уметь заставить верить других. А сам в это время живи как хочешь: колбась баксы, покупай тачки, тусуйся с президентами... Это и есть шоу-бизнес – массовое надувательство.

1989 год. Рушатся все устои. Сборная СССР по хоккею требует снять главного тренера! В угольных регионах бастуют шахтеры! Бастуют – у нас?! И кто – шахтеры, самые прославленные и хорошо оплачиваемые трудяги?! Ущипните меня: они хотят отменить «руководящую и направляющую силу». Неужели у нас еще есть рабочий класс?

Кругом горланили митинги. Население, как говорится, вышло на улицы. Я тоже вышел. Походил от кучки к кучке, удивился бестолковости выступлений. Вылезали к мегафону по очереди базарные тетki, надутые юнцы, бесноватые старики и пороли чушь каждый про свое. Насторожили «памятники»: им везде мерещилась звезда Давида, даже в шестирожковой люстре, – но тогда это было несмешно. Ну конечно, где-то выступали и дельные люди, но только не на улице. В 89-м, помнится, все что-то учреждали, разыгрался настоящий «учредительный бум». Я тоже учредил – Малый литфонд: издательская, просветительская, благотворительная деятельность.

Долго ли, коротко ли, приехали в Пермь «митьки» из Ленинграда – в сапогах и тельняшках, елы-палы, дык. Их

выставку и встречу со зрителями в крутом зале Дома писателей устроила «Инициатива» – одно из первых в городе комсомольско-коммерческих предприятий: там комсомольские идеи элегантно переходили в коммерческие, т. е. комсомольские деньги плавно перетекали в частные карманы. Посмотреть на «митьков» пришли все пермские «нефоры» по списку: «металлисты» в цепях и заклепках, панки с мокрыми от пива волосами, дивчины-хипперши в лентах и «фенечках» – и прочая дикая поросль с «оперки» (тусовки перед оперным театром) и с «чилей» (трех лавочек на Компросе у «Спутника»). Никто не подрался.

Извержение энергии андеграунда произошло через комсомольскую газету «Молодая гвардия». В течение года вышло шесть номеров литературно-художественного приложения к ней под названием «Дети Стронция» – альманаха местами гениального, местами тухлого, но необходимого, как дренаж абсцесса. Несколько авторов решили отметить выход первого номера, отправились за вином. Как сейчас помню картину: магазин «у танка», у входа в винный отдел толпа жаждущих бьется о стену, расшатывает «слоновые» перила, сваренные из рельсов нарочно для регулирования покупательского спроса, кого-то выкидывает прочь, кого-то топчет – ни о какой очереди нет и речи. Писатели решили идти «свиньей». Прошли пять метров до прилавка за полтора часа. Выпали наружу растерзанные, но довольные – с «пузырями» на груди. Выпили их на чьей-то хате без закуски, но с песнями. Молодость...

Аналогичный случай. Иностранцев в Перми еще не было. А тут вдруг приехали отважные датчане сквозным рейдом через весь Советский Союз с акцией «Next Stop Soviet»: художники и рок-музыканты. Для них пермский горком комсомола придумал культурную программу пребывания, а они к нашим художникам в подвал забурились, на ул. Советской (Soviet street). Наши их пивом из банки угощали от всей души, но датчане отравы не приняли, и наши это пиво сами выдули. А как выдули – песни запели, театр устроили. Чистый цирк, такую экзотику гостям показали – гости без пива обабдели. Уехали в восторге. А наши потом пошли в «Подкамник», проникли туда под видом пьяных датчан

и засели за четырнадцать кувшинов. При этом общались только на английском (понарошку, конечно). Официант, юный подонок, извертелся на пупе, выпрашивая жвачку, думал, мы иностранцы. А иностранцев в Перми уже опять не было.

Был джем-сейшен в кафе Дворца Калинина. Там помимо музыки можно было видеть джазовое зрелище: на дворцовой лестнице, прямо на ступенях, чувак торгует книгами, и никто его не арестует. Книги: фантастика и детективы, «Толковая Библия» – три тома за 700 руб. Ступенькой выше тетка продавала розовую комбинашку и парик, еще выше – старикан с вентилятором... «Черный рынок» проникал всюду. На «балке» майка с «Бэтменом» (продавцы ее называли – футболка «летучая мышь») стоила 100 руб. – почти как сейчас, но зарплата бухгалтера тогда была 120 руб. А тени для век – 160 руб., чокнуться можно! Юбка кожаная длинная – 800. Джинсы-варенки «Левис» – 350. Куртка кожаная короткая «с наворотами» – 3000. Презерватив – 10 руб. (бутылка).

Тем временем на юге СССР стало слишком жарко: там шла армяно-азербайджанская война (Нагорный Карабах, Сумгаит, Баку). В Перми появилось много плохо одетых азербайджанцев. Синие от уральского холода, но бойкие, они начали потихоньку прибираться к рукам местную торговлю. Всю не прибрали, но приоделись, некоторые даже очень.

В 1989 году был реконструирован Центральный колхозный рынок. Его соединили с вещевым, возвели трехэтажный павильон и навесы, провели освещение и построили новую ограду – красивую решетку по периметру с высокими, издаleка видными арками.

Еще новость: переименовали в духе времени проспект Ворошилова в Парковый.

Старики тогда еще держались: стойко соблюдали все очереди и учили молодежь правильному образу жизни. Немошнные бабки на улице запросто окорачивали дебошира, язвили в трамвае развязную девицу, корили мальчика, занявшего неподобающее место. Им до всего было дело, нашим старикам. Они несли традицию, это была их роль в «племени». Они еще не знали, что «водители» их уже предали, что защиты уже нет

и через пару лет их старые очи увидят такие цены на хлебушко, что очереди покажутся благодатью. Через пару лет они притихнут, старики.

1990. Между землей и небом – война

Это в 1990 году приехала в Пермь рок-группа «Кино». Группа-то никакая, а вот солист у нее – Виктор Цой – рок-звезда, кумир. Запомнилось его смиренное обращение к толпе на стадионе «Молот»: «Маленькая просьба: не бросайте бенгальские огни на сцену, а то они пережгут провод, и что-нибудь отключится», – и тотчас на сцену, в колонки полетели горящие бенгальские свечи.

Цой не стал шоуменом, он разбился в том же году, что и все наши иллюзии, – в 1990-м. Вчера еще мы были надеждой человечества – сегодня стали его помойкой. Запад нам подал милостыню. Запад нам шлет свои старые штаны. Но кому это – нам? НАС уже нет. Каждый сам по себе, каждый за себя. Убивай среди бела дня – никто не заступится. В 90-м обсуждается свободная продажа оружия населению.

Продукты больше не хапают мешками. Государство, не умея иного, напечатало талоны. По талонам все: колбаса, масло, крупа, макаронные изделия, «мыло хоз.», «мыло туал.», «СМС» (а с 1 января 1991-го еще и маргарин, яйцо, чай, масло растительное, мука, соль, спички) и, конечно, вино и водка. Две бутылки вина и одну бутылку водки продают каждому с 21-летнего возраста при предъявлении паспорта.

За прочим товаром пермяки ходят в магазины с «визитной карточкой»: для покупки тюбика зубной пасты или пары панталон требуются фото, ФИО и печать домоуправления. Иногородним могут отказать даже в хлебе.

Все безрезультатно, товаров становится все меньше. Предприятия перешли на бартер; одежду, обувь, косметику между работниками разыгрывают в лотерею.

Что такое советский маразм? Объясняю. Женщина вытгиивает билетик на «саламандру» и меняет один сапог на

подростковый диван-кровать, а другой – на стеллаж о пяти полках. Меняется она с дамой-капитаном милиции, у той есть связи в мебельном магазине. Милиционерша нервничает: если стеллаж в мебельный не поступит, она останется в одном сапоге.

Советская драма. В подъезде нашего дома возле теплой батареи ночуют покупатели мебели. В нашем доме мебельный магазин, и вот они караулят завоз круглые сутки – сидят на ящиках перед магазином, слоняются вокруг дома, спят в подъездах. Утром веду сына в садик – под лестницей фигура: пожилая женщина, хорошо одетая, стоит в одних носках на коврик – обувь на батарее. Она ждет «кухню».

Летом не стало курева. Совсем. С рук можно было купить окурки по 5 – 10 коп. штука, 3 руб. пол-литровая банка. Толпа доведенных до крайности людей перегородила улицу Борчанинова, трамваи встали, начались беспорядки – так называемые табачные бунты. Власти спешно сформировали ГОМОН, оборудовали грузовики с решетками на стеклах. Приготовились.

Теперь о духовном. В 90-м добрались до Ленина. Образованная чернь мазала калом вчерашнего бога с изумительным проворством. Вчера еще он у них был гением, великим и простым, блестящим оратором с трогательной картавинкой – сегодня стал маленьким, злым матершинником, сифилитиком и кровопийцей. Моя знакомая свергла со стены портрет Ленина со словами: «Жаль, что эсеры не шлепнули душегуба! Шлепнуть надо было! Шлепнуть!» Нет, ну женщина, мать – и вдруг такой матросский подход к проблеме...

В каждом подвале видеосалоны: часами показывают потасовки и трах. Подростки выползают оттуда с квадратными головами, нападают на одиночных прохожих и запинывают их до смерти – просто так.

Открываются коммерческие отделы, первый – в магазине «Одежда» на ул. Мира: ПНОС получал по бартеру импортные товары (бытовую технику в основном) и выдавал как зарплату своим работникам. А те сдавали их в «комок». В 90-м году я видел там уют за 1000 (тысячу!) рублей. Кто-то купил, надо же. Рядом с областным ГАИ открыли целый коммерческий магазин – «ЛОТ».

Безо всяких разрешений открываются коммерческие банки, пункты валютного обмена. Открывает окошко лубой шустряк, пишет на фанерке: «Банк» – и торгует валютой. И никаких налогов не платит, только дань «мафии». Партия спешно перекачивает свою баснословную кассу за «бугор», а народу забивает баки проблемами какого-то Нельсона Манделы в застенках южноафриканского апартеида. Вдвойне противно оттого, что уже ни «народа» нет, ни прежних «баков»...

Что хорошего? Ну, вот – единственное в городе государственное книжное издательство, почуяв свободу, резко повернулось лицом к «нестандартной» литературе – выпустило разом 6 книжек молодых авторов, и мою в том числе. Я ужасно гордился: тогда, в 1990 году, издание книги означало признание профессионалов. «Цена 25 коп.» было напечатано у нее на «спине». Мой гонорар за брошюру в 62 страницы составил 800 руб. Курьез: авиабилет до Риги тогда стоил 41 руб. – две бутылки водки по госцене.

Все девочки с 5 до 20 лет танцевали ламбаду – танец освобожденных россиян. Изредка с ними танцевали и парни – как слоны.

В городе появилась первая иномарка – джип «Nissan Patrol» – у Пермэнерго. Зеваки толпились вокруг машины и гадали, зачем энергетикам «патруль». Позже ПНОС купил «тойоту» – и понеслось: через год в Перми иномарок стало как собак нерезаных.

В «Новом Молодежном Театре» под руководством Бориса Мильграма в помещении ДК профтехобразования с большим успехом шли спектакли «Случай в зоопарке» и «Пришел мужчина к женщине».

Было создано «Авторадио»: информационно-сервисное вещание для водителей, с «функциональной музыкой» – так скромно заявила о себе первая коммерческая радиостанция в Прикамье. Функциональность, кстати, стала чертой нового времени, больше сказать – условием выживания. **ФУНКЦИОНАЛЬНО ОТНЫНЕ ДОЛЖНО БЫТЬ ВСЁ.** И вот: музыка становится фоном, живопись – деталью интерьера, литература – жвачкой, имя автора – торговой маркой. «Винтики» совдепа безо всякого перехода делаются «винтиками»

рынка. Резьбу им правит железная логика: «Хороший человек – это еще не профессия». Их функция – крутиться и повторять: «Надо крутиться».

День 7 Ноября десять лет назад отмечали как поминки по Советской власти и завоеваниям социализма. Говорили, теперь все будет платное: лечение, учеба. А если все деньги на еду уходят, тогда как? – недоумевали граждане. Сдохнуть что ли? В головах отныне «americanskaя мечта» – сказочно разбогатеть внезапно и уехать из «этой страны». А в душах страх: перед зимой и голодом, перед собственными подростками. Пустота. Ненависть к «коммунякам», к «дерьмократам», просто к прохожим... И острейшая ностальгия по безмятежным, задушевному прежним временам...

1991. Праздник «двоечников»

«К вашему сведению! Для проведения поминальных обедов **ВИННО-ВОДОЧНЫЕ ИЗДЕЛИЯ** отпускаются без талонов из расчета 20 бут. на одно меропр. в магазине № 53 (Чердынская, 28) для обслуживания юбилеев 55 лет жен., 60 лет муж. В обмен на талоны можно приобрести **ТОВАРЫ ПОВ. СПРОСА** в магазине № 110 (Мира, 49)». (*Объявление у прилавка, январь 1991*).

Это произошло 2 апреля 1991 года – первое на моей памяти повышение госцен. Маленьким мальчиком я ходил за молоком – оно стоило ВСЕГДА 28 коп. В 91-м сперва были очереди на два квартала, потом молоко исчезло на несколько суток, а 2 апреля – нате вам, 50 коп. за литр! Два дня молоко никто не брал, а на третий – приползли как миленькие.

Черный хлеб подорожал в четыре раза, батоны нарезные – в три, сахар – в 3,5 раза, но он даже по талонам может не достаться. Магазины пусты. Можно целыми днями выслеживать привоз продуктов и выстаивать дикие очереди, а можно пойти на рынок. Но там продукты в 10 – 20 раз дороже: молоко – 5 руб. литр, масло – 50 руб. кило («С ящуром впридачу», – шипели обозленные покупатели).

В очередях я читаю, чтобы зацепиться за буквы и не сойти с ума. Давились как-то за молоком и кефиром.

Покупательница с чеком, на который не хватило кефира, посила заменить его молоком. Продавец возражала. Покупательница схватила чужие бутылки. Продавец потянула бутылки к себе. Покупательница не отпускала. Продавец выразила свое отношение словами. Покупательница накинулась и укусила продавца за руку. Продавец ударила ее бутылкой по голове. Итого: покупательницу отправили в травмпункт, где наложили швы, продавца – в психдиспансер, где поставили диагноз: нервное истощение. И обе написали заявления о привлечении друг друга к уголовной ответственности. У каждой очереди дежурила милиция с палками и ГОМОН.

Разруха везде. Первыми от перестройки пострадали телефонные будки: кто-то методично выбивал стекла, насиловал железо с патологической страстью – совал ему щепки во все щели, поджигал... Скамейки просто перестали красить, и на них стали садиться только подростки, естественно на спинку. Уходя домой, они не забывали перевернуть скамейку или выломать насиженную доску. Урны просто исчезли и всё – растворились в воздухе.

Наступил праздник на улице «двоечников»: не надо учиться, чтобы добиться всего, ну то есть вообще – ВСЕГО! «Отличники» в заднице, главное теперь – «крутизна». Штаны с лампасами и наглость. Даже не надо быть сильным – наглым. Самые наглые – погляди! – уже на иномарках катаются, слизывая сопли. Тут всю жизнь копишь, недоедаешь, недопиваешь... Где справедливость, Господи?! Настроение года – иногда хочется кого-нибудь убить. Один хороший художник, мирный человек, признался мне: «Иногда хочется кого-нибудь убить». Я огляделся: у всех встречных и поперечных на лице написано одно это желание.

Все отделяются друг от друга: люди, республики, города. У родной страны отвалился весь юг и запад, братские страны послали ее подальше, русских больше никто не любит, их отовсюду гонят. В Кремле раздоры, отвратительная драка Ельцина с Горбачевым за власть. Переименовали Ленинград – оскорбили ветеранов, блокадников, прилепили старинное имя к новым, абсолютно советским новостройкам. Переименовали Свердловск – свердловчане нервно рассмеялись: «Во что? В Е-бург» (это надо слышать!). Пошли рушить па-

мятники революции, все в срочном порядке, не щадя никаких чувств. Развели каких-то мэров-пэров, русских слов что ли мало? «Мэр Москвы» – что за дичь! Предложение в духе времени: а что если Пермской области отделиться от России? Зачем нам Москва с ее «пэрами»?

Если без политики, у меня тогда был другой проект: построить в квартире печку «буржуйку». Серьезно. Думали, зиму не переживем: в городе отключали тепло и воду.

Вообще, слово «проект» утвердилось в новом значении, причем культурный проект отныне заканчивался «презентацией», а коммерческий с «презентации» только начинался. Те и другие проекты в том году рождались и лопались с легкостью мыльных пузырей. То был год мыльных пузырей – год мечтаний, неумелостей, нестыковок по причине спешки и испуга.

Но кое-что людям удавалось уже тогда. Вышел в прокат пермский полнометражный фильм «Любимчик» (естественно, про мафию). В театре «У Моста» (тогда еще самодеятельном, в ДК «телефонки») состоялась премьера «Панночки». «Инициатива» издавала первую в городе детскую газету «Фенька» (у которой черепашки ниндзя украли идею подземного города. Шутка). В 1991 году в порядке частной инициативы (свобода!) я объявил областной конкурс детских сказок с симптоматичным названием «Преодоление реальности» – была большая почта, я рассылал призы, верстал сборник... Силами энтузиастов открылась библиотека Духовного возрождения, в церемонии участвовали все конфессии и секты, и православная церковь в общем ряду (тогда РПЦ еще была терпима к конкурентам). И много еще было всякого разного, самодеятельного.

Слава вам, подвижники «частной жизни»! Это вы спасли страну от междоусобицы. Мороз по коже, в какую бездну мы свесились тогда, в 1991 году. Это сегодня мы знаем, что нас минует чаша сия, а тогда... Тогда на нас надвигался дикий русский рынок, и в стране уже была настоящая массовая истерика.

Конец 91-го. Все хотят уехать на Запад. Сочувствие отменяется. Универсальный ответ на любую просьбу: «Это ваши проблемы». Гроб – 250, могила – 185, бутылка водки – 43, буханка черного – уже 5 руб.!

Цой! Мы дождались перемен!
Если ты жив, забери их себе!

1992. Пиррова победа

1992-й – особенный год в нашей истории. В этом году частная жизнь в России победила! С точки зрения личности, государство расписалось в своем бессилии и махнуло рукой: черт с вами, делайте что хотите. И я буду делать что хочу, – ухмыльнулось государство в сторону.

И наступила в России самая настоящая, стопроцентная ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ. Хочешь – воруй, хочешь – уезжай, хочешь – стекла бей, хочешь – упади и сдохни. Никому до тебя дела нет. Сам себе хозяин. В 92-м мы все стали «господа».

Хроника народной беды:

Январь. Отпустили на волю цены. И кинулись цены враспынную: во всех магазинах разные. Бегаешь, ищешь, где подешевле, пока бегал, цены ушли – все подорожало. Объявлена свободная торговля без специальных разрешений и «в любых удобных местах». То есть везде. И тотчас спекулянты вышли на улицы всяк со своим товаром, с ними бабки с соленьями и рукодельем, с ними безработные с краденными запчастями и инструментом – разложились повсюду вдоль тротуаров на ящиках и просто на земле. Не от безделья вышли и расположились – от ужаса перед ценами. Всё рухнуло, всё накрыл дикий рынок: кругом жулье, вонь, брань, грабеж, подделки, отравления. Такое впечатление, будто вся наша жизнь держалась на одном гвозде – на «ценах», которые «отпустили».

Февраль. Пик волны мошенничества. Все дурят всех, но подлость государства разметала все пределы: в феврале заморожены вклады в сберкассах. Ну, то есть взяло государство и выгрело наши денежки. И не вернуло до сих пор. Але, Борис Николаевич, мы вам не снимся?

Март. Эпидемия страха – все ставят решетки на окнах и железные двери. Коммерсанты покупают газовое (и боевое) оружие – коммерсантам тоже страшно. «Богатые тоже плачут».

Апрель. Вышла статья Д.С. Лихачева о будущем гербе нашей страны. Я зарекался путаться в эти дела, но почтенный академик предложил *двуглавого орла* как символ якобы единения Востока и Запада! По-моему, так эта птаха символизирует империю – захват территорий и полицейский догляд за ними, вы посмотрите на ее когти!

А главное, у нашего населения нет ничего общего с орлами, в конце века все граждане друг друга «козлами» зовут. Страна козлов. Плачь, ругайся, бейся головой о стену, но настоящий герб России конца века – Козел.

Май. Кругом войны: в Армении, Азербайджане, Северной Осетии, Нагорном Карабахе, Приднестровье. Русских прищемили в Латвии, Литве, Эстонии, Казахстане, Узбекистане и на Украине. В Москве что-то с «Памятью» сделалось, «черная сотня» офонарела в своей охоте на «жидомасонов».

Июнь. Деньги дешевают по пути в карман – потому их НЕМЕДЛЕННО отоваривают. Водка стоит уже 132 руб., бутылка пива – 30. Такси до аэропорта Большое Савино – 200 руб. «Ты агрегат, Дуся, ты, Дуся, агрегат...».

Июль. Появились первые бронированные киоски, их задранные ставни острым углом нацелены покупателю прямо в висок. Грубо сколоченные полки за стеклом, там невиданные заморские товары навалом: жвачки, сигареты, алкоголь, «сникерсы» – и все безо всяких лицензий, сборов и пошлин, без чеков. Халява! Народ торгует налево-направо тушенкой, Кораном, ртутью, танками. Фразочка года: «Родину бы продал, да кто купит?» Пропала Россия: «что не сделали “юнkersы”, то сделали “сникерсы”». Стыдно, горько и страшно.

Август. Постсоветский декаданс открыло ТВ. Гомики на телеэкране, брызги шампанского на бесчисленных презентациях, сытые рожи. Какой-то Боря Моисеев тычется – мужичок в колготках. Машка Распутина в нижнем белье канканит: «Ах Черное ты море! Ах белый мерседес!» Пир во время чумы, ёж твою медь. В кино – чернуха, на прилавках – порнуха. Православная церковь ввязалась в драку за недвижимость и за сферы влияния. Неокоммунисты потирают руки: чем хуже, тем лучше.

Сентябрь. Нищие роют мусор среди бела дня, невиданное доселе зрелище! Слово «бомж» из милицейского лексикона

вышло в массы. Из американских романов вышло в массы слово «рэкет».

Октябрь. Приватизация. Новое слово «ваучер», откуда оно вышло, никто не знает. Потом Ельцин выскажется: «Во всем виноват Чубайс!» С 1 октября выдача приватизационных чеков номиналом 10 тыс. руб. – такова доля каждого в «обчем» хозяйстве.

Ноябрь. Бандиты ездят на «иномарках» по тротуарам. В моду вошли бандитская мимика и манеры. Мимикрия, как у насекомых: нормальные люди, чтобы не быть битыми, вынуждены копировать злодеев. Многие вжились в образ навсегда.

Декабрь. Хлеб и молоко с начала года подорожали в 100 раз. Народ одичал в 1000. Как сказал царь Пирр своим варварам: «За что боролись, на то и напоролись, пацаны. Еще одна такая победа – и нам хана».

Но не все одичали, как выяснилось. Кое-кто своей личной свободой распорядился с толком. Для них 1992-й – самый успешный год. Они разбогатели, попутно завалив Пермь компьютерами, едой и одеждой. И откуда люди деньги берут? Все теперь покупают так называемые японские телевизоры – у них черная шершавая поверхность, с которой крайне неудобно стирать русскую пыль, у них безумно яркие краски, но зато дистанционное управление! Пультик, символ власти над эфиром.

Кстати, да, вышло в эфир «Радио-Максимум» – самостоятельное радио в формате московского одноименного. Его девиз: «Если радио – то Максимум!», его аудитория – молодежь 13 – 25 лет, не мы, с этим придется смириться. Новая поросль зазеленела. У них свое, у них в «Муз-обозе» Богдан Титомир локти выворачивает и кривит губы в хип-хоп-речитативе:

Я родился на свет, чтобы жить как хочу.

Не скучай, дружок, я тебя научу.

Я такой заводной – ты тусуйся со мной.

Ха! Ка! Кой крутой!

В 1992 году кооперативы перерегистрируются как «малые предприятия». Типичный «частник» в райисполкоме изображает «общественника» – выдумал для своего нового

предприятия цель деятельности: «Удовлетворение малообеспеченных слоев населения товарами повышенного спроса». И вдруг слышит от инспектора: «Да бросьте вы, товарищ, пишите прямо: извлечение прибыли». Предприниматель поражен: «А можно?» Теперь можно.

1993. Какофония страстей

1993 год. В стране шок – страшное возбуждение и гвалт. Никто понять ничего не может, но говорят все. Голосят радиоприемники, телевизоры, старушки в собесе. Голосят газеты, листовки, голосят заборы – лохмотьями объявлений. Даже одежда заголосила – рекламой заморских фирм и дурацкими заявлениями, типа «I'm strong» (Я – крепыш, англ.), которые никто не читает – не умеет потому что, и сил нет, все уже оглохли от этой гласности. Будущее не просматривается дальше текущей минуты, все обещания – блеф, все планы – фикция, дозвониться, встретиться, просто поесть – проблема. Но все обещают и планируют – «выживают». Вот вам масс-диссонанс 1993 года, никакого постмодерна – суконная пермская жизнь:

«БАХАИ – презентация веры (!). Начало в 18 часов в ДК строителей».

«ЧЕКОВЫЙ инвестиционный фонд «Рэст» принимает денежные вклады от населения сроком на 3, 6, 12 месяцев с доходом соответственно 170, 185, 260 %!!! Доходы не облагаются налогом. Бесплатное обслуживание».

«МЫ СВИДЕТЕЛЬСТВУЕМ: небо благодати закрыто. Отныне ни один лицемер, блудник, обманщик, просто живущий неполнотой веры не получит ни капли благодати Христовой. Особо скажем о Московской патриархии – она и есть та самая блудница, которая блудодействовала с царями земными – с советской антихристовой властью. Церковь должна покаяться, дается ей на это три дня и три месяца».

«ФРУТЕЛЛА – вместе будем наслаждаться!».

«МАРИЯ ДЭВИ ХРИСТОС явилась в мир как Небесная Сущность Единого Бога-Творца (11. 04. 90 г.), и через несколько месяцев это «Послание» пришло в мои руки. В нем

впервые и прозвучало известное всем юсмалианам: “Иисус-Юсмалос-Эзодюс-Христос: тот поймет, кто верой до Христа дорос!”».

Июнь. Цена доллара перевалила за 1000 руб.

«ПИСЬМО СЧАСТЬЯ. Письмо находится в Ливерпуле. Оно обошло вокруг света 444 раза. С получением этого письма к Вам придет счастье. Вы даже не поверите, счастье из параллельных миров. В Россию оно попало в начале XX века, его получила бедная крестьянка Урукова и через 4 дня откопала клад, а потом вышла замуж за князя Голицына и стала миллионершей в Америке. В 1937 году письмо попало к маршалу Тухачевскому, он его выбросил, через 4 дня его арестовали и расстреляли. В 1921 году Конан-Дойль получил письмо, но его не размножил, скоро он попал в катастрофу, и ему ампутировали руки. В 1961 году Хрущеву на дачу подкинули письмо, он его выбросил, через 4 дня был свергнут и ушел на пенсию. В 1980 году Алла Пугачева отправила 20 писем, и через 4 месяца на ее счету было 2 млн. долларов. Ни в коем случае не рвите письмо, отнесите к нему серьезно».

«ЦЕПТЕР – только настоящие ценности вечны!»

«ПРЕДЛАГАЮ курс самозащиты для юношей и девушек, не имеющих твердых кулаков».

«СВОБОДА наша – недоносок.

Среди позорнейшей резни

Ей опереться бы на посох

Крестьянской мудрости Руси».

«ПИШИТЕ мне все, кто изучает “Бхагават-Гиту” и стремится постичь тайны души и трансцендентальное знание».

«ГОСПОДА почтовые воры! Предупреждаю: мой ящик заминирован, чтоб у вас руки поотрывало!».

«ОСТАНКИНО: 5.55 Программа передач. 6.00 Новости. 6.35 Утренняя гимнастика. 6.45 Утро... «Гардемарины, вперед!»... «Просто Мария»... «Твин Пикс»... «Ашгабат: декабрь 93-го»... «Брейн-ринг»... «Тема»... «Поле чудес»... «Смак»... «Оба-на!»... «Муз-обоз»... РОССИЯ: 8.00 Вести. 8.20 Автомиг. 8.25 Требуется, требуются... «Санта Барбара»... Пермь: «Прайм-тайм»... Розыгрыш «АСКО-лото»... «Пустьчок, а...». Американка... «Грош в квадрате»... «У Ксюши»... «Тихий

дом»... САНКТ-ПЕТЕРБУРГ: 11.35 М/ф «Следствие ведут колобки»... «Годы с Ельциным»... «Хоро-шоу»... «Телемагазин»... «Музыкальный момент»... «Ваш стиль»... «Блеф-клуб»... Информ-ТВ... НТВ. Сегодня... НТВ. Намедни... НТВ. Итоги...».

«ПРОДАМ 3000 веников (сам их выращиваю)».

«МНЕ 52 года, вполне здоров, продаю себя бесплатно. Могу выполнять любую работу по 14 часов в сутки. Я мужчина. Мои требования: 1 – сон 6 часов; 2 – свободное время 3 часа; 3 – один раз в сутки обед; 4 – пачка сигарет «Астра» в сутки; 5 – коробка спичек».

«ВСЕМ разочаровавшимся в учении К. Маркса готов дать аргументированные ответы на их вопросы. Желательно вложение чистых листов бумаги».

«НЕФОРМАЛЫ, среди которых до сих пор «гуляет» мой адрес! Ваши манифесты меня больше не интересуют!».

«СОВЕТСКИЕ деньги отменили, в сберкассу я не проби-лась, так и осталась с советскими, как дура. А Наталье в киоске подсунули 1 тысячу за 10 тысяч, она же не знает новые деньги. Ревела».

«ХОЧЕШЬ похудеть – спроси меня, как».

Октябрь: молоко – 297 руб.

Декабрь: молоко – 429 руб.

«ЖЕНЩИНА, оставившая младенца 6 ноября в 10-градус-ный мороз на рынке в туалете! Можете не поминать за упо-кой. Ребенок жив!»

«7 НОЯБРЯ ехал домой в электричке. Ко мне подошли 2 де-вушки и 2 парня и отняли часы наручные именные, 90 коп. денег и еще сорвали с груди орден Славы и медаль за Победу. Боль и обида прошли. Но как вернуть награды?»

«ТАНЮШКА, милая, отстань от Сережки. Ведь ты моя луч-шая подруга. Пойми, у него на уме один секс».

«КОМПЬЮТЕРИЗАЦИЯ города сегодня достигла такого уровня, на котором необходим переход к системе компью-терных сетей, объединяющих все жизненно важные службы. Этого-то и ждет Ложа Свободных Ночных Компьютерщиков. Нет возможности предоставить вам всю информацию о зло-вещей организации и ее коварных планах, но вы, к счастью, предупреждены».

«МЕНЯ муж ругал, что я Егорке “Баунти” купила. Но должен же мальчик знать, что это такое! И потом я сама заработала. Это мы отправляли наших мешочников в Польшу, штук 5 “рафиков” отправили – вот тут и “бабки” появились. Хватило на неделю застойной жизни. Я даже туфли себе купила за 570 рублей. Клевые такие полуботинки. Правда, жмут здорово, но ведь за такие деньги, е-мое: дешевле самой поганой колбасы – как полкило масла. Масло сожрал – и все, а туфли еще долго будут жать...»

«А ЕСЛИ поднимешь голову, увидишь много птиц, летящих по-разному: клином и врассыпную. Осень – прекрасная пора!»

1994. Детские игры

Цены прут. В месяц все дорожает в среднем на 10 %. Все уже к этому явлению начали привыкать и относиться даже с пониманием. Выучились «крутить» деньги: то есть я тебе должен деньги, к примеру, но деньги не отдаю, вру, что нету, а отдаю их в банк на месяц, и пока ты ждешь, возмущаешься, мне там проценты капают – с каждой тысячи примерно по столынику.

Так делали все поголовно, и малоимущие тоже – они за квартиру не платили, а деньги в продукты вкладывали, купили консервы, точь-в-точь как банкир Федянин (помните такого?) – баксы. На долгах рабочим жирели директора, на неплатежах войсковых частей – полковники, учительские деньги весело «крутили» конкретные чиновники из администрации. Как вдруг бац – и лопнул Пермкомбанк. Все посмотрели – а он давно уже пустой. И где наши денюжки? В смысле «их» – рабочих и учителей? И где вообще Федянин, кто что про него слышал? Почти одновременно хлоп – так же счастливо лопнул банк «Заря». Никого из жуликов за ребро не подвесили, никто из банкиров не застрелился.

Самая азартная игра 1994 года – «пирамида» АО МММ. Там не 10 %, там 1000 % дохода обещали, правда, в год, но в том и прикол: жди. Тысячные очереди стояли за «мавродиками» – билетами МММ с портретом С. Мавроди.

Эта игра в «пирамиду» мне была известна со школы, единственный смысл ее был в обрушении и захвате кассы. Летом 94-го «пирамида» обрушилась в первый раз. Мне показалось, что многие участники обиделись – толпились, чего-то требовали, каких-то денег... Но через пару лет цикл повторился. Дураков в России не убавилось. Мавроди избрали в Госдуму.

Безродное, безъязыкое племя, несчастное и опасное – бывший «советский народ» мечется с единственной жгучей мечтой: стать «американцами», ну хоть на вечерок – в ночном клубе, ну хоть на 90 минут – в голливудском мороке перед телевизором. Синдром тарбарщины: на выдуманном языке поют «Машина времени», «Два самолета», «Ногу свело». Победное шествие «Ноги» по всем хит-парадам с припевом «Румамба хару мамба ру!». Это наш антinationальный гимн, квазиперестроечный лозунг, объединяющая поп-идея. Это наш диагноз.

В городе грязь небывалая. Весенние субботники мы похерили и, конечно, заросли грязью по уши. Собачий кал, битое стекло, раскисший картон под ногами. Горы картонных коробок каждый вечер оставляют торговцы, жильцы мечут мусор прямо в форточки, ненависть к «этой стране» читается в каждом жесте.

Невиданная пестрота хлынула из-за границы. Пацаны (от 6 до 60 лет) коллекционируют банки из-под пива и всякие коробки, вкладыши от жвачек. С простодушием туземцев народ припал к сладким импортным ликерам, пьет, не разбавляя, «Персик», «Киви», «Манго», хлещет «Кюрасао» с пивом. Самый любимый на тот год – «Амаретто». Итальянское «шампанское» «Спуманте». Наш ответ басурманскому «Роялю» – водка «Черная смерть» и «Белый орел».

С компьютерами в Россию завезли тетрис. Сперва в него играли все от мала до велика, потом взрослые отпали, только дети развивали большие пальцы четырьмя кнопками карманных «брикетов». Забава подороже – «Дэнди», «Фэмели», игровые приставки к телеку, к ним сменные картриджи с играми «Чип и Дейл», «Бомбермен», «Формула-1», «Галаксиан». Еще из пистолета можно было по экрану стрелять.

В детстве мы играли в солдатиков – стойких оловянных, тех, что готовы за любовь – хоть в печь. Сегодня наши дети играют в «монстриков» – оскаленных уродов с гигантскими бицепсами и крохотной головкой. Идеалом стало уродство. Мутанты – черепашки из манхэттенской канализации – нахватались ядовитых отходов, увеличились в размерах, взяли в руки палки и получили имена гениев: Леонардо, Микеланджело, Рафаэль и Донателло. Отныне сигнальные цепи в сознании ребенка замкнуты накоротко: Микеланджело для него – не художник Возрождения, а черепашка-«ниндзя», вооруженный «чаками», который любит пиццу!

Все мальчишки играют в «ниндзя»: пинаются и крутят в воздухе палками, в ходу самодельные нунчаки, в моде секции восточных единоборств, ушу, прием с пяти лет. Кумиры – Джеки Чан, Брюс Ли. Бокс и его этика надежно забыты, теперь можно драться ногами, бить по почкам и ниже пояса, и бить не до первой крови – до смерти. Каждый вечер по всем каналам вместо сказки доза мордобоя и поминутных убийств.

С быстротой гриппа распространяется «лизун» – полужидкий шарик, шмякнешь его о стену – клякса медленно восстанавливает форму шарика и отваливается. Кайф. Вот так и у людей: шмякнешь его... А он чё-то помер.

В моде коллекции грошových игрушек из шоколадного яйца – киндер-сюрприза, как слоники на телевизоре. По всему миру (и у нас, и у нас, мы теперь принадлежим миру со всеми потрохами) раскручивается субкультура трансформеров: мультфильмы, книжки, игрушки-трансформеры, наклейки, лексикон и примитивная мораль автоботов/десептиконов. А сколько денег мы ухнули в эту яму! У девочек аналогично – кукла Барби со всеми причиндалами.

Девочки сходят с ума по лосинам и дольчикам, мальчишки – по синим бейсболкам и скейтам. Кто постарше – носит в ушах черные «капельки» – хэдфоны с проводочками к «дебильнику» – плееру; слушают «Нирвану» – н и р в а н я т.

Подростковая мода: кроссовки круглый год, штаны с лампасами, черные вязаные шапочки (пацаны называют их «менингитки» или «пидорки»), тюремная стрижка наголо. Взрослое население донашивает китайские куртки-пухови-

ки со сбившимся на задницу пухом и переходит на синтепон. По-прежнему в моде китайская (турецкая) кожа.

Китайцы вообще поражают своей выдумкой и разворотливостью, гибкость их легкой промышленности феноменальна. Мы еще подумать не успели, а они уже сшили и привезли нам сотню вариантов на любой вкус и по сравнительно низкой цене. Нищий пермяк оделся-обулся во все китайское, завалил детей дешевыми китайскими игрушками и, по обывательскому обыкновению, принялся ворчать: хреновое все-таки качество у этих китайцев – все одноразовое. Ну давай, сделай лучше! Займись! А-а, некогда, в очереди за билетами МММ застрял? Тоже дело.

1995. Мы – американцы

Реклама «Херши»: фишка – Сидоров, рыжий мальчишка с тяжелым взглядом; напротив него педагог, припадочный звероящер, вопит: «Сидоров!!!» Вся страна катается со смеху. Это же так весело: калека-учитель, калека-ученик... К 1995 году в Перми назрела новая проблема – повальное слабоумие и массовые психические расстройства у детей. «Шоковая терапия», знаете ли, лес рубят – щепки летят... Сердобольные педагоги уже в начале 90-х бросились спасать нацию – создавать частные школы, гимназии, лицеи всех мыслимых профилей. Деньги для новых учреждений они выбивали, вырывали из зубов, из пищевода у чиновников. Выморщивали у коммерсантов. В 1995 году – пик экспериментальной активности учителей, потом многие устанут выбивать и выморщивать, разочаруются в идеалах, им перестанут платить зарплату...

Государство кинуло учителей, общество не заступилось – и вот слова о разумном, добром, вечном от обиды застывают в горле учителя. Ну, с государством все ясно: навывирали прохиндеев, те понасажали на нашу шею прохиндейчиков. А с обществом что? А его просто нет. Не сложилось еще.

В больницах вонь – канализация не работает. Больные питаются слезами. Их обязательные страховые взносы прибрал к рукам директор соответствующего фонда. Его посадят, но только через год, а пока больницам – шиш. Нет бинтов,

горшков, кислорода, стыда, совести. Врачи лечат зеленкой, крутятся как заведенные, бастовать у них не получается, подрабатывают агентами аптечных бизнесменов – сбывают дорогостоящим больным импортные лекарства. Аптеки стариковские льготные рецепты не принимают: бери вон «упса» за 9 тысяч, бабушка.

По городу бродят «нюхачи»-беспризорники, держат под курткой кульки с клеем «Момент». Не прячут, нет – от кого прятать, всем до фени, – нагревают клей цыплячьим своим тельцем. Нанюхавшись, тычутся как слепые, орут как глухие. Куда потом деваются – никто не знает.

В начале 90-х население сильно полюбило собак, особенно сторожевых и бойцовых. Первых граждане завели со страху, вторых – от поврежденного самолюбия. Завели, но с воспитанием не справились: собаки давай кусать хозяев, их гостей, детей, прохожих – ни дня без крови. Теперь «плохих» собак «хорошие» хозяева усыпляют или расстреливают в лесу – тоже развлечение. В 95-м году я видел картину: тощий дог роется в помойке, как бомж. В городских парках можно найти собачьи шкуры и лапы – объедки, брошенные настоящими бомжами, бывшими людьми. Жуть.

Но вот и утешение: в город пришел «Кодак-экспресс» – потрясающее качество фотоснимков! И так быстро, и так ласково! Мистер Кодак украсил мою жизнь, украсил меня – смотрю и не верю: неужели на снимке моя берлога? Неужели это я, такой красивый?! Где мои пятна, штюпки и тараканьи следы? Чистота, буйство красок – тропики, а не Пермь. Что-то здесь нечисто. Мистер Кодак, вы не Люцифер?

В 1995 году в Перми формируется шоу-бизнес: рокеры и барды регистрируют свои организации и принимаются считать деньги – романтическая эпоха «нефоров» кончается с первым фестивалем «Rock-Line» в Кунгуре, раскрученным по всем правилам шоу-бизнеса (комплекс «первого блина» не в счет). Начинается эпоха «культурных проектов», насильственного сшивания искусства с финансами, каждый «проект» – стежок. Начинается преодоление взаимного отвращения: бизнесмены и чиновники встречаются с художниками и поэтами, натянуто улыбаются друг другу, не очень-то веря, что от встречи будет толк.

Модное поветрие – салоны и клубы – напоминает мне первые дискотеки, они тоже раздражали своей искусственностью. Но что поделаешь, коли не уехали за границу, надобно обустроить Россию. Пермские богачи ищут новые формы досуга, экзотические знакомства, а голодные художники ищут сбыт своим работам. В «Новой галерее» купцы и живописцы раскрашивают и без того красивые тела живых девушек – «боди-арт» называется. В «доме Смышляева» ткет свой частный литературный миф о городе Перми фонд «Юрятин». В «доме Грибушина» собираются ответственные любители серьезной музыки. В гостинице «Прикамье» – салон de m-me Larchina «У Льва». Мечта года – светское общество. Мечта десятилетия – щедрый спонсор.

Эпоха «нефоров» кончилась, но «нефоры» остались (по принципу «Рок-н-ролл мертв, а я еще нет»). Вот опись-атрибуция основных направлений молодежного самовыражения: **рокеры-фаны** – джинсы «левис» и черная майка с портретом кумира; **рэперы** – штаны клоунской ширины, бейсболка набекрень и походка вприпрыжку; **панки** – кольцо в ноздре, прическа «ирокез» на пиве и наркотики; **байкеры** – кожаная «косуха» с клёпками и цепями, мотоцикл необязателен, обязательны темные очки даже ночью; **толкиенисты** – мечи и мантии, фехтование в лесу; **сатанисты** – «число зверя» и пакости на кладбищах, **фанаты** – флаги, горы, пиво, кричалки.

Все остальные называют себя просто «продвинутыми» – одеваются в стиле персонажей телесериалов, слушают techno, trance, rave, progressive house – на CD, only. Местные нимфетки копируют столичных диско-капризуль, кляксулиганок и девочек-десанж из «Птюча». Роль Интернета в Перми выполняет газета «Фигаро», на ее бумажных «чатах» тусуются «нефоры» всех мастей и сексуальных ориентаций.

Для нового поколения наступила Нормальная Жизнь, без «эпох», без «эпидемий» – у каждого своя маленькая игрушечная «мания». И слава богу, чем пестрее панорама жизни, тем лучше. Менее «продвинутые» с восторгом хавают голливудские помои, впитывают жаргон американских «пацанов»: «Фак!» – и средний палец торчком – знак

презрения. Восхищение у них – «Вау!», удивление – «Упс!», радость – «Йес!». Всё, мы уже американцы.

В 95-м снова возвращаются кондукторские сумки и билеты в городском транспорте. Их носят кондукторы новой формации – тихие и скромные, они подходят к каждому пассажиру с деликатным предложением купить билет. Их жалко. Их сократили на производстве, а жить надо. Среди них много мужчин, они подавлены. Компостеры больше не нужны, но их не снимают: мало ли.

Для одних частная жизнь остановилась, для других, наоборот, пошла вразнос безумными скачками. Поменялся идеал мужчины, раньше был – мастер на все руки, теперь – толстый кошелек. Новый идеал женщины – шикарная наружность. Вполне буржуазный расклад. В соответствии с новыми ценностями пошел передел семей: состоятельные мужчины побросали старых жен и обзавелись молоденькими. На другом полюсе – состоятельные женщины почувствовали себя мужчинами и, в недоумении, ударились в алкоголизм. Подчиняясь новому раскладу, я в 95-м купил жене мутоновую шубу за 1 млн. 300 тыс. руб. Хлебом торговал, арендовал киоск. Прогорел, конечно, купчина, уже через год. И слава богу.

В 1995 году начали вещание в Перми радиостанции «Мюзик-радио» – «легкая, комфортная музыка» для среднего возраста, и «Медиана» – «Радио доброй надежды».

Именно этого и хочется в среднем возрасте – комфорта, добра, надежды...

1996. Зависть – двигатель прогресса

1996 год. После долгого перерыва в городе появились новостройки – красивые, сложной формы дома, дорогие проекты – сплошь «экслюзив». В окнах стеклопакеты, за ними угадывается роскошный интерьер. Зависть пришла на смену унынию, а это уже один из двигателей прогресса. Зависть двинула прогресс. Пошли деньги – очнулись от шока строители, пустились вдогонку преуспевающим газовикам и нефтяникам.

На рынках появились «новые русские» марки продовольственных товаров: «Сдобри», «Илья Густов», «Довгань»... Выяснилось, что куйбышевский шоколад лучше любого швейцарского, а пермский майонез лучше своего провансальского первоисточника.

Складные велосипеды «Кама» просто вне конкуренции: итальянские «горные» с наворотами велосипеды не помещаются в багажнике и стоят 3 миллиона! А нашу «Каму» у проходной велозавода можно купить за 250 тысяч. Спрос есть, почему завод загибается – непонятно. Рабочим «Велты» зарплату выдают велосипедами, запчасти они берут сами и несут их к Центральному рынку – торгуют с газетки у трамвайной остановки «Улица Пушкина» и не ждут улучшения судьбы.

Между тем, улучшения следуют одно за другим: поставили единообразные киоски перед рынком, потом отделили китайцев, позже нашли место и навесы для торговцев велосипедами, мотопилами, прочими железками. Чисто, культурно, безопасно. Обыватель перестал бояться рынка, ворчит только на засилье южан. Раз в год горячие русские парни в зеленых фуражках, в обиде за державу, громят азербайджанцев. Новая традиция. Обыватель их не поддерживает, но и не мешает. Звуковой фон рынка – Наговицын:

*Золоткой упала
С неба звезда.
Что, не загадала?
Ну, как всегда!*

Инфляция такая, что на калькуляторе не хватает разрядов: трамвай – 1000 руб.! Хлеб черный – 2300, сникерс – 2500, водка самая плохая – 19 тысяч. Девчонка-продавец мороженого за лето зарабатывает миллион. «Столбовые» секс-труженицы – миллион за неделю (я торчу: номер телефона на фаллосе столба – это концептуально!). Опекуны тружениц и гоп-стопники на работу надевают куртки «пилот», в церковь – длинное черное кашемировое пальто-реглан с поднятым воротником и расстегнутыми поговицами, руки в карманах.

Мужская мода-96: просторные брюки, просторный пиджак, толстое пузо, сытая морда – худые мужчины не котируются. Женская мода – по уровням достатка мужчины. Из

аксессуаров хорош пейджер на поясе и сотовый телефон возле уха – встречные от зависти синеют. Но убедительнее всего квартира в тихом центре, евроремонт, особняк с башенками в пригороде – краснокирпичная «готика». Специалисты плюются: винегрет, а не готика, нету стиля, нету!

У детей мода на резиновых червей, пауков, гигантских мух и прочую нечисть. Трогательная любовь малышни к скорпионам пародирует нашу любовь к плюшевым мишкам. Нынешние дети спят со скорпионами! Хороший подарок ребенку – очки с черепами на стеклах.

По телеку гоняют самую настоящую порнушку в три часа ночи: «Эросфера» – немецкие курц-фильмы, американские стриптиз-шоу, наш отечественный «Декамерон» с Джигарханяном – вообще умора. Зря это безобразие прекратили. Хотя моя любимая передача была тогда, как и сейчас, «Пока все дома» – семейно-развлекательная, с «народным очумельцем» и «зверьём моём». Хорошо воскресным утром посмотреть на них вполглаза, забравшись всей семьей в одну постель и лениво предвкушая длинный праздный воскресный день... Потом «Каламбур», «Армейский магазин», комический сериал «Зеленые поля» («Green Acres») – до вечера можно не вставать с постели.

Из Германии к нам в Пермь прибыли полторы сотни бывших в употреблении автобусов «MAN», пошли по маршрутам прямо с немецкой рекламой на бортах. На сиденьях велюр – классно так.

В начале мая 1996 года я видел патриарха Алексия на выходе из драмтеатра. В конце мая – кортеж Ельцина на улице Ленина и головастика на крышах окрестных домов – его охрану.

В июне приезжала группа «Uriah Heep», короли рока выступали в пермском «Молоте», как простой «Чайф». Было грустно и весело, и не верилось, что это они, те самые, а вот это – мы, и нам уже за сорок, и все главное у нас позади, и можно больше не выёживаться, но все равно будем... «Из эливлен», короче.

Веры всё нет, зато любви навалом, и Надежды прибавляются: была одна – Бабкина, теперь вторая – Кадышева с ансамблем «Золотое кольцо». Коммерческий «рашен поп-фолк»:

*Напилася я пьяна,
Не дойду я до дому.
Довела меня тропка дальняя
До вишневого сада.*

И «Балаган лимитед» в кокошниках и сарафанах мини:

*Ты скажи, ты скажи,
Чё те надо, чё те надо –
Я те дам, я те дам,
Чё ты хошь.*

Где «лимитед», там и «интернешнл» – «Иванушки»: «Люди как тучи», «Тополиный пух, жара, июль!». Заработала сетевая радиостанция «Европа-Плюс», раскрутка музыки для молодежи по московскому формату. Вошла в моду болтовня диджея с радиослушателями по телефону на уровне: «Ну чё, типа, как жизнь?», интерактивные игры. Для хорошо сохранившихся советских радиослушательниц льет масло на сердце песня «Ах какая женщина...». Мне б такую, гм. Мелодия года – «Макарена».

В саду Горького – первый международный фестиваль снежной скульптуры. В числе участников были мексиканцы! Мексика – это ведь где-то на экваторе? Откуда они знают про снег? А один из наших выстрогал из снега портрет Игоря Талькова и получил от хмельного гуляки вопрос по существу: «Это кто? Александр Невский?» Художника обидит всякий.

1997. Народные гулянья

275 лет городу Перми, 200 лет губернии. Юбилей любимого города каждый житель отметил по-своему: кто книгой, кто фотоальбомом, кто праздничным супер-шоу, кто супер-барышом на всем перечисленном. А кто взял да и накирлялся кондово. Мы с друзьями гуляли по Компросу с гармошкой, пели песни советских композиторов, выпивали у «Шестирукого». Народу на эспланаде была тьма, пиво лилось рекой, остро стояла проблема туалетов – горожане примеривались со своими нуждами к «Колизею».

Фейерверк наблюдали с детским восторгом, свистели и орали что было мочи, отвязывались от будничных проблем,

оттягивались и расслаблялись вкрутую. По окончании праздника, как водится, ворчали: мол, сколько бюджетных денег на этот тарарам ухлопано, лучше бы зарплату учителям заплатили. Бюджетники у нас тогда куковали, даром работали – хорошие у нас все-таки бюджетники, покладистые.

Что фейерверк! Целую комету в честь юбилея запустили. Комета Хелла Боба застряла в небе над Камой на несколько суток.

В 1997 году в Перми появились первые мини-маркеты – стеклянные павильоны модного дизайна. Всем было интересно, как они, стеклянные, выстоят зиму. Ничего, выстояли, еще и круглые сутки работали. В лютый мороз во мраке ночи – такой оазис цивилизации. Приятно в тепле деньги вынуть, с молоденькой продавщицей пошутить. Теперь ее видишь всю, а не только руки в раздаточном окошке. Бронированные киоски один за другим заменяются мини-маркетами.

Мало того, стеклянные навесы на остановках поставили вдоль улицы Ленина – ну вот это уже напрасно, народ у нас дикий, ведь раскокают в момент! Не раскокали, так только, объявлениями украсили кое-где. Навесы прижились и стали размножаться, в Индустриальном районе появились первые остановочные комплексы. Дороги начали ремонтировать. Трамвайным кондукторам пошили фиолетовые жилеты, на зиму – зеленые форменные куртки. Проезд на всех видах транспорта 1500 руб.

Хлеб стали продавать в кулечках, и развесной товар тоже, кулечки даром! Народ перестал стирать полиэтиленовые кульки, одноразовые кульки стали одноразовыми – вот оно, светлое будущее, ПРОЩАЙ, БЕДНОСТЬ!

Одно огорчает – криминальная хроника. Всюду охрана, даже в школах. И все охранники щеголяют в маскировочном обмундировании. Парадокс: во всем мире камуфляж используют, чтобы спрятаться, а у нас наоборот – чтобы выставляться. И еще мне непонятны черные маски у спецназа. Ну, грабителям они нужны ясно для чего, а представителям закона-то зачем?! Скоро правительство будет заседать в черных масках.

Тамагочи. В феврале за ними выстроились тысячные очереди в Гонконге, в сентябре отмечен легкий ажиотаж

в Перми. Русский вариант «электронного любимца» кличут Тамагошей. Через неделю: «Вадик, а где твой Тамагоша?» – «Помер» – «Бедный. Ты его, конечно, похоронил?» – «Не-а, выкинул». Нормальный ребенок, никаких мерихлюндий. Бабушки пригорюнились: «Вот так и нас выкинешь скоро».

А внучек уже выпал в Интернет. Там свой язык и письменность, там специфический юмор, этикет, зачатки новой морали и мифологии: дьявольская свобода и загадочные сущности – вирусы. Вирус «Чернобыль» просыпается каждый год 26 апреля, все, кроме, «чайников», сидят «дома» и не высовываются.

Каждому свое: вот «Мальчик хочет в Тамбов», например, он хочет делать чики-чики там. А у нас и в Перми все чики-чики. Радио «Ностальжи-Пермь» в 97-м перестало нас мучить французской эстрадой и пустилось поливать родными американскими шлягерами прошлых лет: «Отель “Калифорния”», «Онли ю», «Дэнсинг Квин» – теплые ванны для души.

Горячие припарки на НТВ в «информационно-паразитической» программе «Итого». Там король зубоскалов Шендерович мстит дуракам во власти за всех за нас вместе с «правдорубом» Иртеньевым и «врачом маленькой психиатрической больницы» Бильжо. В руках Бильжо ключ от больной палаты – самый красноречивый участник передачи.

По пятницам мягкий стёб Владимира Софронова «Впрок». Наконец-то кто-то озаботился интересами потребителя, а не его «бабками». Мой любимый телесериал – «Альф». Мне все понятно: построение сюжета, мизансцен, диалогов – но как они двигают ее, эту куклу?!

В раскрутке реклама «Твикс – сладкая парочка» и еще куча всякой дряни. Забавно воображать, как при первых секундах рекламы полстраны срывается с насиженного места и разбегается на две минуты по делам. Вторая половина телезрителей экономно делает кнопочкой чик. Но в некоторых случаях не увернешься. Вот пример. По телеку идет фильм Антониони «За облаками». В кадре изысканная мимика Жанны Моро, она томит намеками без слов, долгий кадр, медленный и безмолвный, и вдруг так же медленно и безмолвно на экран вползают белые титры: «Минтай с/м б/г по цене 7 000 руб/кг». Легкий шок у зрителя. А это просто реклама-97.

В декабре 97-го в Пермь приехал Андрей Вознесенский, старенький уже, но сохранивший феноменальное чувство Времени. Элегантно приколся к транспаранту «КАЦ ИЗ БАНКА «БИС-КРЕДИТ» ВСЕ ПРОБЛЕМЫ НАМ РЕШИТ»: «Это шедевр». Вот вам, кстати, Время всех расставило по местам: где теперь «Бис-Кредит»? Тью-тью. А проблемы вечны.

Появились и новые проблемы: наркотики. Прежде они для Перми были экзотикой, понтом, баловством, а к 97-му уже все родители взвыли. У младших детей токсикомания, у старших – «колеса», «дурь», «герик», кражи, СПИД, мозги набекрень. Проституция у наших детей – обыкновенное дело, без надрыва, без достоевщины – все до жути просто. Люди, как выяснилось, разные, есть болваны и болванки, заготовки, годные лишь для примитивного употребления... Привыкаем к принципу неравенства, советскому человеку он дается с трудом.

Водка – 20 000 руб. Утомили нули на ценниках. Стихийно их стали сокращать – уже летом 97-го торговцы писали на ценниках: «20 тыс.» или просто «20». К зиме и власти дотумкали – объявили деноминацию с Нового года, а за месяц до него и весь следующий год велели писать цену дважды – с нулями и без.

1998. Стабильность по-пермски

Наших граждан от иностранцев легко отличить даже изда-лека: матовые они потому что, а те – глянцевые. Те – глянцевые, а наши – матовые, пористые: все впитывают, впитывают.

Москвичи со своим, московским, провинциализмом борются осознанно – к 1998 году выработали так называемый клубный глянцевый стиль: яркость индивидуальности ЛЮБОЙ ЦЕНОЙ, там даже нормальные мужики под педиков косят, лишь бы в клубе засветиться. Но главное для «глянца» (это между нами) – не смотреть по сторонам. Мол, всё знаем, всё видели. Вот чего я, ротозей, не сумею никогда, я так люблю глазеть по сторонам.

Анекдот года. Гигантский пароход, фешенебельная какют-компания, за столом блестящее общество. Входит капитан:

«Дамы и господа! У меня есть две новости: хорошая и плохая. С которой прикажете начать?» – «Давайте сразу с плохой, капитан». – «Мы идем ко дну». – «Вот ни фиги себе! А какая же тогда хорошая?» – «Через 86 лет фильм про нас получит 11 «Оскар» и соберет 1 миллиард долларов в прокате!»

Добавим: через 86 лет, в 1998 году, все девочки выучат песню из к/ф «Титаник» и купят календарики с портретом Леонардо, отнюдь не да Винчи.

Которые уже не девочки, те в 98-м отрываются на дискотеках под музыку обкуренных лысыков, укравших стихи у Агнии Барто: «Синенькая юбочка, ленточка в косе. Кто не знает Любочку? Любу знают все». Припев, блеснув талантом, «Маша и медведи» придумали сами: «Либе, либе! Аморе, аморе!». Люба – любовь, короче. Взрослое население тоскует по глубокому чувству:

*Позови меня с собой –
Я приду сквозь злые ночи.
Я отправлюсь за тобой,
Что бы путь мне ни пророчил.*

«Лицеистки» поют: «Осень, осень, ну давай у листьев спросим: где он, май, светлый май?» – песню дембелей. Светлый май и светлый ноябрь – два главных армейских праздника.

В 98-м, кстати, была поздняя весна – 1 мая еще лежали сугробы. И очень жаркое лето – одуряющая жара +34°C. Интеллигентно митинговали преподаватели вузов и школ, им очень хотелось получить свою зарплату, но не хотелось ссориться с «драконом». Драма.

В городе появились аптеки, отделанные под евростандарт, с высокими белыми витринами. Злые языки утверждали, что аптеки разбогатели на наркотиках.

Небывалый ассортимент водки. Одной «Русской» 6 видов! А еще «Смирнов», «Довгань», «Асланов», «Жириновский», «Чайковский», «Брынцалов», «Суворов», «Князь Черкасский», «Белый Лебедь», «Батяка Махно», «Юрий Долгорукий», «Кавалерист-девица», «Господа офицеры», «Великий Новгород», «Золотое Руно», «Золотая подкова», «Голубой топаз», «Черная смерть», «Кремлевская», «Аксаковская», «Ямская», «Белебеевская», «Ледяная»,

«Праздничная», «Кедровая», «Медовая», «Дамская», «Титу... Титуальная», «Ха-ха-ха», «Ферейн», «Барин», «Банкир», «Кристалл», «Исток», «Алтай», «Хонгор», «Тантана», «Зима», «Привет», «Завалинка», «Стопка», «На посошок», «На троих», «Батя»... Музыка, а не названия, картинки с выставки. Эх, господи алкоголики, да разве могли мы мечтать о таком изобилии десять лет назад! А пива-то сколько!

Только ожили, и вдруг опять облом. Новое слово «дефолт», очень понятное, обозначает «тебе – болт». Снова кризис, ну ё-моё! Цены до кризиса: картошка – 2 руб. за кило, молоко – 2 руб. за литр, мясо (вырезка) – 25 руб. за кг. Телевизор DAEWOO – 1500 руб., радиотелефон Panasonic – 550 руб., кроссовки китайские – 120 руб.

Начало паники я пропустил, мы с дружкой водку пьanstвовали, на люстре качались. «Досуг» в пермских газетах получил новые позывные: «Интим», «Эскорт», «Истории», «Территория. Выезд», «Массаж», «Стриптиз», «Море удовольствий», «Лада», «Лола», «Лиля» – от 10 долларов за час... Спрыгиваю – рубль упал, правительство в отставке, бензина нет, быттехнику не продают, не знают потому что, почему продавать. Кинулся, как положено, запасать макароны, сахар купил – уже 240 руб. за мешок, вчера еще 180 был!

Ладно, проехали.

В Перми стало слышно трансляции из Петербурга «Радио Модерн» с Нагиевым. Позже «Русское радио» из Москвы с Фоменко и информационную радиостанцию «Эхо Москвы» с Венедиктовым.

Детский спорт, расценки: секция настольного тенниса – 50 руб. в месяц; соревнования за отдельную плату. Чтобы вывезти чадо на чемпионат Европы по шахматам, надо раскошелиться на 1300 долларов плюс еще столько же заплатить за тренера. Любишь ребенка – плати, иначе... Героин стоит 500 руб. за грамм. Если чадо подсело на три дозы в день, то в месяц это будет 45 000 руб.! Состоятельные родители частным образом ловят поставщиков наркотиков и в бешенстве громят притоны. В элитных квартирах Перми бушуют такие страсти – Голливуд отдыхает. А на поверхности все тихо, вялая провинциальная жизнь...

1999. Что нас волновало год назад

Как сказал один умный англичанин: «Лучший способ проверить свою память – вспомнить, что нас волновало год назад». И проверять нечего, нету памяти, и слава богу, и сегодняшние волнения забудем (очерк написан в декабре 2000 г. – В.К.). А если и вспомним, то как из-под стекла: что прошло, то будет мило...

1999 год – 200-летие солнца русской поэзии А.С. Пушкина. Грандиозные были празднества, с фейерверком. Все приложились, достали уже с этим Пушкиным. Я тогда тоже: возвел дома алтарик на телевизоре, водрузил бронзового курчавого кумира, возложил с поклонами и песнопениями приношения – конфетки. Стало легче.

Бензиновый кризис сильно взволновал. Даже подорожавший на 20 % бензин был не везде. «Жигули» резко подешевели и мобильные телефоны. В 99-м я видел мобильник у пассажира трамвая.

Солнечное затмение 11 августа никого особенно не тронуло, никто в обморок не упал. Что нам Солнце, вот год спустя телевизоры в Москве потухли из-за пожара на телебашне, так половина москвичей, по их признанию, ощутила сильное беспокойство, сердцебиенье, потливость и приступы удушья. У нас в Перми, думаю, было бы то же. Смотрим отечественный сериал «Улицы разбитых фонарей». Не смотрим «Сибирского цирюльника» Михалкова в «Триумфе»: билеты дорогие, и еще это... агитация там опять – теперича за царя. А нам это без надобностей. У нас компьютерная «Проблема-2000» – угроза вселенского сбоя, модернизированная версия конца света. У нас запрещенные барабанщики убили негра.

В 99-м грациозно взошла на небосвод юная звездочка Алсу: «Самая главная тайна есть у меня одна...» Эта тайна всем известна: у Алсу папа – шишка в ЛУКОЙЛе! Земфиру мы тоже сразу полюбили: «Я задыхаюсь (пауза) от нежности, а-а, а-а». Руками нам машет рэп-компания «Bad В. Альянс»; Шефф, Лигалайз и ДеЦл – голос улицы в ритме хип-хоп: «Мы – новые люди России, мы вне политики». Частная

жизнь, елы-палы, счастливые – они вне политики, КАК БЫ. Это у нас в стране КАК БЫ новое слово-паразит завелось КАК БЫ на пустыре идеологии, на руинах КАК БЫ определенности, КАК БЫ крыса такая из темной норы выскакивает и мысли обедает до полной непригодности.

Панорама попсы конца 1999 года – хит-парад Муз-ТВ: Дитер Болен и стриженный Андерс внизу десятки; выше ДеЦл – «Мои слезы, моя печаль»; выше – «Руки вверх»: «Ла-ла-ла-ла-ла-ла, кого-то лучше, чем я»; выше – «Отпетые мошенники»: «Лю-блю, бута-бути-табудай»; Андрей Губин – «Плачь, любовь»; на самом верху просто – «Файв».

Сплетни. Одна знакомая семья хотела ребенка усыновить. Всё прошло, все барьеры, надоела чиновникам до крайности. Вот одна чиновница и говорит: «Ладно, будет вам ребенок. Давайте 20 тысяч долларов. Как это нету? Ну ладно, 20 тысяч рублей. Опять нету? Квартиру продайте! Ребенок – он ведь требует жертв!»

Еще одна сплетня. Военкомат вызывает моего приятеля и дает направление на переподготовку в Тоцк, на 20 дней. А у моего приятеля были другие планы, и вообще там, в Тоцке, по слухам, какая-то авария, радиация, «второй Чернобыль»... «Ладно, – ему говорят, – не вибрируй. Оплати нам счета за микроволновку и чайник и живи спокойно».

Гороскопы – эрзац-вера. Все знают, что гороскопы сочиняют в редакциях, сочиняют от фонаря, и все равно люди верят. Истинная вера в подставную идею. «Ты кто по гороскопу? А-а, “рыба”. Все ясно». – «Что тебе ясно?» – «Ну вот же в гороскопе все про тебя сказано». – «Так это я написал». – «Ну и что». И не доказать фикцию, хоть лопни. Вот это и есть истинная вера. Кто не дурак, большие деньги на истинной вере делает. Кто дурак – доказывает фикцию.

Так, с верой все ясно. Чем же наполнить жизнь? НАПОЛНИ ЖИЗНЬ ПИВОМ! – слоган года. И ведь наполнили. Сегодня спроси любого студента, что такое «Рифей», ответ будет – пиво! Первоклассники на вопрос «Ты где был?» шутят: «Пиво пил».

Да нет, люблю я пиво, и Пушкина люблю, но с перебора как-то выворачивает. А может, старый стал, организм уже не тот...

2000. Последний год XX века

Наступил новый, 2000 год. Трижды круглое число сбило с толку многих, не только президента Ельцина, который, уходя в отставку 31 декабря 1999 года, досрочно поздравил «уважаемых россиян» с н а с т у п л е н и е м нового века и новым тысячелетием... Последний ляп «царя Бориса», как и все предыдущие, великодушно не заметили правильно воспитанные россияне.

При Сталине жизнь наша принадлежала Вождю. При Хрущеве – стране, это теплее, это почти что нам. При Брежневке на нашу жизнь опять напало государство. Только оно с жизнью не справилось, государство, пошло трещинами, и уже при Андропове сквозь трещины везде пролезла частная жизнь: никто не работал, все болтались в рабочее время по магазинам, трепались – пока не развалили государство своим пофигизмом окончательно и не потопили его в своей бестолковой, мусорной частной жизни. Правителей над нами больше не было, я не вижу. Пытался управлять процессом некий Горбачев, но пчелы ему достались неправильные, и мед неправильный, его быстренько спихнул самый крутой наш «частник» – Ельцин. Спихнул и занялся своими любимыми играми в политику и теннис, не особенно докучая нам своей заботой. И слава богу. К концу века свершилось главное – ПРИВАТИЗАЦИЯ ЖИЗНИ. Жизнь на сто процентов стала частной, твоей, и все проблемы, прежде решаемые государством, стали твоими, и нравственный выбор «украсть – не украсть», «уехать – не уехать» стал твоим личным делом. Мораль отменена. Жизнь приватна.

Такой сюжет.

Эх, невероятный, фантастический 2000 год! Школьниками мы подсчитывали, сколько нам будет лет в 2000-м, гадали: какая будет жизнь тогда? Какими станут люди? Казалось, все будет необыкновенно... Ну и ладно. Слава богу, хоть «конец света» не состоялся.

Конец веку, конец нашей истории. Как принято, оглянемся на пороге: что удалось нам в жизни? И что не вышло?

По-моему, вышло все как мы хотели. Хотели слушать музыку, какая нравится, – добились. Сейчас этой музыки,

всякой, днем и ночью – море, Гольфстрим, горы сдвигает наша музыка, государства топят. Где сейчас СССР, который нашу музыку регулировал? То-то. Хотели мы джинсами торговать – добились. Хотели много жвачки, жрачки, кофе растворимый, сигареты «Мальборо», много пива – хотели? Вот оно, пиво, кофе, сигареты, – залейся, закурись! Водка среди ночи – без проблем. Чего еще хотели? Женщин? Навалом. Хочешь на картинке, хочешь на экране, хочешь живьем – звони прямо сейчас. Свободы хотели, душновато было, да? Сейчас пиши что хочешь, читай что нравится, выписывай газеты или не выписывай, голосуй не голосуй – твое дело. Одевайся во что хочешь, в театр в кроссовках – пожалуйста, в школу в мини-юбке – да ради бога! Какая еще свобода нужна? Всего добились. И никто нам этих благ не дарил, оглянитесь назад: все блага с черного хода к нам пришли, с черного рынка, через дыры в железном занавесе мы сами их в страну по молекулам протащили. И встречали их власти всегда одинаково – дубинками. Потом уступали, чтобы самим не слететь, закрепляли де-юре уже произошедшее де-факто. Да и закрепляли-то кое-как, бестолково, прямо скажем, закрепляли.

Отсюда, главное действующее лицо в нашей истории кто? Народ, тот самый, безмолвствующий. А все эти крикуны – они ничего не решали, только всё портили и мародерствовали.

Конечно, получили мы в придачу безработицу, преступность и т. д. Стариков оголили, детей. Это, конечно, свинство с нашей стороны. Втянули в эту заваруху тех, кому фирменные джинсы были не нужны. Втянули культурных людей, равнодушных к поп-музыке, пиву, стриптизу и «тойотам»... Можно было мягче этот вираж пройти, надо было мягче.

Сегодня культурные люди, кто не помер, оклемались маленько. Каждый хотя бы раз заработал неплохие деньги и понял, что жизнь не кончена, мир не рухнул, и что у честного человека тоже есть шанс. Дай бог вам удачи, разноликие и тем драгоценные свободные жители свободной Перми. Помянем недоживших, обнимемся на пороге. Пока. Встретимся в новом веке.

2001. Письмо потомкам (послесловие)

Уважаемые граждане потомки! Родные наши! Конечно, вы живете лучше нас в своем прекрасном далеке. И сами вы, нет сомнений, выросли прекрасными, необыкновенными людьми. Мы гордимся вами. Уж вы-то не станете повторять наших глупостей, вы умные, да, да, вы умные.

Один есть у вас недостаток перед нами: вы не видели Рубеж Тысячелетия.

О, это было римское зрелище! Боги плакали, моря раступались, звезды с неба сыпались, как старая хвоя, и на их месте загорались огненные цветы. Завидуйте нам, надменные потомки, мы его видели, Рубеж Тысячелетия. Он был такой... такой... высокий! И в черно-белую полосочку – как шлагбаум на бахаревском переезде. Только большой.

Короче, тем из вас, кому до этого Рубежа есть дело, мы посылаем его приметы – отзвуки нашего вселенского праздника, отсверки наших ему салютов и еще разную чепуху – милую сердцу дребедень нашей частной жизни, без которой не бывает больших праздников. И потомков, кстати, тоже не бывает без частной жизни обыкновенных людей. Итак...

«НОВЫЙ 2001-й – год Змеи. В ходу веселые шутки на тему «гадов», повсюду изображения улыбающихся головастика, выдаваемых за тотемную Змею. Нет проблемы, что подарить знакомой девушке: киоски полны дешевых, но невероятно актуальных змеек, змеючек и змеюк. Город буквально кишит змеями».

«ЦВЕТА ОДЕЖДЫ рекомендуются преимущественно холодные: изумрудно-зеленый, синий, серый, все облегающее, блестящее, как змеиная кожа. Поведение – спокойное, рассудительное, мудрое, кусаться можно, но только любя».

«ВОТ И ПРИШЛА эта ночь новогодняя, смена веков над планетой всей. Выпьем, змея ты моя подколодная, самая лучшая в мире из змей!»

«ВАНДАЛЫ снесли полголовы ледяной змее на эспланаде. Пострадавшую сразу же реанимировали, но шрам, полученный в результате травмы, виден до сих пор».

«В ПЕРМСКОМ Дворце культуры имени Гагарина проведен благотворительный новогодний праздник для 300 детей, отцы которых воевали в Чечне или несут там свою службу сейчас».

«НО, КАК ГОВОРИТСЯ, Дед Мороз без профсоюзов к детям не является...»

«БАБА-ЯГА на празднике тоже была. В руках она держала не метлу, а... сотовый телефон. А как же, по-вашему, ей общаться с нечистой силой? Только по сотовому».

«ИНТЕРЕСНЫЙ губернаторский бал был проведен в областном Дворце молодежи. Сюда прибыли 600 школьников из Перми и области. Приглашены были те ребята, которые приняли активное участие в работе школьных учебных и творческих объединений. В программе бала было театрализованное представление и концерт, конкурсы юных историков, математиков, экологов, художников, артистов. Праздник стал своеобразным массовым и увлекательным смотром талантов».

«ЗА ТРИ ЧАСА до боя курантов буквально умирал с похмелья некий житель областного центра. Мучения бедолаги были столь сильны, что он схватился за ружье и объявил родственникам о своей немедленной кончине. Алкогольный психоз снимала сводная бригада милиционеров и спасателей. Первые отняли у гражданина ружье, а вторые провели с ним беседу на антиалкогольную тему».

«А МНЕ запомнился Путин. За пять минут до Нового года Президент поздравлял нас по телевизору, сидя в президентском кресле, но... сбоку от президентского стола. Такой посадки вождя мы еще не видели. Дерзко так, и в то же время демократично и даже интимно. И в то же время при исполнении».

«ПЕРМЯКИ миновали Рубеж Тысячелетия относительно спокойно. Тысячи горожан в новогоднюю ночь выходили на улицы, катались с ледяных гор, пили, пели. Потерявших равновесие подбирала милиция. Было указание доставлять всех домой. В тех случаях, когда гуляка не мог

назвать свой адрес, его препровождали в казенное заведение».

«НА ЭСПЛАНАДЕ областного центра дежурила бригада городской службы спасения. “Главная елка области” прошла без эксцессов – никого не затоптали и не зарезали. Троице обратившимся медицинская помощь была оказана на месте – им перебинтовали порезанные пальцы, одного пострадавшего отправили в больницу с черепно-мозговой травмой вследствие удара бутылкой по голове».

«ЗАГОРЕЛИСЬ от пиротехнических средств три квартиры – в Дзержинском, Свердловском и Мотовилихинском районах. Причем в двух случаях огненные “гостинцы” залетели в окно с улицы».

«ОТ ВЗРЫВА петарды в Перми погибла женщина. Трагедия произошла в три часа ночи в сквере около мини-рынка на улице Гусарова. Около установленной здесь елки собралось более 300 человек. В разгар веселья кто-то запустил китайскую петарду, которая попала прямо в лицо Светлане Разгуляевой, пришедшей в сквер с мужем. Приехавшая через несколько минут “скорая помощь” лишь констатировала смерть. Милиция найти виновников в пьяной толпе не смогла».

«В ЦЕЛОМ в Перми с предельной нагрузкой работали все 74 бригады “скорой помощи”. Пик вызовов пришелся на 1 января. По сравнению с прошлым годом он поднялся более чем в полтора раза. Основной диагноз на утро нового века – алкогольное отравление»...

Уйти от банальной пьянки удалось немногим. В числе оригиналов оказался пермский бард, режиссер и путешественник Анатолий Кай. Вместе с друзьями он перелетел в новое тысячелетие на воздушном шаре. Старт назначили в центре Кунгура, взлетали изнутри замкнутого каре знаменитого гостиного двора. Местные жители, страстно желавшие в знаменательную ночь какого-нибудь чуда, были весьма удовлетворены. Аэронавты, пуская прожектором лучи, поднялись в небо, полетели, прощально мигая старинному городу, и скрылись из виду в непроглядном далеке нового времени...

Говорят, приземлились они удачно. Передавали, что новое время им нравится. Что оно гораздо лучше старого, и все люди там, в новом времени, здоровы и счастливы, город Пермь великолепен, а в Егошихе водятся хариусы.

Это хорошо. В этом мы как бы даже и не сомневались. Но один вопрос не дает нам покоя, уважаемые потомки:
КАКАЯ ТАМ У ВАС ВЛАСТЬ В ГОРОДЕ?!?!

2001 г.

Содержание

Светлана Федотова.	
Молотовский коктейль	3
В. Раков. Вкус «Молотовского коктейля»	5
1. Враги (директор завода имени Сталина Иосиф Побережский)	13
2. Отцы и дети (первый секретарь обкома ВКП(б) Молотовской области Николай Гусаров)	27
3. Судьба авангардиста в Очёре (фотограф Александр Родченко)	41
4. Советская амазонка (руководитель отдела промышленности боеприпасов Молотовского обкома ВКП(б) Вера Балкова)	49
5. Пермь – родина «катюш» (Пермский пороховой завод)	55
6. Чудинов и его очёрии (палеонтолог Петр Чудинов)	71
7. Парины (династия врачей Париных)	78
8. Директор (директор Березниковского титано-магниевого комбината Клавдий Циренщиков)	95
9. Под небом голубым (летчик Сергей Сафронов)	100
10. Заводской генерал (директор завода имени Свердлова Борис Изгагин)	111
11. Незаменимый человек (заместитель генерального директора Пермского моторостроительного завода Давид Кацнельсон)	116
12. Зубр (первый секретарь Пермского обкома КПСС Борис Коноплев)	123
Владимир Киришин.	
Частная жизнь. Очерки частной жизни пермяков. 1955 – 2001	133
В. Раков. Частная жизнь как она есть и как ее нет	135
Письмо читателям от автора	145
1955. Мы сильнее всех в мире!	148
1956. Народ-безотцовщина	149
1957. Маленькие злые американцы	151
1958. Дополиэтиленовая эра	152
1959. Сургуч на горлышке	154

1960. Мальчики в лифчиках	156
1961. Наша весна	158
1962. Эра синтетики	159
1963. Очереди за хлебом	161
1964. Здоровеньки булы!	163
1965. Твист! Танцуют все!	165
1966. Знамя в розницу и сигареты «Спорт»	167
1967. Сто грамм и пирожок	169
1968. Шейк на «бану»	171
1969. «Дрянск»-антисоветчик	174
1970. Про любовь	177
1971. «Гулливеры» в «огороде»	179
1972. Джинсовый зуб	182
1973. Ветер с запада	185
1974. Не плачь, девчонка	188
1975. Говорит радиостанция «Юность»!	190
1976. Подпольный клип	193
1977. «Шанхай» на Крохалевке	196
1978. Всем было «по фиг»	198
1979. Отвяз с оттягом	202
1980. Диковатые жители закрытого города	204
1981. Как мы чокались	207
1982. К Червякову в гости	210
1983. Феличита!	213
1984. Последний год «застоя»	216
1985. Грог в самоваре	219
1986. В Перми все спокойно	221
1987. Пермь – открытый город!	225
1988. Культ колбасы и правды	227
1989. Люди за «слоновыми» перилами	230
1990. Между землей и небом – война	234
1991. Праздник «двоечников»	237
1992. Пиррова победа	240
1993. Какофония страстей	243
1994. Детские игры	246
1995. Мы – американцы	249
1996. Зависть – двигатель прогресса	252
1997. Народные гулянья	255
1998. Стабильность по-пермски	258
1999. Что нас волновало год назад	261
2000. Последний год XX века	263
2001. Письмо потомкам (послесловие)	265

Литературно-художественное издание

Светлана Леонидовна Федотова
Молотовский коктейль

Владимир Александрович Киршин

Частная жизнь
Очерки частной жизни пермяков
1955 – 2001

Идея проекта **Алексей Иванов**
Руководитель проекта **Илья Вилькевич**
Оформление серии **Ольга Давыдычева**
Издатель «Продюсерский центр «Июль-медиа»

Редакторы **Надежда Гашева, Ксения Гашева**
Корректор **Анна Егорова**
Верстка **издательство «Мастер-ключ»**

Издание подготовлено при поддержке
министерства культуры и массовых
коммуникаций Пермского края.

Отпечатано в ОАО ИПК «Звезда». Россия, 614990, г. Пермь, ГСП-131, ул. Дружбы, 34;
тел. (342) 248-24-00, факс (342) 248-34-26.
Подписано в печать 18.03.2009 г. Формат 84x108 1/32. Бумага офсетная.
Объем 9,5 печ. л. Тираж 2500 экз. Заказ № 593.

Министерство культуры и массовых коммуникаций Пермского края

В людях, о которых пишет Светлана Федотова, были героизм и аскетичность. Аскеза не только этически красива, она – основной двигатель истории, и ее оправдание, в частности оправдание истории советского времени, выведено преимущественно черными чернилами человеческих судеб... Очерки Светланы Федотовой – о настоящей Перми. Не о той, над которой растянута равнодушно-риторический лозунг последних лет «Я люблю тебя, Пермь!». Любить можно только с открытыми глазами.

Книга писателя Владимира Киршина «Частная жизнь» – некоторым образом историческая. В ней описывается, как на протяжении 45 лет текла в Перми (наряду с Камой и вдоль нее) река по имени Повседневность... Мы, сегодняшние, не столь архаичны, как в 50–60-е, не столь безнадежно-апатичны, как в 70-е... Мы стали чаще полагаться на себя. Наша нынешняя частная жизнь – как памятник Никите Хрущеву на Новодевичьем работы Эрнста Неизвестного: черное с белым, и исход не ясен.

Вячеслав Раков,
кандидат исторических наук

ISBN 978-5-88187-384-4

9 785881 873844 >